

Геннадий Васильев

*Весенняя песня
скворца*

Марине Тарасовой — жене и верному другу

Геннадий Васильев

Весенняя песня скворца

Под надёжным покровом любви

О новой книге Геннадия Васильева

Красноярского поэта Геннадия Васильева я — почти всерьёз — называю литературным многостаночником. Блестящий публицист, журналист, освоивший, кажется, все пути-дороги, ниши и закоулки масс-медиа, включая кулинарный журнал и его глянцевого аналога, посвящённый домашнему хозяйству. Автор-исполнитель, то есть бард, сочинивший, помимо всего прочего, множество песен для театральных спектаклей. Учитель словесного ремесла, счастливый в успешных учениках. И наконец, бесстрашный новатор, идущий вслед за глубоко укоренённой в нашей культуре традицией, но постоянно испытывающий её на прочность и привносящий в неё неповторимые собственные ноты.

Вот и эта книга — одновременно и традиционна, и нова. Это и сложная мозаика — переплетение жанров, голосов, техник, — и удивительное целостное полотно, на котором перед нами предстаёт творческий очерк судьбы одного человека и тщательно выписанный портрет поколения. Всё невыдуманное и сочинённое здесь равно естественны, а задушевная интонация, свойственная бардовскому лирическому высказыванию, словно бы погружает стихи, прозу, дневник, газетную заметку, интервью и автобиографию в особую атмосферу тепла и мягкого вечернего света, без которой не может долго обойтись человек, даже самый брутальный и модернизированный. Мир, оживающий на этих страницах, отнюдь не идеален. Он — как дитя — израстается в каждом факте, в каждом событии: страдает и радуется, кричит от боли и поёт от счастья, стреляет, взрывается и исцеляет, безумствует и умиротворяется в умной беседе. Но прикосновение к нему — осмысленному и овеятому — в слове — не оставляет на сердце читателя тёмных следов.

В книге этой Геннадий Васильев не просто собирает воедино значительную часть из того, что было создано, он — рефлектирует, анализирует, рассуждает... и даже, кажется, медитирует над своим сокровищем, вовлекая в медитацию читателя. Здесь много самоиронии и юмора, многие оценки социальных и политических явлений не допускают компромисса, но всё же главная героиня этого, по-своему героического, эпоса — Любовь. И она не допускает ни злобы, ни распада, ни разочарования, ни отчаяния.

*Марина Саввиных,
11 марта 2014 г.*

***

И память становится слабой,
и слово не трогает мир.
И даже красивые бабы —
не блюдо уже, а гарнир.

По капельке дни убывают,
и годы звенят тетивой...
Но ты — бесконечно живая!
И я — беспардонно живой!

Мы тискаем наши пожитки,
мы нашим добром дорожим.
Не только планета кружит нас —
мы сами планету кружим.

Зима наступает на пятки,
и ветер терзает рукав.
Но мы ещё — в полном порядке!
Мы в полном порядке пока!

И что нам суровая проза,
что снега седой порошок?
Мы живы!
И пофиг морозы.
Мы счастливы.
Нам хорошо.

ОТ АВТОРА

В 1995 году на Всероссийском совещании молодых литераторов в Ярославле, куда я был делегирован в составе молодых дарований от Красноярска стараниями Романа Харисовича Солнцева, сам Солнцев же меня и критиковал на семинаре: «Много посвящений, очень много! От этого стихи теряют самостоятельность». И пусть теряют, думал я. Ко времени этого совещания «молодому дарованию» минуло 36, и к сочинительству своему я относился в меру легкомысленно. Со временем научился больше ценить слово, не тратить его попусту. Но количество посвящений от этого не уменьшилось. Наоборот: жизнь всё чаще огорчает потерями, и всё больше строк, написанных вослед.

Вот и эта книга, как и все, что я придумал и ещё придумаю, адресована близким, друзьям, людям, которых я очень люблю. Здесь много — о любви и дружбе, о разлуках временных и о расставании навек, здесь много грустного и мало весёлого. Что ж, жизнь мне видится вот такой.

До недавнего времени я думал, что пишу в основном песни. Оказалось — не совсем. Как раз в последнее время как-то нечасто укладываются строчки в канву мелодии. Или уж я обленился вконец. Но здесь есть всё — и то, что полноправно можно отнести к самостоятельным стихотворениям, и то, что прочно опирается на гитару. Эта книга — история жизни, её страницы написаны одним почерком — но очень по-разному, и мне просто жаль выдёргивать те, что интересны по сути, но написаны не слишком изящным слогом. Пусть уж — как было на самом деле.

Это отличает её от обычного поэтического сборника. Ещё одно отличие — здесь много воспоминаний о людях и обстоятельствах, в которых меня помещала и продолжает помещать жизнь. Ведь по одной из своих профессий — пожалуй, главной — я журналист, и мне свойственно изъясняться не только в рифму, но и языком публицистики. По этой же причине в самом конце, в разделе «P. S. Шесть интервью», я решил поместить несколько интервью с людьми, особенно дорогими и интересными мне.

И ещё об одном хочу сказать. В последние годы я активно участвую в разного рода творческих встречах. Не всем и не всегда нравится то, что я сочиняю. Если вам не понравится — вы не расстраивайтесь и не ругайте автора. Просто закройте книжку. Значит, мы с вами не совпадаем — это бывает.

Геннадий Васильев

Я ВНОВЬ ВСПОМИНАЮ РОДНЫЕ МЕСТА

Я родом из Томска, хотя жили мы больше в деревне, чем в городе. У меня сохранилось очень мало фотографий моих родителей. И совсем нет ни строчки, посвящённой им, их памяти. Связано это, думаю, с хроническим семейным неблагополучием. И с тем, что ушли они в то время, когда я или не принадлежал себе, или был романтиком.

Отец умер, когда я служил танкистом в Группе советских войск в Германии (ГСВГ). По тогдашним законам отпуск в связи со смертью родственника военнослужащему срочной службы могли предоставить, только если телеграмма об этом была заверена в местном военкомате. Телеграмма пришла незаверенной, её вернули в Томск. Пока заверяли и пересылали заново, пока я ехал поездом (не помню — почему именно поездом? Вероятно, и это регулировалось какими-то идиотскими нормами...) из Германии — отца уже похоронили.

Отец ушёл, когда я себе не принадлежал.

Мать — когда я был романтиком. Со всеми вытекающими отсюда последствиями, когда никто не дорог, а дорога только идея. Идея состояла в том, чтобы созидать. По окончании службы в армии я поехал по комсомольской путёвке строить КАТЭК — Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс, это была последняя в истории Советского Союза ВУКС: Всесоюзная ударная комсомольская стройка с центром в городе Шарыпово Красноярского края. К этому местечку на карте я не раз ещё буду возвращаться в воспоминаниях и стихах, там было много радостного и не очень, главное — там я состоялся как личность, почти до конца пережив

состояние романтической увлечённости эпохой. Но когда случилась смерть матери — она умерла в Томске, — я находился как раз в состоянии этой романтической увлечённости — и не ощутил себя сиротой.

И только много лет спустя ноющей болью настигло меня давнее чувство... не потери уже, нет. Скорее — вины за то, что не испытал тогда, вовремя. И вылилось в стихотворение. Я адресовал его Андрею Антоненко, своему давнему другу, ныне живущему в Шарьпове. Наверное, потому, что как ни по-разному мы живём, а связывают нас и прошлое, и — в прошлом — некоторая неприкаянность.

***

Андрею Антоненко

Я вновь вспоминаю родные места:
но эти — не эти и эта — не та...
И сам я — из странной какой-то страны,
и брюки — не брюки на мне, а штаны,
и коротки здесь, там — длинны...

Меняется всё. И меняемся мы.
И валенки прежде нам были — пимы.
И мама жила и, воюя с отцом,
ладони вздымала над мокрым лицом,
ругая отца подлецом.

Теперь ни отца и ни мамы. Увы.
Теперь к моим детям уж кто-то на «вы»,
и дедушка я иль не дедушка я,
не знаю я вовсе о том ничего.
Не знаю о том ничего.

И вновь вспоминаю родные места:
закуска всё та же — да водка не та.
И кажется — вкусно, а всё же — держись! —
как выпил — как будто бы прожил всю жизнь
(прожИл? или прОжил? как правильно-то?
Уже не узнает об этом никто...
Язык — для язысканных. Так ли, мой друг?

Всё меньше таких. И всё уже их круг.
Зато — и изысканней круг).

А я вспоминаю родные места.
И эти — не эти. А эта — не та.
«Но есть ведь другие!»
Да, есть. Но — увы:
другие — иные, а эти — не вы.

И всем не сносить головы.

Впрочем, не только это стихотворение — попытка обернуться и что-то там, позади, разглядеть. Поскольку разглядеть не удаётся и не удастся уже никогда, что остаётся автору, в данном случае — литератору? Использовать своё право домысливать.

НАБРОСКИ АВТОБИОГРАФИИ

Мой папа вышел из интеллигентов,
ушёл в народ — и не вернулся к нам.
Мы с мамой мир делили пополам:
на нас без папы и на алименты.

И бешено тощали кошельки,
из кухни доносились матерки,
а коммунальных комнаток хамьё
нам в щёлочку кричало: «Жидовьё!»

Меня не научили бить по роже,
а в доме, не просохшем от тоски,
как боги, появлялись мужики
(но друг на друга дьявольски похожи).

И виновато прятали глаза
и уходили, не глядя назад,
оставив нам продукты из КООП,
пустую тару по двенадцать коп.

Прошли года. Мы жили не без жиру.
Мой папа эмигрировал давно
туда, откуда визы не дано
в края любые при любом режиме.

И мама вслед за ним ушла тиха,
испортив мне анкету впопыхах.
Я стал «национальности лицо».
Бьют по лицу не только подлецов.

Был тёплым вечер, словно ночь в Багдаде.
Разнузданно черёмуха цвела.
Вещал нам про жидомасонский клан
товарищ вовсе не для смеха ради.

Текли слова, как семечек лузга,
наш друг спасти Россию предлагал.
А я себе казался мертвецом
и прятал неславянское лицо.

Себя не выдал ни единым словом.
Но неужель сегодня, как и встарь,
опять кому-то музыкаю став,
пойдут трещать пожарами погромы?

Я много видел разных молодцов
и тоже научился бить в лицо.
В себе хоть лютой злобы не коплю —
подонков я по-русски не люблю.

***

Оле и Мише

Вы, греки древние! Вы, славные этруски!
И ты, Израиль, — переполненный вокзал!
Анализ крови показал, что я — не русский,
но, к сожалению, кто я, — не показал.

Мой доктор, кланяясь истории болезни,
под микроскопом каплю крови изучал.
Его старанья оказались бесполезны:
он не сумел сыскать концов моих начал.

Туманно прошлое. А будущее — странно.
Как жить, не зная, кто ты: курд или мордва?
Какие страны для тебя — родные страны?
Какие буквы для тебя — свои слова?

Да так ли важно? Жизнь — сплошные перепутья.
Корней Чуковский ты, а был — Корнейчуков.
Анализ совести твердит, что я — не Путин.
И не Медведев. Важно — чтобы не Сурков.

Вот это важно! Остальное — лицедейство!
Арапство Пушкину поставить ли на вид?
В моей крови ничтожной толикой еврейство,
а по культуре я — простой космополит.

Ну, вот и сказано. И можно ставить точку.
Вот-вот двенадцать будет — середина дня.
...В Москве живёт моя единственная дочка,
с еврейским мужем на два голоса звеня.

Они звенят — и сердце тает, отлетая,
и мне плевать, кто я — хохол или грузин!
И мы живём и дни по-разному считаем,
а дней всё меньше, но всё больше лет и зим.

...Двенадцать бьёт. В Покровке выстрелила пушка.
День обозначился рождённою строкой.
Анализ слова показал, что я — не Пушкин.
Он показал, что я — Васильев. Но — какой?..

***

Как расточительно живём,
друг друга двигая плечами,
сгорая пёстрыми свечами
на вечном поприще своём!
Когда мы, замкнуты в стенах,
глаза любимых ищем рядом, —
ещё нам большего не надо,
ещё на «ох!» не сменим «ах!».

Когда волнами ходит кровь
и мысль разламывает череп, —
ещё нам белый свет не черен,
и сладок пир, и тесен кров.
Ещё друзей терять не жаль
и обретать врагов не поздно.
По-прежнему сиренев воздух.
По-прежнему лилова даль.

Но отшумит листва любви,
зашелестят шаги по саду,
и двор с кладбищенской оградой
остынет инеем в крови.
И в небо зимнее споём
последний, лебединый выдох.
Но вместо «Господи, не выдай!» —
«Как расточительно живём!»

г. Киев, 1993 г. Из архива автора

☞ ЧТОБ ДРУГИХ ПАЦАНОВ УБЕРЕЧЬ ОТ ВОЙНЫ...

В армию я пошёл хоть с опаской, но и с некоторым облегчением, осознанно: послешкольная биография не складывалась, в Томске не прижился, никуда не поступал, в селе же водил дружбу с сильно пьющей компанией — и сам был таким же. Армия и мне, и маме моей казалась для меня спасением. В общем, так и вышло. Служил почти с удовольствием. Не довелось испытать на себе всех тягот дедовщины, мелкие инциденты не в счёт. И даже мысль возникла: не остаться ли там навсегда? Хорошо ведь: ничего от тебя не зависит, всё решается за тебя. На территории части была школа прапорщиков, и перспектива открывалась вполне реальная. ГДР хоть и была социалистической страной, но жизнь и там заметно отличалась от жизни в СССР — богаче и разнообразнее. Бог уберёт или своего ума хватило — не остался.

А спустя годы стал закоренелым пацифистом.

Я не видел войны, не видел смерти на войне. Мой сын — видел, он воевал в Чечне, ездил наёмником. Ему бы её ненавидеть, а не мне. Вышло наоборот.

10 ноября 2008 года, через четыре дня после теракта во Владикавказе, в газете «Городские новости», где я тогда работал, вышел такой вот мой первополосный двухколонник.

ГОРЯЧИЕ МНОГОТОЧИЯ

Приходится начинать с оговорки: на момент, когда верстался номер, террористический акт во Владикавказе считался одним из самых горя-

чих событий последних дней. Неизвестно, что будет, когда номер попадёт в руки читателей. Я не каркаю. Жизнь такая. Круглый наш шарик опоясан ожерельем из горячих точек.

6 ноября террористка-смертница лишила жизни одиннадцать жителей Владикавказа и рассталась со своей. Скорее всего, без сожаления, хотя постичь логику смертника трудно. Но и нам — не жалеть же её... Жаль тех, ни в чём не повинных, о которых теперь убиваются родные. Опять же: это для нас, сторонних наблюдателей, они — ни в чём не повинны. Если докажут, что террористка — из Грузии, для неё они виновны уж тем, что осетины.

Или тем, что живут в Осетии.

Или просто тем, что живут...

Не исключено, что у неё тоже кто-то погиб в бестолковой и никому не нужной войне. Что за спиной у неё, несмотря на невеликий возраст (в милицейской ориентировке — 20—25 лет), — горе. И на этой почве расстроилась психика. И она, как свойственно большинству маргиналов, не стала искать виноватых. Она их назначила.

Во Владикавказе и прежде гремели взрывы. В 2000 году заряд, эквивалентный 300 граммам тротила, унёс жизни пяти человек, 16 покалечил. Взрыв раздался в одном из самых людных мест города — на центральном рынке. Ещё раньше там же от взрыва погибли 54 человека. Столица Северной Осетии стала горячей точкой — одной из многих на планете, и число их не убывает. Скорее — растёт.

Давно уже кто-то сказал, что человечество никуда не ушло от варварства как состояния души. Несмотря на развитие высоких технологий. Последние только позволили усовершенствовать процесс уничтожения себе подобных. Хотя к случаям с террористами и это не относится: большинство взрывных устройств изготавливается кустарно. Да какая разница — на коленке сделана бомба или украдена (куплена) у военных. Она всё равно взорвётся.

Нормальная человеческая реакция на очередной теракт — кричать «До каких пор?!» и «Когда нас оградят?!». Бессмысленно. Именно потому, что терактам давно потеряян счёт, они стали просто «очередными». И в новостных лентах заголовки об этом держат верх от силы пару-тройку дней. И даже ощущение бессилия и незащищённости потеряло свою остроту. Взорваться может что угодно, когда угодно и где угодно, будь то Северный Кавказ или Восточная Сибирь. Мне, лично мне, будет одинаково больно. Это одинаково близко от меня.

В Восточной Сибири живём я и моя семья. На Северном Кавказе, в столице Северной Осетии, живут мой сын, его сестра, мать, бабушка. Сын родился в Томске, а с его матерью мы познакомились в Шарьпове, тогда столице последней ударной стройки коммунизма — КАТЭКа: Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. ГРЭС строили русские, хохлы, грузины, осетины, дагестанцы. Поначалу, бывало, дрались, потом перестали: как-то неловко сегодня бить друг другу лицо, если завтра — в одну бригаду. Земля была круглой, и места на ней хватало всем. Симпатичный грузин с классическим именем Гиви женился на красавице из Воронежа Ларисе, я нашёл жену из Осетии. Существует множество причин, почему люди расстаются. Нас жизнь развела вот так — я здесь, сын во Владикавказе.

Когда началась осетино-грузинская (или как её правильно назвать?) война, сыну «повезло»: за пару дней до этого, в день своего рождения, он упал с крыши и сломал руку. Если бы не это, он мог оказаться на войне. В силу характера. И военного опыта, приобретённого в Чечне. И тогда он тоже был бы перед кем-то виноват. Или искупил бы чью-то вину: на войне, случается, убивают. Он оказался в гипсе.

Ему повезло.

...Который день я не могу дозвониться до сына и его матери. Как нарочно, оба телефона отключены. Они, правда, живут далеко от места трагедии. Но они ходят и ездят на работу. Наконец, у меня появилось утешение. В списке погибших пассажиров взорванной маршрутки родной — моей — фамилии нет.

И на том спасибо.

*«Городские новости»,
г. Красноярск,
10 ноября 2008 г.*

ДУДОЧКА

Играй, играй, дудочка!
Свети, свети, солнышко!
Сверкай, сверкай, реченька,
серебряным донышком!

Лети, лети, ласточка,
не опали крылышки,
туда, где ждёт весточки
солдатик мой рыженький.

Который год, милая,
который год, пташечка,
вокруг него смертушка
поклоны бьёт страшные.

В чужой стране, милая,
в чужой войне, пташечка,
который год мается.
Лети к нему, ласточка.

...Играй, играй, дудочка!
Свети, свети, солнышко!
Сверкай, сверкай, реченька,
серебряным донышком!

А где же ты, ласточка?
А где ж твои крылышки?

«Под серым спит камушком
солдатик твой рыженький...»

СЕРАЯ СКОТИНКА

Высоки башмаки,
тяжелы подмётки.
Берега без реки,
пьяница без водки.
Что ж нам жить-горевать?
Нет, никто не скажет.
Всё одно — помирать,
всё одно — поляжем.

От чужой стороны
до родной квартиры —
эх, дороги длинны
от войны до мира,
от весны до весны,
от земли до Бога...
У короткой войны
дальняя дорога.

Ну, давай, не зевай,
серая скотинка!
Ах, чужой каравай —
мягкая срединка.
А вернёмся домой,
отболят раны, —
будем шляться с сумой,
станем ветераны.

Снова в путь. Как-нибудь —
за царя, за веру.
И «Георгий» на грудь,
станем кавалеры!
Что ж нам жить-горевать?
Никому не ясно.
Всё одно — помирать.
Всё одно — напрасно.

ЧЕЧНЯ. 1995 г.

Нам не жить без войны ни теперь, ни потом.
Наши злые дела отольются в бетон.

Станет пеплом земля, станет кровью вода.
Нам не жить без войны ни теперь — никогда.

Злостью вывернут рот молодого бойца.
Что он в жизни чужой понимает, пацан?

А ему понимать бы. Ему бы посметь
бросить мёртвый металл, сплюнуть чёрную смерть,
за чужую беду не носить бы вины!..

Ни теперь, ни потом нам не жить без войны.

Будут вороны очи клевать, как зерно.
Будут чёрные тучи ходить ходуном.

Будут плечи дрожать от рыданий немых,
от сознания: «Господи, это — не мы ль?!»

И на старой дороге, стремящейся вдаль,
будет вечно темнеть материнская шаль,

будет вечно рука осенять нас крестом.

Наши злые дела отольются потом.

Мы — проклятое племя. Спасения нет.
Всем нам лучше бы сгинуть на этой войне!

Чтоб других пацанов убересть от войны.
И вины.
Да за что же — вины?

☞ Чтоб других пацанов уберечь от войны...

КАТЭЖ, начало 80-х. Фото Альгирдаса Пуоджюнаса

КАТЭК, начало 80-х. Фото Альгирдаса Пуоджюнаса

АБОРИГЕНЫ ПЛАНЕТЫ ОБШАГА

Неухоженный, пыльный, грязный в начале 80-х годов посёлок Шарыпово (в 1981 году ему присвоили статус города) мне понравился сразу. В этой влюблённости, скоро переросшей в любовь, было всё: и жизнь заново, с первого колышка, и предощущение судьбы, и та самая пресловутая романтика созидания. Впечатляло нарисованное начальником стройки будущее — 120-метровое здание ГРЭС, полукилометровая труба, — вызывали первобытное уважение похожие на динозавров скреперы, священный трепет внушали БелАЗы... Как всякая ударная стройка, КАТЭК опекался, это была зона особого внимания журналистов газеты «Красноярский комсомолец», подшефная стройка, они там бывали постоянно. Позже со многими из них я подружился и дружу до сих пор.

Я приехал в Шарыпово в апреле 1980 года, а тем же летом там прошёл первый фестиваль авторской песни. К тому времени я уже успел попасть в крошечное литобъединение, которым руководила Валя Тревогина, — кажется, так звали эту девушку. В рамках фестиваля был объявлен конкурс на лучшее стихотворение о КАТЭКе. Я узнал об этом поздно, а когда узнал — за ночь написал три стихотворения. Начало одного помню до сих пор:

Даль голубая, синь бесконечная,
Травы в слезинках росы...
Здравствуй, Сибирь моя, добрая, вечная,
Я — твой хозяин и сын!
Мне по душе твоё хвойное золото,

Строгая мудрость твоя.
Здравствуй, Сибирь моя, вечная молодость,
Лучшая песня моя!

Эти трескучие графоманские строки примечательны тем, что, во-первых, за них мне, как лауреату конкурса, присудили фотоаппарат (который, правда, так и не вручили), а во-вторых, благодаря им я познакомился и потом долгие годы общался с Аидой Петровной Фёдоровой, которую и считаю своим первым литературным наставником. Она со своим литобъединением приехала из Красноярска, чтобы оценить наши шедевры. Что уж она разглядела в этой «лучшей песне», но что-то разглядела. Мы познакомились, потом переписывались, я отправлял ей свои стихи. Наставляла она строго, порой жестоко. Зато, когда я впервые получил от неё скуповатое «наконец в ваших строчках появилось что-то своё», это было выше всяких похвал. «Что-то своё» — это было вот что.

А ДИСК КРУЖИТСЯ

А музыка
                        ключом своим мажорным
стучится в раскалённые мозги.
Но всё равно —
                        на диске этом чёрном
минорные мне видятся круги.
Сбежать бы в те края,
                        где раньше не был,
вдыхать черёмух
                        тонкие духи.
Там травы — в рост,
                        и там закаты — в небо,
там будет время
                        замолить грехи!
А диск кружится —
                        мерно, тихо, плавно,
и всхлипывает смехом саксофон.
А за окном
                        скрипуче ноет ставня

***

Мы — аборигены
 планеты Общага,
 казённого рая,
 кастрюльного чада,
 мы дети истошных
 боёв коридорных,
 и замыслов светлых,
 и помыслов чёрных,
 с трескучим будильником
 ранних сражений
 и с перебоями
 в водоснабжении.

Мы — аборигены,
 и всё это — наше.
 Пускай вам потом
 не споют, так расскажут —
 откуда мы, кто мы,
 какими мы были,
 и как нас любили
 и как не любили,
 и как наши спины
 лоснились от пота,
 какую мы знали
 в работе заботу.

Мы — аборигены.
 Вы будете после,
 когда наши годы
 покатаются в осень.
 Но знайте: сегодня мы —
 пламя и кремень.

Мы делаем
 дело.
 Мы делаем
 время.

КАТЭК

Серьёзный КраЗ
  утюжит дорогу,
серьёзно хмурит
  усталые фары.
На рытвинах
  припоминает Бога
шофёр — такой
  несерьёзный парень!
Жуёт «беломорину»,
  кепка — всмятку,
на стёклах — супермадонны
  в плавках.
И он сверкает
  на супермир
белками белыми, как кефир.
А КраЗ дрожит
от негодованья,
а пыль в кабину
  вползает в щёлки,
а пыль — помехой
  в сухой гортани...
О чём ты думаешь,
  парень в кепке?
Откуда ты?
  И зачем тебе,
тряся «беломориной» на губе,
глотая строек сухую пыль,
вести куда-то
  автомобиль?
Иль ты хапуга,
  до денег жадный?
Иль ты романтик
  с душою жаркой?
Какому Богу
  бессменно служишь?
Какую тайну
  хранит твоя память?
...Серьёзный КраЗ
дорогу утюжит,
монументален.

Как уже сказал, в Шарыпове случилось со мной многое: и две неудачных любви (следствие — сын, который далеко и с которым живём очень разными жизнями, и дочка, которая тоже далеко, но с которой связывает множество общих жизненных ценностей), и потом третья — тоже неудачная, и моё не слишком торжественное, но всё же вступление в профессию журналиста, и стремительное нравственное и духовное взросление благодаря друзьям, каких у меня ни до, ни после уже не случилось...

А ещё были первые мои опыты и публичных выступлений с гитарой, и участия в публичных обсуждениях собственных, робких ещё, творений. На первом (первом — для меня) краевом семинаре молодых литераторов в Красноярске нас из Шарыпова было не то пятеро, не то семеро. Я читал стихотворения, написанные в Томске и получившие одобрение в литобъединении, которым руководил поэт и прозаик Борис Николаевич Климычев.

***

Ирине

Ну, пора.
Не поминайте лихом.
Тепловоз отчаянно гуднёт
и, смирясь,
                                взволнованно и тихо
постоит —
                                и в темноту шагнёт.

И опять —
                                вагонное качанье,
километров
                                сомкнутая рать...
И опять я вспомню:
                                на прощанье
чью-то руку
                                не успел пожать.

***

Я позвоню тебе.
Крутну привычно диск —
и станет пальцам
весело и жарко.
«Да, я... я слушаю...» —
и сердце, как радист,
в виски колотит
точками морзянки.
И, как к надежде,
к чёрной трубке
льнёт щека,
как счастье жить,
мне голос твой подарен.
За эту радость
телефонного звонка,
как за любовь,
тебе я благодарен.

Были тогда уже и первые попытки задуматься о какой-то глубинной сущности человеческой природы, о душе, о нравственных категориях. Но всё, что тогда сочинялось, так или иначе всё равно свивалось в лирическую канву. Как и всё или почти всё, что придумалось позже. Стихотворения в этом разделе разные по уровню, но все они по крайней мере свидетельствуют об одном: автор, то есть я, активно искал себя, нащупывал свой голос, в том числе через наивные декларации, через штампы и подражания. Мне кажется, это, во всяком случае, любопытно — посмотреть, как поэт искал себя, каким путём он шёл к настоящему. Или я ошибаюсь?

ДЕКЛАРАТИВНОЕ

Ныне и присно,
на годы и веки —
да не исчезнет
любовь в человеке!

Да сохранится
в тебе и во мне
к тихой былинке,
к шумной сосне,
к жёлтому пятнышку
солнца в оконце
и к ненашедшему
места под солнцем,
к нашей стране
и к не нашей стране,
к близкой родне
и к неблизкой родне!
Да не проснутся,
уснувши навеки —
ныне и присно!
ныне и присно! —
чёртики чёрного
зла в человеке —
ныне и присно!
ныне и присно!

Ты улыбаешься
щедро ли, скупю, —
как я люблю
твои добрые губы!

Ныне и присно,
на годы и вечно —
да сохранит
человек
человечье!

***

Всё б ничего, да кот на печи
холод почувал, жмётся к теплу.
Ветер оборванной ставней стучит.
Мыши скребутся в тёмном углу.

Всё б ничего, да пёс во дворе
гостя почувал, рвётся с цепи.
Ключ не найти, чтоб дверь запереть.
Дров не найти, чтоб печь истопить.

Всё б ничего — нет силы в руках.
Сронит рука острый топор.
Всё б ничего, да жизнь дорога.
Жизнь дорога, да топор остёр.

***

Огороды, огороды...
В огородах — ни черта.
Да железная дорога,
как последняя черта.

Подводя с тобой итоги,
будем чай с лимоном пить,
по железной по дороге
будем взглядами водить.

Расплывётся в огородах
дым сжигаемой ботвы,
небо станет небосводом,
Осень, Осень, это — Вы.

Это Вы листвою на крыши
в жизнь вошли, шаги глуша.
И дрожит, на ладан дышит
наша бывшая душа,

разделённая на будни,
на тебя и на меня.
Всё разложим. Всё обсудим.
Разойдёмся, не кляня.

И с другими дорогими
будем чай с лимоном пить.
Будем новые — другие —
огороды городить.

***

Кривые фонари
да в осени погряшая дорога,
старухи-сухари
да лай собак, да улицы зигзаг,
временка три на три,
да милая, которая от Бога,
мне что-то говорит
и смотрит мне в глаза.

А что в моих глазах?
Граница между верой и безверьем,
способностью парить
и полной неспособностью творить.
А белый снег летит
и укрывает чёрные деревья,
и освещают снег
кривые фонари.

И то, что замкнут круг,
доказано уже неоднократно.
Так стоит ли дерзать,
коль так мала надежда на успех?
Над властью этих рук
и этих губ над шёпотом невнятным
кружится первый снег...

***

Влажный блеск зелёной чешуи,
лампочек оранжевые нимбы.
Ёлка, словно пойманная рыба,
тихо
    плавниками
        шевелит.

ДОРОЖНОЕ

Автобус «Белогорск — Тяжин»
тихонько шлёпает ботфортами.
Ботфорты в «ёлочку» оформлены.
Снег над дорогою кружит.

Шофёр — он, как нарочно, молод
и не боится крутизны.
Мука особого помола,
душа особой глубины.

Он жизнь живёт не вполкасанья
(не «вполказанья» — вот пассаж!).
И шутит друг: «Послушай, Санька,
даёшь КамАЗ на абордаж!»

И пассажир с лицом громилы,
похмельный дух, похмельный вид, —
«Весёлый парень ты, водила!» —
шофёра так благодарит.

***

*Вы полагаете, всё это будет носиться?
Ю. Левитанский*

У нас на востоке случилась зима,
и вороны белые перья роняют,
и шкуры линяют,
и лица меняют
друзья в надоевших домах.

И вяжутся белые ленточки снов,
и ленточкам слов нескончаемо виться,
и всё, что мы свяжем, — всё будет носиться:
и зло, и добро, и любовь.

Под маговый блеск многоваттных лампад
нас наши любимые молча прощают,
и нас не печалит, что год — за плечами,
что жизнь — наугад, наугад...

А мир потихоньку отходит ко сну,
и гаснут лампы, и ровно дыханье...
А мы до рассвета сидим за стихами
в надежде увидеть весну.

ТРОНУЛСЯ ЛЁД, ГОСПОДА!

Тронулся лёд, господа!
Пора ледохода.
Снова менять поезда
на пароходы.
Вон под окошком сугроб
тает последний.
Снова менять гардероб
зимний — на летний.

Снег под шагами шуршит
жестью бумажной.
Время ускорить решит
бег черепаший.
И — до зимы — на чердак
зимние рамы.
Мне собирать чемодан,
слать телеграммы.

Тронулся лёд, господа!
Мощно и плавно
льдины уносит вода
на переплавку.
Тронулся... Вот и ему
время настало.
Только вода почему
чище не стала?

...Я поплыву по реке,
выйду на сушу.
Лёгкий мой след на песке
волны нарушат.
Ивы печально пригнут
тёмные кроны.
Я на прощанье махну
в лодке Харону.

Фото Ильи Матушкина

ВОТ ТАК И БЫВАЕТ: ПРИТАЩИТСЯ ПОЕЗДА ЗЕЛЁНЫЙ...

В жизни каждого человека, в каждой биографии есть что-то, что вспыхивает ярко, горит недолго, но согревает потом много, много лет. Если этого нет — биография неполная, и я таким людям сочувствую. У меня одним из самых ярких эпизодов в жизни был наш «Голубой вагон». Потому, вероятно, что он и явился началом становления личности.

В 1982 году столица ударной стройки, как и положено столице ударной стройки, была городом общаг и вагончиков. Получить место в общежитии оказывалось счастьем: мест не хватало. А уж таких счастливых, что жили в отдельных комнатах, можно было перечесть по пальцам. Вагончики были меньшей роскошью, но тоже доставались не каждому. Нам с моим другом Антоненко повезло: у нас появился ещё один друг, скульптор Сергей Краснолуцкий. Сегодня он член Союза художников, почётный гражданин города Шарыпово, известен также как археолог и палеонтолог, отыскавший самое большое известное в мире местонахождение останков динозавров на территории Берёзовского угольного разреза. А в начале 80-х Серёга был начинающим, хотя и очень талантливым, скульптором. Журналист Николай Кривомазов назвал то, что Сергей тогда делал, публицистикой в скульптуре. Краснолуцкий родом из Калача Воронежской области, приехал на КАТЭК не за романтикой — за давней своей любовью. С любовью, однако, что-то не вышло, девушка успела к нему охладеть, он всё-таки остался

на стройке, устроившись художником-оформителем в строительное управление. В его распоряжении был вагончик в качестве художественной мастерской, там же ему милостиво разрешили жить. И мы с Андреем составили ему компанию. Не чуждый всё-таки некоторого романтического начала, вагон Сергей собственноручно выкрасил снаружи в голубой цвет. Что бы сказала по этому поводу нынешняя публика — представить легко: три мужика живут вместе в вагоне, выкрашенном голубым... У нас с ориентацией всё было в порядке.

«Голубой вагон» очень скоро стал центром притяжения, там собирались самые разные люди: театралы — ядро будущего Шарыповского театра, журналисты, студенты — бойцы стройотрядов, туда скоро стали водить буквально экскурсии, он стал местной достопримечательностью. Мы выпускали свою стенгазету, а позже по инициативе второго секретаря горкома комсомола Сергея Ищенко стали писать плакаты на манер маяковских «Окон РОСТА», обличая городские пороки и недостатки... Писать о вагоне — выйдет целая повесть. Возможно, я и найду когда-нибудь для этого художественную форму.

Главное, что случилось в тот период, — друзья, самые близкие мне на свете люди. Среди них Сергей Гандкин и Борис Берхин. Два московских интеллигента еврейских кровей, привившие мне любовь к авторской песне, хорошей поэзии, да и вообще — любовь к жизни, творческой, насыщенной.

Наши сборища в «Голубом вагоне» стали беспокоить строительное начальство, партком, и скоро нас попросили очистить служебное помещение. Когда я пришёл в партком с просьбой разрешить провести последнее заседание, парторг вывел меня в коридор и прочёл наставление. Этого человека я с мстительным удовольствием назову: Валерий Кукоцкий. Он спросил, знаю ли я Берхина и Гандкина. Я ответил. Дальше помню дословно и не забуду никогда: «Запомните: общение с этими людьми заведёт вас в идеологическое болото!» И ещё он посоветовал мне читать поэта Михаила Дудина. Но последнее заседание всё-таки разрешил. Я всё пересказал в вагоне, народ поржал, а член нашего сообщества, стихотворец Серёжа Мотренко, потом честно пытался последовать совету партийного босса. Он взял в библиотеке большой том Михаила Дудина, всю ночь его штудировал — и нашёл, как говорит, две действительно хороших строки: «Во сне с ума сошёл ребёнок, а я не мог ему помочь».

☞ — Вот так и бывает: притащится поезд зелёный...

...Много позже, лет пяток спустя, уже в Красноярске я узнал, что вся наша дружная компания находилась под пристальным наблюдением людей из местного КГБ. Были мы и диссидентами, и даже сионистами — ну как же, два еврея!..

Вагон ушёл в прошлое, начались другие истории, и настала пора расставаний — ещё не навек, слава богу. Уехал Боря Берхин в родную Москву, скоро уехал и я — в Красноярск. Расставанья воспринимались как потери.

***

Борису Берхину

Вот так и бывает: притащится поезд зелёный,
и выйдет дежурный и жёлтый поднимет флажок.
Ещё не успели остыть от пожатья ладони,
но поезд — на запад, а мы, брат, с тобою — восток.

И вроде бы каждый ничем тут особым не занят,
и вроде бы все семафоры открыты давно...
И всё же уходит, уходит наш поезд на запад,
а мы остаёмся. И это, наверно, смешно.

Пожалуй, смешно. Но смешнее, наверно, вдвое,
что в поезде — друг и он тоже на запад спешит.
Ещё не остыла ладонь от пожатья ладони,
ещё не устала душа от тревоги души.

...Потом — телефоны, потом — откровенья в конвертах,
потом — телеграфное: «Отпуск середине зимы».
Он, правда, приедет. Он другом останется верным.
Он западом станет.
Востоком останемся мы.

***

Был у меня друг.
Что там другие страхи!
Не протянуть рук,
последней не снять рубахи.

Не вымести из избы
наших с ним ссор сор.
Поскольку друг — был.
И нет. И весь разговор.

Ещё не прошёл пыл,
ещё не угас свет.
Ну вот же он здесь был —
и вот его здесь нет.

К знакомым — его нет.
И дома его нет.
Пусть в окнах горит свет:
его для меня — нет.

И можно себе жить
и тосты не пить «за».
И можно его крыть —
и очно, и за глаза.

С другими сойдясь в круг,
слова — ерунда, пыль:
«Был у меня друг!»
А я у него был?..

ПРО СОСЕДА

А у меня сосед не спит.
Чего же он не спит?
А у соседа свет горит.
Чего же он горит?
Сосед выходит в коридор,
небритый и хмельной,
и непонятный разговор
заводит он со мной.

Из пачки тянет «Беломор»
и щурится на свет
и очень странный разговор
ведёт со мной сосед:
о том, что цены на вино
ужасно высоки;
о том, что не было давно
ни мяса, ни трески;

о том, что часто гаснет свет
и не идёт вода...
И гнёт, и клонит мой сосед
куда-то не туда.
Он говорит: «Народ пошёл —
ну сволоочь, не народ!
И всё, что было хорошо,
теперь — наоборот».

А я гляжу и не пойму,
куда же он гребёт,
не то по роже дать ему,
не то наоборот.
А он всё стонет про дела
и щурится на свет...

А от него жена ушла.
Вот и не спит сосед.

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ О ВЕСНЕ

А я не шлю и шлю приветы
тому, кто где-то,
а тот, кто где-то, мне приветы
не хочет слать.
А на восток приходит лето,
на запад — лето,
куда ни кинь — повсюду лето,
а здесь — весна.

А здесь — чахоточная слякоть,
и можно плакать,
и можно водку пить вначале,
а после — спирт.
А я весенними ночами
сорю свечами
и утешаюсь крепким чаем.
А город спит.

Здоровый сон болячки лечит.
А мне — не легче,
что город греет и поэта,
и подлеца.
А тот, кому я шлю приветы, —
он видит лето,
а здесь — весна и без просвета,
и без конца.

ХОДЖА НАСРЕДДИН

Куда ты бежишь, мой ишак?
За что тебя любит дорога?
«Бегу просто так, просто так,
и радости в этом немного».

О чём ты ревёшь, дурачок?
Чего тебе мало ли, много?
«Мне всё нипочём, нипочём —
и ты, и судьба, и дорога».

А солнце всё жарче,
а жизнь всё короче,
то дня не хватает, то ночи.
А я посередине,
Ходжа Насреддин я,
и грустен не очень.

Восточная сказка мудра,
не счесть мудрецов на Востоке:
Пророк, сочинивший Коран,
Аллах, перепутавший сроки.
И бедную скинув суму,
мы, на небо глядя со страхом,
поклоны кладём — но кому?
То ль дьяволу, то ли Аллаху?

А солнце всё жарче,
а жизнь всё короче,
то дня не хватает, то ночи.
А я посередине,
Ходжа Насреддин я,
и весел не очень.

Со сказкой расстаться не жаль,
но быть посложнее пророчеств.
Торопится бедный Ходжа

в халате, изодранном в клочья.
Взывает к Аллаху мулла,
молитвою день обозначив...
Восточная сказка мудра.
Ходжа никогда не заплачет.

А солнце всё жарче,
а жизнь всё короче,
то дня не хватает, то ночи.
А я посредине,
Ходжа Насреддин я,
и молод не очень.

❧ И СТАЛО СТРАННО ЖИТЬ...

А потом мы стали старше, и пришла пора расставаний навек. Серёжа Гандкин — ближе у меня в жизни друга не было. И я не помню, пожалуй, человека, более совместимого с жизнью. Он любил жизнь, очень радовался ей. Погиб внезапно, трагически, его убили. Мы, его друзья, пытались сделать что могли, чтобы нашли и наказали убийц, писали письмо тогдашнему президенту России Медведеву... Уход нашего друга — наше частное дело, и оно не волнует государственных мужей. Давно пора понять: в нашей стране, точнее — в нашем государстве никто никому не нужен. Теперь я это точно знаю.

Сергей для меня — очень многое. Это он привил мне вкус к истинной поэзии. Это благодаря ему я расслышал Вертинского. Он предупредил меня о «кризисе среднего возраста», когда я уезжал в Красноярск, — и кризис случился, но я его пережил именно благодаря его наставлениям. Ах, как не хватало мне его в Красноярске!.. Пожалуй, именно здесь я сполна осознал, что ближе друга у меня в жизни нет.

Стихотворения, прямо посвящённые или косвенно связанные с Серёжей Гандкиным, сплелись у меня в венок памяти.

НОЯБРЬ

Всему настанет свой черёд.
На осени латая дыры,
ноябрь снегом упадёт
за окнами твоей квартиры.

Двенадцать метров. Стол. Кровать.
Шуршит по стёклам серый вечер.
Нет электричества, и свечи,
треща, торопятся сгорать.

За окнами — сухие ветки
с пустыми гнёздами на них,
листок последний жёлтой меткой
к стеклу оконному приник.

И хоть грустить причины нет нам,
но взгляд твой — сумрачен, суров.
Шуршит ноябрь, как лист газетный,
и осень
    катится
        в сугроб.

ПИСЬМО ДРУГУ

А жил ли ты плохо, Серёга?
Так плохо, что дальше нельзя.
Какой-то неладной дорогой
мы ходим, Серёга, в князья.
И спел бы — да не с кем и петь-то:
ни кенара, ни соловья.
Какой-нибудь пеночки певчей —
и той не найти ни черта.

Я здесь не последний, Серёга,
и рядом — друзья, не враги,
да жестикуляции много,
а дела — не видно ни зги.
У той, что со мною на снимке,
всё есть, даже брови дугой.
Но мы с ней не ходим в обнимку.
Я думаю всё о другой.

Но это всё — сено, Серёга,
я как-нибудь это сжую.
Ушедшего жалко немного,
а в общем уже — всё равно.
Ты мне расскажи про деревню,
про рыжее солнце в лесах.
А лучше ко мне — и дерябнем.
И на фиг нам письма писать!

Не впал я ни в грех, ни в усталость.
В похмелье бы только не впасть...
Ах, знать бы нам, сколько осталось
железных лаптей истрепать.
Дела — как весенние лужи,
и рать набегает на рать.
Боюсь только, не было б хуже,
а всё остальное — начхать.

И если умру не от СПИДа
(уж спирт-то меня не возьмёт!),
и если какой-нибудь смертный
мне голову не оторвёт, —
надушен, напоен, наперчен,
однажды приеду к вам я
с какой-нибудь пеночкой певчей...
Да всех разобрали мужья.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГАНДКИНА

Ну вот и попрощались.
Не плакать не могли.
Протяжно и печально
кричали журавли
и к югу улетали,
вколачивая клин
в берёзовое небо.

Стоял сентябрь, и ветер
хозяйничал вокруг.
И было странно верить,
что это ты, мой друг.
И странно было видеть,
как на краю могил

стояли мы, глазами
растерянно вода.
И мир так странно замер.
И не было дождя,
что собирался утром.

И стало странно жить.

***

М. Т.

Что б я делал без тебя? Что бы делал?
Без сомнений без твоих, без сарказма.
От моих несостоявшихся сделок
ни казна не пострадает, ни касса.

Что б я делал без тебя, кем бы убыл?
Белым снегом за окном, круговертью.
Ну а так я — биссектрисою в угол,
той, что делит мир: до жизни — до смерти.

Ну а так я — воробьём на ладошке.
Ну а так я — головой на подушке.
И холодное рассветное небо
осеняет нас подобием нимба.

Что б я значил без тебя? Как бы спасся
от бессонницы своей, от озноба?
Серебро твоё на тонких запястьях —
талисман мой от свиданья до гроба.

...Свежим ветром от реки потянуло.
Потянуло свежим сном от постели.
Эта ночь — она ничем не блеснула.
Разве только новой вспышкой потери.

Что б я делал без тебя? Где бы ни был —
я люблю тебя, и нет мне покоя.
Облаков плывут лохматые глыбы.
Спишь. И жалко прикоснуться рукою.

***

Перьевая ручка пишет плохо:
ей бумага хода не даёт.
Ну и что, что кончилась эпоха?
Что-нибудь ещё произойдёт.

Не беда, что время скоро мчится.
Не беда, что кончится полёт.
Что-то обязательно случится.
Что-то будет.
Кто-нибудь придёт.

НЕ ПЛАЧЬ, МОЙ АНГЕЛ!

Как рассказать о любви тому, кто никогда не любил? Что он поймёт, что почувствует? Я — лирик, и рассказывать хочется чаще всего о любви. Неважно — удавшейся или нет. Да и как мерить, как считать — удалась или нет? Если всё-таки любовь — так, значит, уже удалась, даже если расстались и всё пошло прахом. Об этом написано и начувствовано больше всего, от самого раннего — до сегодня.

***

Шатаюсь грабителем
 по ночи рябой,
 взломщиком врываюсь
 в чужие сны.
 Я — брошенный ребёнок
 чужой жены,
 её одиночества
 тупая боль.

Мы оба друг другом однажды
 брошены,
 хватились — поздно, вакансий
 нет!

И плачет небом
 июль подкошенный,
 и город
 вздрагивает
 во сне.

Чернеют стены его
 надгробьями,
 исписанные взглядами
 измученных глаз...
 Когда-то воскреснет чужими любовями
 любовь, похороненная
 сейчас.

И кто-то узнает —
 нервы ныли
 мучительно, в единый сплетаясь нерв,
 случайное объятье в чужой квартире,
 взгляд
 автографом
 на спине.

И я, шатающийся
 по ночи рябой,
 на улицах серых
 рассветом встреченный.
 Я,
 брошенный ребёнок
 жены чужой.
 Я,
 одиночество
 любимой женщины.

ОСЕНЬ

Эта осень
пришла и дунула
серой сыростью
по полям.

Эта осень
сплеча придумала
почерневшие тополя.

Отыскав, проложила скатертью
к нам дорогу
издалека.

Перекатною голью катятся
перелётные облака.

То они закурлычат, жалуясь,
то они загогочут, злясь,
то на землю дождём пожалуют —
и разжалуют землю
в грязь...

Эта осень пришла
недобрая,
необычно пришла, не в срок.
Эта осень
перроном дрогнула,
убегающим
из-под ног.

И скатились
к нулю по Цельсию
две слезинки в колёсный стон.
Неожиданна, как агрессия,
сыплет осень
сухим
листом.

НОВОГОДНЕЕ

Марине

1

В домах малиновые ёлки
и мишура.
Снуют полуночные «Волги»,
а нам пора
в бокал хрустальный на три пальца
вина налить
и на полуночных скитальцев
не походить.

Снег оседает белой пеной
по кручам крыш.
Гляди в окошко непременно —
не проглядишь,
как разноцветно, как трескуче
взорвётся ночь.
Как старый год в возке скрипучем
укатит прочь.

И будут проводы недолги
в другом году,
и беды, сытые, как волки,
в свой лес уйдут.

Зима взорвётся фейерверком!
И нам пора:
хрусталь звенящ. Напиток терпок.
Ура. Ура.

2

Я выглянул лишь на минуту в окно —
метели уж нет и в помине давно.

— А что же там воеет так скучно снаружи?
И тянет в окошко и ветром, и стужей.

Что там над землею так движется быстро? —
То ангелы белый рассыпали бисер.

Теперь собирают и крыльями бьют,
торопятся снова в обитель свою.

Там Бог, улыбаясь, сидит в небесах
и стрелками водит на наших часах.

Вот стрелки сдвигаются ближе, и вот
стоит на пороге таинственный год.

Он шапку снимает и шубу снимает.
Он поочередно нас всех обнимает.

Что он принесёт нам — добро или худо?
Об этом и сам он не знает покуда.

Но мы поднимаем бокалы с надеждой,
что будет он лучше, чем прежний.

***

*Уезжай и не возвращайся!
Я тебя не хочу забыть.
С. Мотренко*

Нет ни тёплого дня,
ни перины пуховой.
Льёт — и в комнате впору сидеть под зонтом.
Ни хорошего я не скажу,
ни плохого.

Уезжай!
Я тебя позабуду а то.

(Ах, какая прошла неуклюжая рифма!)
Уезжай, уходи, уноси свой восторг.
(Скоро лето. Волна будет биться о рифы.)
Уходи. Я тебя позабуду а то.

(Скоро лето. Я — в волны, от воли неменя!
Это лето — оно и распашет между...)
Я тебя срифмовать-то — и то не умею!
Я тебе и сказать ничего не скажу.

Уезжай. Не покоя мне надо, а воли.
Я в себе сохраню твой искрящийся след.

Нет ни тёплого дня.
Нет ни счастья, ни боли.
Завтра в небе взойдёт
электрический свет.

Уезжаешь.
Спасения
нет.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Дремлет луна на ночных тротуарах,
кошкой бездомной дрожит.
Там, где вчера полыхали пожары,
иней холодный лежит.
Стужей прихвачены, ветром прикручены
лодка моя и весло.
Спи, моя добрая, спи, моя лучшая,
пусть тебе будет тепло.

Пусть тебе снится заблудшая родина,
вмёрзшее в берег весло
и одинокая чья-то мелодия —
ей-то и не повезло.
Пусть она тайной своею поделится
только с тобою одной...
Спи — да минуют тебя понедельники,
да обойдут стороной.

Лёд по весне обязательно тронется,
ринутся стаи на взлёт.
Станет мелодия чьей-то бессонницей —
может, и ей повезёт.
Руки крылом распрямит человечество,
шумно вздохнёт!.. А пока —
спи, моя добрая, спи, моя вечная!
Сон твой хранят облака.

НОЧНОЕ ТАКСИ

От вечерней и до утренней зари
удивляются прохожим фонари.
Осень тополя стриждёт, шелестит.
Лист ложится на моём на пути.

Я по городу машину веду.
Я зелёную включаю звезду.
Я свободен, мне спешить некуда,
потому и зелена моя звезда.

Я свободно сигарету курю.
Я свободному себе говорю:
«Всё нормально, жизнь моя весела!»
«Дворник» смахивает лист со стекла.

А за стёклами — дожди косяком.
А за стёклами — сентябрь с ветерком.
Я курю, я на погоду плюю,
от свободы от своей устаю.

...Крутит счётчик километры пути.
Мне бы лучше пассажира найти:
я свободу подарил бы ему.
Для чего она теперь одному?

РОМАНС

Не гаси свечу, Марина,
подожди чуть-чуть.
С этой свечкой стеаринной
мой светлее путь.

То ли я шепчу молитву,
то ли я кричу —
не гаси свечу, Марина!
Подожди чуть-чуть.

Капает с подвальных сводов
не вода — печаль.
Заблудился в переходах,
где твоя свеча?

Подожди чуть-чуть, Марина.
К этому лучу
приковав — приговорила.
Не гаси свечу!

Серым облаком слетятся
мотыльки на свет.
От себя обороняться
сил уж больше нет.

И на пламя, заморожен,
мотыльком лечу.
Пощади меня! И всё же —
не гаси свечу.

***

Долгие провода — лишние слёзы.
Осенью короток вечер и стыл.
Долгие провода. Глупые позы.
Ты позабудешь — а я позабыл.

Ветер уносит надежды и шляпки.
Как тебе дышится на сквозняке?
Осень, и мухи откинули лапки.
Мокрый асфальт — словно лёд на катке.

Скоро узор наморозят морозы
и на твоём молчаливом окне.
Льдом обернутся вчерашние слёзы,
снегом — сугробы чужих простыней.

Всё это будет... Но — Господи Боже,
муку свою удержи в кулаках.
Тёмной волной шелестит осторожно
ставшая несудоходной река.

***

Прощай, Колокольчик, и — многая лета!
Оставим восторги, погрузимся в Фета.
Не с Богом, так с Фетом
дотянем до лета.
Прощай, Колокольчик!

Прощай, Колокольчик. Спасибо за то, что
не стало, не станет романчиком пошлым,
за то, что — сегодня,
за то, что — не в прошлом...
Прощай, Колокольчик!

Прощай, Колокольчик. До века отныне
сменить нам небесную твердь на твердыню,
роптать потихоньку на дикую долю
и воли не помнить.

И веры не выбрать, и воли не помнить,
смирясь, изучать географию комнат,
под платом, халатом, под палевым пледом —
до лета, до века!

...Дотянем — и что же? Найдём ли спасенье?
Безумного солнца слепое веселье
едва ли желанней январских морозов,
а грозы — метелей.

Зачем же мы, лица упрятав друг в друга,
всё ходим и ходим по белому кругу
и я с твоей шубки снежинки снимаю —
и тают снежинки?

Прощай, Колокольчик. Перрон покачнётся —
и кончится всё. И уже не начнётся.
Мы, круг разрывая, погрузимся в Фета.
И — многая лета.

***

Мой телефон молчит, как сука,
поджавши свой плетённый хвост.
Хотя б вполголоса, вползвука
он до меня тебя донёс.

Хоть шелест твоего дыхания,
хоть смех. Хоть плач, в конце концов!
Не донесёт. Его молчанье
насмешкой дышит мне в лицо.

Я ненавижу эту муку.
От воскресенья до среды
мучитель мой молчит. Ни звука.
Ни избавленья, ни беды.

А мне, чтоб вымолить прощенье, —
ночами раздувать зарю.

Всё кончится столоверчением,
тебе я точно говорю.

Всё кончится столоверчением,
поскольку ведьма ты, а я
то странный ангел твой вечерний,
то тень неясная твоя.

Та тень струится по квартире,
то строчкой строчку зачеркнёт,
то попоёт в народном стиле,
то стол и правда крутанёт

и духа вызовет, сурово
чтобы спросить с него в ночи:
— Мой честный дух, скажи хоть слово! —
Но тот молчит.

***

Разбоем пахла ночка.
Звезды осколок гас.
Как мать рождает дочку,
рожала память Вас.

Ваш профиль увлечённый
глядел куда-то вбок.
А я, не уличённый,
Вас только видеть мог.

Читали Пастернака,
курили без причин.
Побитою собакой
скулила ночь в ночи.

Как за иголкой нитка,
за Вами тень ползла.
На раскалённой плитке
варился некий злак.

И в комнате повсюду
такой царил покой...

Денёк с другой побуду —
и снова на разбой.

СОНЕТ

Любимый мой, неверный мой!
Смотри, как вихрь золу уносит.
Ну обмани, ну успокой —
не вздумай бросить.

Смотри, как падает земля
навстречу солнцу... мой любимый!
Других жaley и оставляй —
меня помилуй.

Смотри, как катится звезда
от горизонта — ну когда
ещё увидишь, мой любимый?

И это горе — не беда...
Ты в сердце целься — вот сюда.
Не вздумай — мимо.

***

...И я сказал: «Храни тебя Господь!» —
и вот Господь хранит её. И боле
нет ничего: ни торжества, ни боли.

Ни радости, ни боли торжества...

***

Живу я, ногу на ногу закинув.
Служу. По выходным хожу в кино.
В буфете, дую скверное вино,

хорошим заедаю шоколадом
отечественной фабрики «Рот Фронт»
(и рот — не тот, и фронт уже — не рот,
и вовсе никакого нету фронта);

передо мной подобьем Ахеронта
течёт река с названьем Ни Фига.

Там, посредине, с хारेю бандитской
паромщик тянет медленный паром...
Паромщик, слава богу, не Харон,

но харя какова! Того гляди
взойдёшь на борт — а он тебя за горло
и ну давить!
Фантазии, однако.

Но — так живу.
У моря не бываю.

Проснувшись поутру, едва встаю,
лелея лень природную свою,

а встав, черкну страничку в дневнике —
одну-две мысли: сна ли толкованье
иль — боже мой! — любовное признание

(нет, ни к кому: чтоб слов не позабыть) —
и, скушав бутерброд, иду служить.

По вечерам — программа с новостями,
потом — кино с дешёвыми страстями.
Ах да, я говорил: кино, вино...

Вот так живу.
У моря не бываю.

***

*Тучки небесные, вечные странники...
М. Лермонтов*

Странницы странные, ветра не вымолив,
на небе скучились скучной толпой.
Ты меня вышепчи, ты меня вымолви,
ты, а не кто-то другой.

Не переполнена скорбью юдоль моя,
даже в печали беспечен. И всё ж —
ты одолей, прикоснувшись ладонями,
сердца случайную дрожь.

Веры не вымолив, странницы праздные
жёлтую кошку корявой клюкой
с неба прогнали... Ты будь моей азбукой,
ты, а не кто-то другой.

Не задохнулся в дыму мегаполиса,
не заблудился в товарищах. Но
без твоего беспокойного голоса
мне ничего не дано.

Вымолив ветра, растаяли странницы,
жёлтая кошка ушла на покой...
В мире одно лишь высокое таинство:
ты, а не кто-то другой.

***

Снег падает и тает.
И кажутся порой
травой лесных проталин,
берёзовой корой
асфальтовая корка,
мышинный цвет домов...
Снег пахнет горько-горько.

Я нынче нездоров.
Я болен, болен, болен!
Я весь в огне, в огне!
Крестами колоколен,
часовнею в окне
и крестиком на горле
открещиваюсь я.

Но мне ничуть не больно.
Легка болезнь моя,
как свет лесных проталин,
как силуэт в окне.
Того гляди — растает,
как этот горький снег.
Растает, испарится,
исчезнет навсегда.
Разбойница-больница,
Лекарства-лебедя.
Разлучница-удача,
отрава — трын-трава.

Снег падает и плачет.
Седеет голова.
К зиме подходит дело,
и шарфы ищут шей.
И скоро может тело
осточертеть душе.

Но я покуда болен,
покуда грешен я —
крестами колоколен,
верстами бытия,
надеждою на чудо,
полётами во сне
клянусь: не позабуду,
как горько пахнет снег.

ЗАБЫТАЯ СТАРАЯ ПЕСНЯ

Возьмите меня в шофёры!
Я буду крутить баранку,
и будет мои дороги
снегами переметать.
А я затяну тихонько
забытую старую песню,
и станет теплей в кабине,
и легче станет дышать.

Я буду возить не воздух,
а разные важные грузы,
и будет диспетчер Валя
путёвки мне отмечать.
И мы с ней однажды вспомним
забытое старое время.
Теперь нам значительно легче
друг друга во всём понять...

И мы побредём тихонько,
уставшие после смены.
Она мне о новой жизни
расскажет — не покривит.
В ответ я прочту, пожалуй,
про то, как мне не хватает
того, что давно забыто,
того, кем давно забыт.

Мы скоро станем седыми,
и что там искать причины:
пора подводить итоги
и тёплый искать гараж.
Возьмите меня в шофёры,
собратья мои, мужчины!
Ждёт меня мой диспетчер.
Мой лекарь. И мой мираж.

***

Вот осени холодное отчаянье.
Срываются снежинки с высоты.
И тучи к крышам крепенько причалили,
не делая пейзажу красоты.

Меня опять похмелье измучило.
То аспирин, то «Балтику» сосу.
И наблюдаю, как старухой скрюченной
блуждает осень в каменном лесу.

Ни яркого огня, ни малой искорки,
в душе моей — как в сумрачной ночи.
Я молча наблюдаю, как ты искренне
собой меня пытаешься лечить,

как вяжешь ты, как спицами ворожишь ты,
терпение у Бога одолжив...
Ты вьёшь гнездо, мой горестный воробушек,
не свитер вяжешь — вяжешь нашу жизнь.

Ах, свяжется ли, скоро ли износится?
Додюжит ли хотя бы до маёв?
Иль холод и отчаяние осени
на нет сведут усердие твоё?

Не плачь, мой ангел! Будет новоселие,
и музыка, и вечер в янтаре...
Вот только бы не тяжкое похмелье.
Вот только бы не осень на дворе.

МАРИНЕ

Белый снег за окном. Метелица.
Не сегодня, но — для словца.
Переменится. Перемелется.
Отведи ладонь от лица.

И декабрь на дворе — а будто бы
выбил дробь апрель на часах,
и — где музыкой, а где буквами,
всё на разные голоса.

Снова с тёплыми биться ветрами
за декабрьский сырой снежок.
Мы бесснежья сполна отведали.
Нас безверья огонь не сжёг.

Всё сбудется. Всё сложится.
Всё умножится на число.
Отнедужится. Отнеможется.
Не отлюбится. Повезло.

Лунный луч, сквозь ладонь просеянный,
твоего коснётся лица.
Дунет в форточку ветер северный.
Не сегодня, но — для словца.

И укрою тебя, упрячу я
и от ветра, и от луча.
Нас друг другу судьба назначила,
а не случай нас назначал.

...Будет снег за окном. Метелица.
Будет свист ледяной пурги.
А к апрелю всё раскапелится,
всё воротится на круги.

И сбудется всё, сложится!

Всё умножится на число!
Отнедужится. Отнеможется.
Не отлюбится.
Повезло.

***

Когда бы я знала, что ты уже был у меня
тогда, когда мир ещё только терпел сотворенье,
когда ещё не было белого стихотворенья,
когда ещё не было ночи и не было дня,

когда бы я знала, когда б разглядела, любя,
тогда, когда тверди и тверди едва обозначив, —
«А может быть, как-нибудь всё это переиначить
и сделать не так?» — так Творец размышлял про тебя,

поскольку ещё про кого же ему размышлять?
Ни духа вокруг. Ни души. Ни слезинки, ни слова.
И переиначивал, и сотворял тебя снова.
Когда бы я знала. Когда б я могла это знать.

И был ты — и не был. И снова ты не был — и был.
И вот завершилось творенье. Когда бы я знала!
И мир, торопясь, становился всемирным вокзалом,
но в нём ещё слышалось чистое пенье трубы.

Тогда, когда все объяснялись одним языком,
когда ещё не родилось мастерство перевода
и слово «свобода»... да не было слова «свобода»,
свобода ещё не надела словесных оков.

Свобода была как младенец: светла и нага,
никак не звалась и ничем себя не выдавала.
Она ликовала! Она, как дитя, ликовала!
Была она светом дневным и теплом очага.

Слова не нужны, где теплом согревает очаг.
Где царствует свет — не важны очертанья предметов.
Когда бы я знала, когда б догадалась об этом —
всё шло бы иначе. Скорее. Не так, как сейчас.

Не знала.
И время застыло на мёртвых часах.
И сердце заныло, по жилам гоняя водицу.
И я поняла: ещё час не назначен родиться
и мне, и тому, кто качнёт мою жизнь на весах.

И небо моля, на лицо уложила ладонь,
закрыла глаза — и услышала голос далёкий:
«Я был у тебя! Я давно уж стою на пороге!
Когда бы ты знала — я твой негасимый огонь!»

И вот я увидела: там, на краю, на краю,
у самой черты горизонта, на грани покоя,
стоишь, молчаливый, и машешь кому-то рукою,
и машешь рукою — и в сторону смотришь мою.

ЛЮБОВЬ ИЛИ ПРОСТО СУДЬБА?

Привязано к нитке белёсой
закатное солнце в огне.
Деревья, пришедшие лесом,
склонились ветвями ко мне.
А я от костра отодвинусь,
чтоб искрам просторней взлетать.
... Усмешка твоя — как отчётливый «минус»,
которому «плюсом» не стать.

Закат, охвативший полмира,
мешает решать наперёд.
Ворона, тоскуя по сыру,
на ветке орёт и орёт.
Деревья — как старые люди,
с завидным терпеньем зануд.
... Зрачки твои — чёрные дула орудий,
вот-вот по своим долбанут.

Ну ладно, ну ладно, ну ладно!
Кто прав был и кто виноват?
Заката чадящая лампа
чадит нам уже невпопад.
Умоемся — ветром утрёмся,
речная слеза на губах...
В палатку забьёмся и там разберёмся,
любовь или просто судьба!

***

М. Т.

Старею? Пожалуй, старею.
Уже соглашаюсь почти:
во всём виноваты евреи,
во всём безупречны вожди.

Всегда за любовью — разлука,
за смертью всегда — ворожба...
А ты мне — счастливая мука
иль всё-таки злая судьба?

Поправку беря на погоду,
берут меня годы за Ж.
Стареем. Выходим из моды.
Но любим пока — неглиже,

но птицами кур не считаем
и песен чужих не поём...
Но адом иль всё-таки раем
мне послано имя твоё?

Старею, наверно. Старею.
Уже не смущаюсь, чудак,
что водку мы хлещем с евреем,
а с антисемитом — коньяк.

Что всем нам — сума да хвороба,
да скучных надгробий сурьма...
Вот ты мне — замучился чтобы
иль чтобы не спятил с ума?

Прости мне, о Господи, бредни.
Пусть вытечет кровь, как вода.
Но в капле заветной, последней
пусть сыщется капля Жида!

Не с тем, чтоб, по капле смакуя,
испить чью-то чашу до дна.
Чтоб вечно скитаться, тоскуя
и мучаясь: кто мне Она?

ИЮНЬСКИЙ СНЕГ

Ерунда! Как-нибудь проживём.
Всё наладится, сложится, смелется.
Перепутав июнь с февралём,
за окном вяжет петли метелица.

На крылечко сугроб намела.
Снег и ветер, деревья качаются.
Скоро сходят снега от тепла,
а июньский никак не кончается.

И в пурге растворяемся мы,
наши тени плывут и раскачиваются.
Этот снег — только призрак зимы.
Отболит. Отпоётся. Откашляется.

Этот снег — только вздох тополей,
только росчерк упавшего семени.
Дорогая, ты нас не жалея:
ничего не случится до времени.

До зимы не наступит зима,
хоть возможна в день каждый и в час любой.
Дорогая, ты видишь сама:
мы вдвоём, не оставила нас любовь!

Дорогая! Не плачь, позабуди.
Что июнь? Всё когда-то случается...
Ничего. Проживём. Как-нибудь.
Всё пройдет.
И не стоит отчаиваться.

Фото Альгирдаса Пуоджюнаса

ОСТАНЕТСЯ МУЗЫКА С НАМИ...

Мне повезло: у меня есть друзья. И ещё есть люди, которые не так непосредственно, как друзья, но всё же заметно повлияли на мою судьбу. С некоторыми я знаком или — увы! — был знаком, с некоторыми не встречался и не общался никогда. Не очень давно покончил с собой в Эквадоре замечательный поэт Андрей Ширяев. Был диабет, были инсульты, разлучающие его с жизнью. Однажды мы с Андреем, когда он жил ещё в Москве, пришли в Литературный институт, где он учился, и он познакомил меня с Юрием Левитанским. Юрий Давидович до этого читал мои сочинения, ему их передал Володя Богатырь — поэт и охотовед. Левитанский печально на меня посмотрел, сказал: «Откровений не нашёл, но работать можно. Только жаль, что вы — не москвич, в мою мастерскую поэтому попасть не можете...» Левитанский для меня (как Самойлов, Бродский, Чухонцев, Кенжеев...) — волшебник слова, и его сожаление по поводу невозможности со мной работать стоило больше любых похвал.

В общежитии Литинститута я был всего однажды — у Коли Штримило, блестящего поэта родом из Лесосибирска. Когда пришёл, он бился над итальянским сонетом. Спустя много лет я попытался повторить его опыт.

СОНЕТ

Могильный холм и серый крест печальный —
земной итог сплетения путей.
«Уснул певец, безвестный и случайный», —
из жалости напишут на кресте.

Он жил шутя, любил — и был отвержен,
и был любим — и отвергал легко.
Терпим к чужим, бывал к своим несдержан,
и пел не в лад, и пил не молоко.

Теперь лежит, пройдя отрезок краткий.
Шуршит трава. Ни камня, ни оградки,
лишь серый крест от времени поник.

И соловей даёт свои рулады —
единственный, но верный ученик
певца, его посмертная отрада.

Потом в Литинституте учился ещё Олег Задорожный, мой и Колькин приятель, самобытный, удивительного слога стихотворец. Оба они — пилигримы, бродячие люди, оба — талантищи.

***

*Николаю Штромило,
Олегу Задорожному*

Приятель-пилигрим! Когда вернёшься
из той страны, где северные чайки
не криком о себе напоминают,
увы — не криком и не шумом крыльев,
не лёгкой тенью над водой тяжёлой,
а лишь в воспоминаниях твоих
неясной тенью, —
так когда вернёшься,
когда в ушах да и в зубах навязнет
«Москва, Москвы, Москвою, о Москве»
и ты забросишь к чёрту баб и пьянку
и альма-матер вместе с профессурой
пошлешь туда же,
тощий чемодан
набив своими рифмами сухими,
возьмешь билет на самый скорый поезд
(на самолёт, я думаю, не хватит)
и, проведя с лихвою двое суток
в расхристанном зелёном саркофаге,
таки доедешь, —
так когда вернёшься,
когда на землю ступишь башмаками
(как будто можно на неё ступить
руками! Впрочем, иногда — возможно...),
когда, пройдя орущий бестолково,
пропахнувший мочой и матерщиной
вокзал и одурев, на площадь выйдешь —
садись в троллейбус с номером «четыре»
и поспешить водилу попроси.
Куда он привезёт тебя — ты знаешь.

Как только я близко познакомился с авторской песней, не могли не оказать на меня влияния самые разные барды. Когда начинаешь свой творческий путь, любой, кто на сцене (а ты — перед ним, в зале), представляется великим.

С именем Окуджавы связано такое воспоминание. Я служил в армии, плохонько играл на гитаре, пел в основном дворовые песни. В нашей учебной роте был командир взвода старший лейтенант Сизов — человек, явно лишний и случайный в армии. Он однажды услышал, как я пою, поморщился и сказал: «Придѣшь на «гражданку» — послушай Окуджаву. Всё преходяще, Окуджава — вечен». Я пришѣл на «гражданку», послушал Окуджаву — и он мне не понравился. Потом мне попалась пластинка Александра Дольского — я был восхищён виртуозной гитарой. И только спустя много лет, уже после знакомства с Сергеем Гандкиным и во многом благодаря этому знакомству, я сумел расслышать по-настоящему голос Булата.

Когда Окуджава умер в Париже, мы проводили очередной фестиваль авторской песни на озере Линёво в Шарьпове, весть оказалась полной неожиданностью. Такой, что в неё трудно было поверить. Пришлось... Серёжа Гандкин выразил общее: «Мы осиротели».

РОМАНС

Б. Окуджаве

Равны слова по чистоте:
«я в вас влюблѣн», «я влюблена в вас».
И наяву, и на холсте
до наших дней белеет парус.

Он — как из прошлого письмо,
как треугольничек убогий:
«Ты далеко... ты здесь... ты мой,
желанный, близкий, одинокий».

Быть сочинителем, увы,
ещѣ не значит быть поэтом.
Я вас люблю за то, что вы
мой парус наполняли светом,

за ваш негромкий разговор,
за старомодность вашей фразы.
Я никому до этих пор
не признавался так ни разу.

Мою восторженность простив,
белеет парус ваш, как прежде,
печальный, как земной мотив,
и одинокий, как надежда.

Мы все когда-нибудь уйдём,
нас кто-то близкий пожалеет.
Мы наши песни допоём,
а он останется, белея.

ПАМЯТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Ну что с того, ну что с того,
что вот ещё нет одного,
что вот ещё один не вырвался из плена?
Он был как был, и жил как жил,
и на судьбу не ворожил.
И вот ушёл — и стало пусто во Вселенной.

Ну что с того? А то с того,
что нет не просто одного,
а нет его. И больше некому молиться
за наши детские грехи,
несовершенные стихи, —
никто за нас теперь не сможет поручиться.

Сквозь наши судьбы, как река,
он проплывал издалека,
издалека, из глубины дворов арбатских.
И чистой выдумки вода
не замутилась никогда
ни чёрным замыслом, ни помыслом дурацким.

Но что с того, что мы теперь
не запираем нашу дверь,
как слышим, пишем
и поём, как запоётся?
И шарик кружит голубой
над нашей общей судьбой...
Но плачет девочка, и шарик не вернётся.

А из реки вода горька.
И трубы нашего полка
молчат: оглохшие, не дуют трубачи в них.
И вроде нет ничьей вины,
что не придёт король с войны,
труб онемевших не почистит, не починит, —
но что с того?..

В 1988 году на фестивале авторской песни в Красноярске, на острове Сосновом, почётным гостем был москвич Леонид Павлович Семаков. В прошлом актёр, работал когда-то в Красноярском ТЮЗе, потом у Любимова на Таганке. На фестиваль пригласил его я. Он играл на особой гитаре с очень широким грифом — на другой не мог: у него была болезнь, от которой непомерно разрастаются кости. Его стихи и песни произвели на меня глубокое впечатление.

Он был у нас в мае, а 8 августа того же года, за месяц до выхода первой своей пластинки, Леонид Павлович умер.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА СЕМАКОВА

Мне осень отпускает все грехи.
Я в шелесте листвы ловлю: «Покайся!» —
и ухожу, сбивая башмаки,
аллеею поэтов и скитальцев,
где, освещён унылою луной,
мир на щеки послушно мажет сажу,
и кружит в небе ворон надо мной,
и крыльями над головою машет.

Роняет лес всё, что ему ронять
предписано природой и поэтом.
И хочется печаль распространять
и петь уже не голосом — фальцетом.
Но ветер, как синоптик, перевертёт
пророчество, что прозвучало в пенье.
А листья совершают перелёт
изгоями без права погребенья.

Дрожат стволы, оставшись без рубах,
и в самый раз — достать вина и плакать.
И если музыка, так только Бах,
стихи — так непременно Пастернака.
«Покайся!» — шепчут листья без надежд,
а я бреду, не внявши их советам,
туда, где воздух холоден и свеж,
аллеею скитальцев и поэтов.

Странно, но творчество Владимира Высоцкого я оценил далеко не сразу. Когда оценил — очень им увлёкся, стал что-то напевать из его песен — самое простенькое, незатейливое, написал несколько подражаний. В Шарыпове у нас некоторое время существовала традиция: в день памяти поэта мы собирались в семейной общежитской комнате Бори Берхина, включали катушечный магнитофон с бобиной Высоцкого — и часа два просто слушали его песни.

Тема прощания, ухода у меня почему-то прочно связана с осенью. Хотя Высоцкий умер в июле.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Памяти Владимира Высоцкого

1

И от этого дождя дробного,
и от этих октябрей рыжих
сердце всхлипнет, и струна дрогнет,
и покажется, что ты выжил.
Мёрзлой льдинкою часы звякнут,
мутным взглядом зеркала глянут.
А снаружи, как всегда, — слякоть,
и на крышах — от дождя глянец.

И напуганный твоим всхлипом,
город голову в подъезд спрячет,
загородится дверным скрипом,
телефонным зазвонит плачем.
Занавесками качнут окна,
недоверчиво моргнут светом...
Вроде здесь ты не бывал долго.
Вроде был ты далеко где-то.

И засовы загремят ржаво,
Где-то форточкой окно хлопнет.
Зазвучавшая струна лопнет!

Струны-струны... Мне до слёз жаль их.
И расплечется октябрь рыжий,
и повиснет над землёй сумрак.
И покажется, что ты — выжил.
А оказывается...

2

Торжествует добро.
Но распяли Христа.
За мучения — крест
и горячие стигмы в ладони.
А нетрезвый ямщик
коней исступленно хлестал,
и далёко от нас
унесли его кони.

Нет, не умер ямщик.
Просто сердцем иссяк.
Просто кони, устав,
подогнули колени —
и на полном скаку
вдруг с обрыва —
в овраг...
Только след от саней
да зловещие чёрные тени.

Нет, не умер певец.
Просто, может быть, он
задохнулся тоской,
а его
схоронили.
И хрипела труба
марш
чужих похорон.
И гвоздики кроваво цвели
на могиле.

Нет, не умер поэт.
Прочь с полей, вороньё!
Он устал
        и прилѣг отдохнуть у дороги.
Он вернѣтся из тех,
из далѣких краѣв,
где живут лишь поэты
        да боги.

Юрий Визбор засиял на моём небосклоне довольно поздно. Но когда засиял — я открыл для себя новый мир, целую планету. За внешней безыскусностью, неприязнительностью песен Визбора — яркая, насыщенная жизнь, полная утрат и находок, открытий, характеров, иронии и юмора, главное — страсти к жизни, бесконечного к ней любопытства.

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВИЗБОРА

Останется музыка с нами,
останутся с нами слова.
Останется с нами, как знамя,
за нашим окном синева.
Не может заря не зардеться,
не может земля не кружить.
Не может усталое сердце
себя пережить...

Отчаливай, ветер попутный,
поедем — не загрустим.
Не мешкай и карты не путай,
иные пути впереди.
Иные нам видеть восходы,
иные начала встречать
и, может быть, снова кого-то
гитарным ладам обучать.

Там пристани будут одеты
в одежды забытых надежд,
поэты там будут — поэты,
и вовсе не будет невежд.
Там есть дорогие подруги
и есть дорогие друзья,
там снова вернуться на круги
и юность, и песня моя.

Отчаливай! Ветер попутный,
и парус наполнен вполне.

Не мешай и карты не путай,
борта подставляя волне.
Останется музыка с вами,
останутся с вами слова,
останется с вами, как знамя,
за вашим окном синева...

С Володей Ланцбергом нас связывали совершенно особые — и очень странные — отношения. Странные для нас с Мариной. Мы никак не могли понять, почему этот удивительный, тончайшей души человек нас выделил, почему он терпеливо, из года в год приглашал нас на свои слёты, а мы так же терпеливо, из года в год вежливо отказывались под различными предлогами. Причин отказываться было много, главная — расстояние и деньги. Он был в Красноярске несколько раз. Впервые прилетел в феврале, мы встречали его в аэропорту, когда встретили — ахнули: Володя был в лёгких «корочках» и тонкой вязаной шапочке. На улице — страшный ветер и мороз. Обошлось — не простудился, не заболел.

Его концерт проходил в ДК «Текстильщик», собрал полный зал. Когда директор Дворца культуры увидел у наших девочек, сидящих на кассе, внушительный пакет с вырученными от продажи билетов деньгами (билет стоил рубль), на следующий день он поменял условия аренды зала.

Поразило фантастическое, почти абсолютное бескорыстие Володи. На гонорар, который мы ему заплатили, он тут же в магазине «Сделай сам» накупил какой-то ерунды (по нашим оценкам), алюминиевых уголков («У нас в Туапсе этого не отыскать, а мне очень нужно для слёта!» — как бы оправдывался он), истратив почти все деньги. Кажется, он вообще не жил для себя.

Последний наш разговор состоялся по телефону. Мы были с женой в Париже, позвонили моей дочери в Москву. Она сказала: «Папа, позвони Ланцбергу — ему это сейчас очень нужно». Ланцберг в то время жил в Нюрнберге, тяжело болел, лечился. Я позвонил — трубку взяла его жена Ирина, передала Володе. Он рассказал: на фоне тяжёлой болезни — ещё и три инсульта за две недели. Потом ещё была пара электронных писем, в одном из которых я наивно спрашивал: «Ну что — выкарабкиваешься?» Он ответил: «Скорее — погрузаюсь». Через несколько месяцев, 29 сентября 2005 года, Володи не стало. Это была очень личная наша утрата. Ушёл очень близкий нам человек.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛАНЦБЕРГА

*Имеющий уши — услышишь
встревоженность дальней души.*

*Небесная песенка тает.
Её-то нам и не хватает...
В. Ланцберг*

*Вот немецкое небо в седых облаках
и московское небо в седых облаках.
И неважно, где это случилось с тобой.
Важно только, что это случилось — с тобой.*

Сентябрь отдал последний градус.
Прохладно. Ветер. Моросит.
Скажи, кому такое в радость —
печаль по осени носить?

Уходят стаи, зябнут гнёзда,
дожди стремятся краски смыть.
А может быть, ещё не поздно?
А может быть... не может быть.

Бессильны медицинский полис,
дыханье тёплое руки.
Увёз, увёз зелёный поезд
твои картавые стишки.

Споткнулось время, бег нарушив,
день пополудни завершив.
И мы, имеющие уши
и не лишённые души,

друзей оставшихся считаем,
ладони накрепко скрестив.
И вслушиваемся, как тает
небесной песенки мотив.

☞ А ЧАСИКИ ВСЁ ТИКАЮТ И ТИКАЮТ...

Все мы, пишущие люди, друг другу — ученики и учителя. Умение слышать соседа встречается нечасто. К счастью, встречается. Мне очень нравится выступать вместе со Светланой Филипповой, мы с ней очень совпадаем по внутреннему ритму, сходимся в представлениях о жизненных и художественных ценностях. В последнее время из-за проблем со здоровьем Света плохо владеет гитарой, и наше с ней сосуществование на сцене, где бы это ни было — в Красноярске ли, Москве, — обусловлено во многом ещё и этим обстоятельством: я выступаю в роли её аккомпаниатора. И прекрасно чувствую себя в этой роли.

НЕ ПИШЕТСЯ

Светлане Филипповой

На колокольне

колокол отбухал.

Пожухло время. Август миновал.

Полночи — прочь. Комар повис над ухом.

Не катит рифма. Творческий привал.

Съедает зависть. Сердце давит клетка.

Вот-вот рассвет. Домашние тихи.

...Тому назад
стихи читала Светка.
Что характерно — классные стихи.

Они качались
пламенем над свечкой,
они трезвили, как с похмелья — чай.
Как жаль, что я не помню ни словечка,
а то б сейчас
напился сгоряча.

Не оттого, что завистью изглодан —
не катит ямб, хорей не по зубам, —
а оттого, что с каждым новым годом
всё старше мы и всё нужнее нам

чужой успех, важней родное слово,
больнее боль, прощённое — грехи.
...Полжизни — прочь. Мне хочется, чтобы снова
читала Светка
новые стихи.

С замечательным поэтом, бардом и журналистом Валерием Кузнецовым познакомилась смешно. Я ещё в Шарыпове впервые услышал его песни, они мне очень понравились, в них ясно читались глубокий ум, культура, а ещё в них было то, чего недостает часто мне самому: тонкая ирония и самоирония. Последнее, мне кажется, свойственно только сильным натурам.

А познакомились так. Проходил фестиваль авторской песни в Норильске. Из-за непогоды многие его участники не смогли вылететь из Красноярска. Мы собрали их в тесной квартире одного нашего товарища на улице Толстого, пили чай и, конечно, пели. Вдруг раздался звонок в дверь, на пороге возник майор милиции в форме — оказывается, соседка пожаловалась по телефону в Железнодорожное отделение милиции на шум за стеной. Майор вошёл, стал нас переписывать, обзвав интеллигентами. Хозяина квартиры не было, и мне пришлось назваться главным. Он спросил — где работаю? Я ответил: в газете «Красноярский комсомолец». Майор задумался: «Батынской, что ли, позвонить?» Людмила Ивановна Батынская была тогда редактором газеты, прекрасный человек, прививший мне вместе со многими сотрудниками этой газеты любовь к профессии журналиста. Звонить ей в середине ночи — абсурд, да и зачем?! Тогда майор предложил неожиданный вариант: «Давайте я вас сейчас всех заберу к себе в отделение, мне дежурить до утра, у нас там достаточно места — вы и попоёте, и никто мешать не будет!» Мы обалдели, но отказались. Майор с сожалением ушёл, попросив больше гитару не расчехлять. А когда ушёл, до нас дошло: это же был Кузнецов! Просто никто из присутствовавших не знал его в лицо, но все знали, что он тогда работал в милиции.

Потом мы, конечно, познакомились по-настоящему, наш клуб не раз устраивал для Валеры сольные концерты, мы общались лично, он передал мне по наследству передачу «Менестрель» на краевом радио, которую я вёл года три.

Этот текст должен был заканчиваться такой фразой: «Поддерживаем отношения и сегодня». Пока готовилась эта книга, Валеры Кузнецова не стало. Рак съел его за полгода. Светлая ему память и спасибо за всё, что он сделал для меня и для других.

***

Валерию Кузнецову

Не Дон Кихот, не Муромец Илья,
наперевес с гитарой, словно с пикою.
А часики всё тикают и тикают,
меняя содержанье бытия.

А стрелки огибают циферблат,
а цифры то слагаются, то множатся.
В руках судьбы позвякивают ножницы.
Рука певца настраивает лад.

И вот шутя слагается строка,
и музыка крылом певца касается.
Но самое таинственное таинство
ему не открывается пока.

Ему пока не виден корень зла
и неясна природа вдохновения.
И нет ни торжества, ни сожаления —
но есть союз судьбы и ремесла.

Судьба кроит, и ножницы звенят
(и рушится непрочная материя),
и ремесло ей служит подмастерием.
И к счастью, стрелок ход не поменять.

... Уносит звук, как выдох на ветру.
Как крылья вдохновения, легка строка.
И день хорош.
И ощущение праздника.
И солнечные зайчики от струн.

Не знаю, почему до сих пор у меня нет прямого посвящения Юрию Лоресу. Этот поэт, писатель, бард, теперь близкий друг (мешают только расстояния — Юра живёт в Москве) сыграл в моей жизни роль неповторимую. Мы познакомились в 1983 году по протекции Серёжи Гандкина. Я приехал к Лоресу, мы сидели на кухне, он попросил что-то спеть. Я спел несколько своих сочинений — Юра заметно погрузтел, задал дежурный и естественный вопрос: «Кого читаешь?» Я перечислил: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский... Он погрузтел окончательно, во взгляде отчётливо читался крест, который он на мне поставил...

Несколько лет спустя я снова оказался в Москве, снова позвонил Лоресу, и он, будучи человеком интеллигентным и деликатным, пригласил меня на свой концерт. А после концерта ещё и позвал в компанию. Дошло до гитары. Юра, опять же из вежливости, передал её мне. Я спел. Он насторожился. «А ещё?» Я спел ещё. Он сказал: «Диктуй адрес, телефон...» С той или почти с той поры нас связывают очень тёплые отношения. Моя дочь Ольга, по собственному решению (вопреки воле мамы и папы) приехав в Москву из Красноярска автостопом, два года жила у Лореса, помогая его жене Лене ухаживать за дочерьми Соней и Либи. А попутно училась у Юры сценическому мастерству, пониманию поэзии и песни, исполнительству. Благодаря Юре познакомилась и со своим тогда ещё будущим мужем Мишей Гантманом.

Стихов Юрию Лоресу я не посвящал, но вот эти два стихотворения никогда бы не состоялись, если бы я не был знаком с ним.

ГИТАРЕ

*Гитара, гитара, гитара...
Юрий Лорес*

Старый друг мой, спаси!
Мне никак не добраться до краешка,
до черты, где кончаются
суетность и немота,
где просторно словам,
где слагаются рифмы играючи,
где свобода стиха
ограничена формой листа.

Я живу как во сне.
Ничего мне не надо. И в сущности,
даже ты не нужна,
даже струн твоих тёплая дрожь.

Старый друг мой, прости!
Нет верней и надёжней попутчицы.
Я тебе изменил.
Я уже на себя не похож.

Я тревожусь другим.
Мои пальцы отвыкли от лада. И
поглупели стихи,
охромели на обе ноги.
Старый друг мой, спаси!
Протяни свою тару, как ладанку,
отогрей мою душу,
о струны её обожги.

Мне не пишется, друг.
Не поётся мне, друг, и не пишется.
Я всё чаще не сплю,
но всё реже терзаюсь стихом.
А к «не пишется» часто
приходится рифмой «напиться бы»,
и, представь, напиваюсь
и сам себя мучу потом.

И теперь, понимая,
что всё эфемерно и временно,
я вцепляюсь в лады,
опасаясь забыть навсегда
ощущение лада.
И бог с ним, что время потеряно!
Выручай, старый друг!
А не то, понимаешь, беда...

14 ОКТЯБРЯ 2011 г. ПОКРОВ

*Сегодня день такой: один на целый век...
Юрий Лорес*

Ничего не упало с небес.
Ничего и не надо.
Тщетно колокол бьёт,
возвещая о дне Покрова.
На старинный погост,
на кирпичную кладку ограды
осыпается осень.
Шуршит под ногою листва.

Ничего не упало. На эту обитель покоя
ничего не сошло,
что могло бы нарушить покой.

...Этот тёплый октябрь
нам с тобой обещает такое,
что становится ясно —
зачем же он тёплый такой.

Что становится ясно:
по-прежнему жить невозможно!
Что-то надо решать!
Что-то срочно придётся решить!
...Бродит осень, листвою
касясь земли осторожно,
огибая погосты,
травой пожелтевшей шуршит.

И становится ясно:
пока не пожаловал гостем
серебристый покров на обитель,
где вечный покой,
остаётся спешить,
прошивая короткой строкой
этот тёплый октябрь.
И без грусти смотреть на погосты.

С Юрием Бендюковым, Беном, связывает многое. Впервые я увидел его на фестивале в Норильске, хотя до этого слышал песни и даже что-то уже пел сам из его сочинений. Учась в девятом классе средней школы в селе Александровка Томской области, я в школьном ансамбле наяривал в пришпандоренный на лыжную палку микрофон МД от магнитофона: «Дым кольцами, облаками там и тут. Разные у нас автобусы, у тебя другой маршрут!» Я не знал, что это — Бендюков. Как не знал, что он автор песен про дельфина, у которого спина чёрная, и ещё множества «народных». Когда увидел впервые, покорили гитара, манера держаться на сцене (король!), интонация. Познакомились, почти подружались, часто виделись. Потом — реже, а потом случилось несчастье, Юра погиб. Стихи выплеснулись, как вода из реки: естественно. Первое, впрочем, было написано к юбилею — не помню уж, сколько-летнюю.

ПАТЕТИЧЕСКОЕ

Юрию Бендюкову

Сосулька на мартовской крыше —
привет голубых ледников.
Напиться бы так, чтоб не слышать
ни стука ничьих каблуков,

ни скрипа колёсного хода,
ни звона тяжёлых ключей.
Синица накличет погоду.
Сосулька растает в ручей.

Весна обозначит детали,
земную мозоль обнажит,
кого-то на месяц состарит,
кого-то состарит на жизнь.

И радостно будет и жутко
смотреть, как выводит рука
легко, как апрельскую шутку,
слова на тетрадных листках.

Выводит слова — на свободу
из мартовской синей глуши!
Выводит на чистую воду,

весеннюю талую воду
иссушенный призрак души.

И светлая сила ромansa
рождает сухую слезу.
Блаженны рождённые в марте,
и дважды — рождённые в марте,
и трижды — рождённые в марте
на жизнь!
И на творческий зуд.

РОБИНЗОН

Памяти Юрия Бендюкова

Робинзон от Пятницы ушёл.
Утешают Пятницу туземцы:
«Ты не плачь, ты ляг на эту землю,
Полежи. Всё будет хорошо.

Помолчи. Всё выйдет как должно.
Он вернётся, плыть ему недолго.
Океан — не Мана и не Волга.
Он увидит, как далёко дно.

Он поймёт, что парус и весло
не сумеют совладать с волною.
Над дельфиньей влажною спиною —
только чайки белое крыло.

Он поймёт, что нет такой беды,
от которой можно уберечься
вдалеке от верного словечка,
вдалеке от разной ерунды.

Он следы оставил на песке,
ровной строчкой свой уход отметив.
Океан лизнёт — и не заметит,
как учитель — тряпкой по доске.

Он уронит голову на грудь:
всё прошло бесследно, всё уныло...

Но волна следы ещё не смыла
и ещё не поздно повернуть!

Он вздохнёт — и парус закрепит,
и весло поднимет рулевое.
Слышишь — ветер в парусине воет
и весло уключиной скрипит?

Он придёт, теперь наверняка!
Вот уже на горизонте точка.
Вот уж точка вырастает в строчку,
вот уже не строчка, а строка!»

...Горизонт — воды и неба шов.
Ни строки, ни точки не осталось.
Робинзон настраивает парус.
Он ушёл от Пятницы.
Ушёл.

ТИШИНА

*Мне годы говорят — жестокие невежды...
Юрий Бендюков*

*Портвешок в стакане чайном,
ночи чёрная печать...
Ах, как славно мы молчали!
Так уж больше
не молчать...*

Мы пили портвешок и думали о разном.
Нечасто голоса касались тишины.
И редкий разговор казался ненапряжным.
И частый портвешок казался не хмельным.

Томились на столе ненужные закуски.
Ложились иногда ладони на лады.
Мы истину в вине искали так по-русски,
так искренне топя в вине её следы.

«Мне годы говорят — жестокие невежды», —
что всё уйдет туда, откуда всё пришло:
и поздняя любовь, и ранние надежды.
Останется одно простое ремесло.

Теперь неважно всё, чего коснулось слово:
сменились времена, угасли имена.
И только тишина в квартирке на Толстого.
И нездоровый цвет дешёвого вина.

С камчатским бардом Сергеем Косыгиным я познакомился благодаря фестивалю авторской песни в Шарыпове, на озере Линёво. Он приезжал туда вместе с Алексеем Лысиковым, прекрасным автором, пишущим и играющим акустический рок-н-ролл. Не могу сказать, что мы с Косыгиным стали друзьями, различий у нас больше, чем сходств. Но на какой-то лирической волне родилась вот эта тема.

***

Сергею Косыгину

Осень. Воспаление природы.
Дождь последний над землёй повис.
Одичалым призраком свободы —
голубь, обживающий карниз.

Очень ты мне нужен, гули-гули!
Раму отворяю — и взашей...
На житьё худое намекнули
голоса соседей-алкашей.

Что ж, давай и мы с тобой дерябнем,
чем сидеть и попусту глазеть
за окно, где небеса корябает
тополь, обречённый облысеть.

Возраст по-настоящему начинаешь чувствовать тогда, когда появляются ученики или, лучше сказать, воспитанники. Настя Зубарева ходила ко мне на мастерскую по журналистике, делала успехи, позже я пристраивал её к работе в журнале. Когда стараниями Литературного лица им. В. П. Астафьева вышла в свет её тоненькая книжица, была презентация в зале нынешнего Дома искусств. Я думал — что же подарить? Перед самой презентацией родилось вот это.

***

Насте Зубаревой

Ну куда же ты, куда же ты, куда же ты?
Эта местность не изучена пока.
Под весеннее прозрачное адажио
входит девочка. Легка её рука.

Без труда цветным помахивает пёрышком,
выводя косые строчки на лету.
По жемчужине, по бусине, по зёрнышку,
по словечку заполняет пустоту.

Мир беспечен. Люди суетны до судорог.
Донимают то болезнь, то мошкара.
Не до бисера в такое время судное,
не до книжечек — дожить бы до утра.

Только пёрышко — неведение счастливое —
нижет строчки, мир по-своему деля.
И потряхивают пепельными гривами,
и склоняются пред ним учителя.

Время смутное. Для песенок не та пора.
Голос есть — так не сдавать его внаём!
И чуть-чуть правдоподобней, чем метафора,
эта книжица — сокровище твоё.

С Юлей Гориной много лет связывали самые тёплые отношения. Однажды мы сидели с ней в жюри по предварительному прослушиванию участников одного фестиваля на Алтае. С одинаково умным видом слушали. Пел женский дуэт, хорошо знакомый Юле. Я заслушался — так музыкально девочки пели! Когда закончили, Юля начала перечислять ошибки, сыпала музыкальными терминами, но что самое невероятное для меня — девочки её понимали!.. Я сидел и думал: «Зачем я здесь?..»

Юля долго и мучительно болела. Почему-то до сих пор рука не поднимается приставить к этому посвящению слово «памяти».

***

Юле Гориной

Умерла. Отмучилась. Отпела.
Соловьиной песней улетела.
Отгорев, погасла навсегда.
Сколько нас ещё осталось, Юля?
Сколько нас уйдёт ещё в июле?
В августе? И далее... и да...

Мы живём, не разбирая века.
Век толкает в спину человека,
говорит: «Беги — и будь таков!»
Мы бежим — и некогда беречься —
мимо пересохшей Чёрной речки,
мимо пятигорских облаков.

Кто мы есть? Мы внуки подземелья,
дети побеждённого безмолвья,
вестники грядущих перемен.
Мы-то знаем: всё ещё прольётся
родниковой влагой из колодца,
горькою слезою на размен.

Сколько нас ещё на свете, братья?
Уже круг, тесней его объятья,
ближе даль — но глуше голоса.

... Не закашляться б. Не поперхнуться.
На плюгавой кочке не споткнуться.
Из последней жилы дотянуться —
до венца. До самого. До са...

Много лет нас связывает дружба с семейной парой Поповых — Наташей и Сергеем. Они геологи, ходят в поля, раньше бывали там подолгу — с мая-июня по октябрь, — теперь не так долго. По традиции, когда они возвращались, мы собирались на чьей-то кухне, выпивали, делились легкими впечатлениями. Теперь, когда «поля» стали короче, нередко собираемся летом на их даче, паримся в баньке, жарим шашлыки. Поём, конечно.

ПОГОДА

Сергею и Наталье Поповым

Дождь третий день по палатке скачет.
Не выйти в маршрут и вообще — не выйти.
А ты всё смеёшься, ты всё подначиваешь —
мол, выпивки море, да нечего выпить.
Небосвод рыдает, унять нельзя.
Как нам надоели истерики эти!
Самое сухое, что есть на свете, —
сухие, жгучие твои глаза.

*Погода, что нам с тобой погода —
то дождь колючий, то лютый зной.
А годы — ну что нам, ну что нам годы,
пока с тобой я, а ты со мной?*

Потому что нельзя, нельзя тебе плакать!
Да и не о чем плакать. Плакать о чём?
О том, что слякоть? Подумаешь — слякоть.
О том, что палатка?.. Подумаешь — чёлн!
Зато мы рядом, и в том спасенье,
что, косым смычком по воде вода,

в четверг или, может быть, в воскресенье
солнце прервёт разговор дождя.

И нас погонит в маршрут погода.
И ты найдёшь, что давно искала.
Раньше случалось — почти по полгода,
теперь — лишь месяц, и это немало.
Зато мы рядом!.. А вёрст за тыщу
(хоть так и кажется — где-то близко)
на кухне некто готовит пищу,
а некто другой календарь пролистывает.

Приедем. Сядем. Выпьем, конечно.
Конечно, скажем слова друг другу.
И вновь откроем, что всё конечно,
кроме друзей и гитары по кругу.
...Солнце. Какая жара на планете!
Июль в разгаре, и унять нельзя.
Самое важное, что есть на свете, —
влажные от счастья твои глаза.

*Погода, что нам с тобой погода —
то дождь колючий, то лютый зной.
А годы — ну что нам, ну что нам годы,
пока с тобой я, а ты со мной?*

Фото Ильи Матушкина

✂ КАК ВСЁ МЕНЯЕТСЯ НА СВЕТЕ...

У Юрия Лореса в книге «День шестой», которую он, по собственному признанию, писал 30 лет, есть такие строчки:

Я знаю, душа моя — ветер,
тем более, век наш таков.
И всё же стихия в поэте
важнее, чем стройность стихов.

Не буква, не рифма, не фраза,
а буря в основе основ,
в которой понятен не сразу
закон размещения слов.

«Закон размещения слов» — сущность, скрытая от автора, неподвластная ему. Алгеброй можно поверить гармонию — но по-настоящему всё равно никогда не понять, где таится волшебство в блоковском «О доблестях, о подвигах, о славе...», составленном, кажется, сплошь из штампов и банальностей. Никакой поэт, если графоманство — не определяющая его черта (все мы, в сущности, графоманы, но это качество не может быть определяющим), не в состоянии внятно ответить — откуда берётся тема, что диктует, что заставляет повернуть её так или иначе. Я говорю, конечно, о лирике, есть ведь и другая поэзия. Откуда-то берётся, что-то диктует и заставляет. Важно ли — что именно?

***

Норштейн похож на Смоктуновского.
В своей шинельке недошитой
он ходит по планете, съёжившись.
Над ним — туман, вокруг — туман.
Он весь — величие неброское,
незнаменито знаменитый,
на гений собственный помноженный,
делённый на пустой карман.

Ему б от каждого — по рублику,
по алюминиевому грошику,
чтоб он порадовал любителей,
карман дырявый залатав...
Но не видать «Шинели» публике,
как не видать в тумане ёжику,
поскольку грошик алюминиевый —
наш стратегический металл.

ОКРАИНА

Никак эта жизнь не походит
на то, что походит на жизнь.
Здесь прошлое близко подходит
и мусорный ветер кружит.

По-пёсьи лениво зевая,
свивая рассудок в жгуты,
царит нищета круговая
на троне всеобщей тщеты.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ

Как всё меняется на свете...
Как повзрослели наши дети!
Ещё вчера они, казалось,
пломбир подтаявший лизали,
сегодня — только посмотри:
как тот пломбир, холодноваты,
они — купцы и дипломаты,
они — партийные кумиры,
они — борцы за дело мира,
твои, народ, поводыри.

Ну что ж, сбываются надежды.
А ваши, ваши-то — всё те же:
вчера — шпана и голодранцы,
сегодня — тайные повстанцы,
враги кумиров и дворцов.
Они — Левши и Пересветы,
они — бродячие поэты,
сума — пуста, душа — до края,
их настигает и карает
слепая участь их отцов.

И, собираясь, дети наши
пускают круговую чашу.
И, собираясь, дети ваши
пускают круговую чашу
и ранней блещут сединой...
Как всё меняется на свете!
Как постарели наши дети.
Как постарели ваши дети.
Как всё меняется на свете...
А свет — он выдуман не мной.

***

И — голос!
И — в сторону книга,
и гость ненавистен любой!..
Но входит какой-то задрюга
и курит на кухне с тобой,
и давится чаем горячим,
и травит пустой анекдот..
И снова уходит удача.
А может быть, наоборот.

И — счастье!
От нежности тая:
«Любимая!» — «Милый, родной!»
«Ах, как мне тебя не хватает!» —
«Я здесь, я до смерти с тобой!»
Но третий вдали замаячит,
рукою небрежно махнёт, —
и вновь отвернётся удача.
А может быть, наоборот.

Слова-то немного стоят,
и кротость пустого листа
порою бывает достойней,
чем пёстрая рифм немота.
Случайного жеста всевластья
бывает слабее глагол.
Но — счастье, о Господи, счастье!
Но — голос! Но — голос!..
Но — гол.

***

...Но есть простые имена:
Лолита, Музыка, Дорога.
И жизнь — не западной порога.
И смерть — не северной окна.

Но есть простые письма:
паучьим почерком в тетради.
Не пользы для, не славы ради,
а в честь помазания на...

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ СКВОРЦА

1

Все парламенты — дрянь.
Все правительства, все президенты.

Все свободы придуманы:
нет и не будет свобод.

И себя заточила
последняя из диссидентов
то ли в шкаф платяной,
то ль в старинной работы комод.

Так она протестует,
хотя не об этом мечтала.
А мечтала она
о Матросской глухой тишине,
чтоб засов громыхал,
чтобы дверь скрежетала металлом,
чтоб страна содрогалась
глубокою жалостью к ней.

Но страна содрогаться не стала:
зевнула — и байки.

И борьба с немотой
протекает в шкафу платяном...

Все свободы придуманы.
Их, как тюремную пайку,
выдают то лапшой,
то сквозь сито протёртым пшеном.

Все системы непрочны,
все конституции — лажа!..

Все собаки — цепные.
Все лошади любят овёс.

Только важно: гуляют деревья в зелёных плюмажах
и скворцы — то есть мы —
свищут странную песню свою.

2

Марине Саввиных

Наше время придёт.
Если только оно не ушло.
Если только останется,
чем заплатить за удачу.
Станет мартом февраль —
и поставит весну на крыло.
И наступит тепло.
Если только не будет иначе.

Всё пойдет как всегда:
загорланят в апреле скворцы,
пересмешники,
клювом и телом служа плагиату,
и ручьи захлопочут,
и свяжутся брёвна в венцы,
и устроится жизнь.
И душа устремится куда-то.

Это новый полёт.
Это пафос утраченных слов,
упразднённых понятий,
забытых и преданных истин.
Это шёпот весны.
Это зыбкое бремя основ.
Это право листа —
оставаться до времени чистым.

Это право листа —
покориться ль касанью пера,
запестреть ли строкой,
что овеевна Божьим дыханьем,

***

Весенний ветер пахнет молоком.
Спешит через дорогу рыжий кот.
Скворец скребёт затылок коготком,
ремонт гнезду семейному даёт.

Шуршит и к небу тянется трава.
Асфальт давно расстался с H₂O.
И жизнь весной кажется права,
и всё — любовь! И нет ни одного

животного, растения, меня,
кого бы шар прозрачного стекла,
что по небу катается звеня,
не радовал. Кого б не обожгла

весенней дурью, как дымком горча,
на тополе зелёная свеча.

***

И не быть нам когда-то на этой земле.
И не жалко. Что в имени нашем?
Лёгкий шелест листа, мокрый след на скале
от волны, на скалу набежавшей.

Ничего не останется — ни борозды,
ни звезды, ни сколочённой лодки.
Только в памяти — тень. Только след от воды.
Только ветер от скорой походки.

И не быть нам. И ладно. И хватит о том.
Мы отпелись. Не петь нам, а слушать,
как колотится сердце о серый бетон
год от года всё тише и глуше.

Нам уйти. Вам остаться. Дымить табаком,
пить вино, сочинять свои вирши.
И недолго витать над домашним дымком
голосам нашим — глуше и тише.

И не быть нам. Но если когда-нибудь вдруг
вы услышите дикое пенье, —
это ждут воскресенья и бродят вокруг,
и поют наши блудные тени.

***

Жить в стране неизвестно какой
и всё время мечтать об иных.
Это кто там поёт: «Упокой!..»?
Это кто там навеки затих?

Чей весёлый такой разговор
посреди поминальных свечей?
Это кто там пропел: «Nevermore.
Пробил час»? — Чей же, Господи? Чей?!

***

Безморозный ноябрь. Гололёд на дорогах.
Мир шипованных шин, рай тугих тормозов.
И — хоть вешай табличку «Руками не трогать!» —
дворник ломом грозит, по-звериному зол.

Он погоду клянёт и синоптиков — тоже.
Он считает: Сибирь — так должна быть зима!
Он бы этим синоптикам дал бы по роже
или лучше он дал бы им в руки лома,

пусть кололи бы лёд да песком посыпали,
раз не могут путём за погодой следить!..

И моржи, открывая сезон свой купальный,
«Ерунда, — говорят, — лучше в баню ходить!»

Ах, идите вы в баню по льготным билетам!
Не спеша ты синоптиков, дворник, ругать.
Это я виноват. Я устроил всё это,
чтоб теперь срифмовать.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ В ПЯТНИЦУ

Баюшки-баю, завтра суббота,
утром никто не пойдёт на работу,
будут на смятых постелях лежать,
радио слушать да жёнушек жать.

Баюшки-баю, баю-баю,
встанут к обеду, хлебнут кофею,
кликнут жену, совершат променад,
купят на рынке зелёный гранат.

Встретят случайно соседа по даче,
цены ругнут да за жизнь посудачат:

«Свежая сплетня: NN — голубой!» —
и разойдутся, довольны собой.

К вечеру ветер подует с реки,
жёнущка золото снимет с руки.
Вот уже рядом родимый редут.
Вынут ключи и в квартиру войдут.

Баюшки-баюшки-баюшки-бай!
Крутится в кухне кухонный комбайн.
Курица с рисом да чай с пирогами.
А после курицы, сонно моргая,

грязной салфеткою вытерев рот,
взрежут ножом экзотический плод
и, поедая гранат не спеша,
скучно заметят, что жизнь — хороша.

Тем хороша, что бывает суббота,
можно совсем не ходить на работу,
кликнув жену, совершить променад,
радио слушать да кушать гранат.

Баюшки... Станет в окошке темно.
Нынче в программе смешное кино.
Глянуть кино да послушать «Вестей»...
Миловал Бог, обошлось без гостей.

Баюшки-баю, так вот и катится
жизнь, баю-бай, от субботы до пятницы.
Тихо снаружи и пусто внутри...
Вспомнишь во вторник: уже — тридцать три!

Гвозди возьмёшь и, придвинувши стул,
крепко себя приколотишь к кресту.

АМНЕЗИЯ

Нам кажется, что человек уходит,
а он себя в другой судьбе находит.
Как будто бы дорогу переходит:
нырнёт себе в подземный переход,

и, улицу так прострелив навывлет,
он выйдет, на затылок шляпу сдвинет,
из портсигара сигарету вынет —
и время обретёт иной отсчёт.

Для нас оставшись долгим отраженьем,
он заново начнёт своё движенье
в другом, уже не нашем измеренье,
в иных, уже не этих временах.

А мы над отражением уроним
слезу, и постепенно посторонним,
а если быть точней — потусторонним
он станет нам.

И в этом нет коварства никакого.
Он проживёт и трезво, и толково,
а может быть, смешно и бестолково
свой путь пройдёт.

И не волнение — только тень волнения
души его коснётся на мгновение:
ему приснится странное виденье —
дорожный знак, подземный переход.

Привычка размышлять не даст покоя.
«Подземный переход — ах, что такое?» —
И до мозолей лоб сотрёт рукою,
и до утра — впервые — не уснёт.

***

Ничто не предвещает неудач.
«Шерше ля фам!» — и вот тебе причина.
Что ж, в тридцать лет нетрудно быть женщиной,
ну в сорок, пятьдесят... а там — хоть плачь.

Ничто не предвещает перемен,
когда ля фам, скользнув шершавым взглядом,
сочтёт скандал достаточным обрядом,
и — «се ля ви, мой никчemuшный мэн!».

Ничто не обещает барышей —
уж этого ничто не обещает.
Но мне пороки явные прощает
моя ля фам, которую шерше.

Ничто не предвещает ни фи́га,
ну ни черта ничто не предвещает.
Нас вместе силы тайные вращают
по вечным концентрическим кругам.

Когда же им наскучит нас вращать,
когда завалит за полночь будильник, —
гаси фонарь и отключай рубильник.
Пора «ин вино веритас!» кричать.

ПИСЬМО НИКОМУ НИКУДА

Этим летом не было комаров —
то-то радость нам! То-то горе прочим.
Что ещё полезного? Я здоров.
Проживаю дни, коротаю ночи.

Что ещё весёлого? Жизнь идёт —
не прошла ещё, но уже короче.
С тополей по осени лист падёт.
Проживаю дни, коротаю ночи.

Он повалит — жёлтый, как спелый плод,
бормотать начнёт, ворожбой морочить.
Но недолгим будет его полёт —
чуть длиннее дня, чуть короче ночи.

Что ещё хорошего? В Божий храм
иногда хожу, но молюсь — не очень.
Припадаю чаще к земным дарам,
проживая дни, коротая ночи.

Но порой, себя осенив крестом,
перед свечой прикрою глаза... нет — очи, —
слышу хор высокий дыханью в тон:
«Не напрасны дни, не впустую ночи!

И слепым подсудно дрожанье век.
И немым подвластно биенье строчек.
И пустыни внемлют теченью рек
и горячим днём, и холодной ночью.

Все слова твои — не твои слова.
Твоего в словах — запятая с точкой.
Но горит строка, как в печи дрова,
согревая дни, обжигая ночи».

Что ещё высокого? Всё пройдёт.
Отпоёт мой хор, пламя свечку сточит.
Но строка повиснет, как спелый плод,
на исходе дня, на пороге ночи.

Вот, пожалуй, всё.
Будь и ты здоров,
чтоб в графе «Болезни» в анкете — прочерк.

Этим летом не было комаров.
Не мешали днём, не галдели ночью.

...Вот и гость в окне, словно гвоздь в стене.
Вот и август пьяные слёзы точит.
Нет хулы на мне. Нет вины на мне.
Ах, какие дни!
И какие ночи!

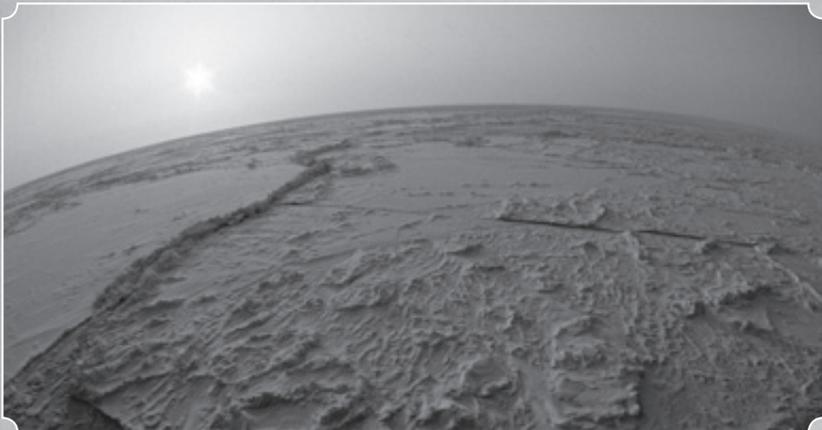

Фото Виталия Иванова

Я БЫЛ ЗДЕСЬ

Я люблю менять места, люблю путешествовать. И праздно, как турист, и не только. Когда меня пригласили работать в газету «Красноярский комсомолец», мой журналистский стаж не дотягивал и до года. Этот неполный год я провёл в газете «Серп и молот» Шарыповского района. Писал о селе, о комбайнёрах, доярках, мало-помалу начал разбираться в тонкостях экономики села, и в общем — мне это нравилось. В Красноярск Людмила Ивановна Батынская пригласила меня на должность сельского корреспондента в отдел экономики. Решающим, пожалуй, аргументом было то, что такая должность невозможна без командировок. За время работы в этой газете я побывал, кажется, в полутора десятках районов края — не так уж много, пожалуй. Но эти поездки я хорошо помню. Самой запоминающейся командировкой, какие случаются, может быть, раз в жизни, была командировка в заполярный посёлок Диксон. Она была связана с тем, что в марте 1988 года известный путешественник Дмитрий Шпаро с канадскими коллегами планировал пройти на лыжах через Северный полюс в Канаду. Экспедиция носила название Polar Bridge, поддерживалась властями, газетой «Комсомольская правда». Мероприятие было очень резонансным, и освещать его для молодого репортёра — не только мечта, а честь.

Я сидел в своём кабинете, когда меня позвали в кабинет ответственного секретаря Вити Мельника. Там собрались мои коллеги, во многом — учителя и наставники. У Золика Мильмана, заместителя главного редактора, в руках был пучок спичек. «Тяни!» — приказал он. Я не понял: «Зачем?» Мне объяснили: тянем жребий — кому лететь в Диксон, откуда стартует экспедиция Шпаро. Я пожал плечами, потя-

нул... и вытянул заветную спичку. Ребята заголосили, стали хлопать по плечам, откровенно завидуя: «Старик, тебе повезло невероятно! Такое раз в жизни бывает, поздравляем!» Я, всё ещё плохо понимая, какое счастье мне привалило, тупо спросил — когда лететь? Мне назвали дату. Я с сожалением посмотрел на спичку: «Вообще-то в это время я хотел быть на бардовском фестивале в Новосибирске...» Гробовая тишина. Через минуту: «Ну, ты дура-а-ак...»

Я полетел в Диксон. И не пожалел ни минуты об этом. Кроме корреспонденций привёз оттуда четыре стихотворения, ставших песнями. Я посвятил их журналисту и фоторепортёру Виталию Иванову, с которыми там же, в Диксоне, познакомился и который свёл меня с интересными людьми, провёл экскурсантом на борт атомохода «Россия».

ДИКСОН

Виталию Иванову

Решено: улетаю на Диксон,
навсегда уезжаю от вас.
Может, мне там придётся родиться
второй раз?
Колесом полосы не касаясь,
самолёт совершает прыжок.
Я гляжу, как бежит полоса, я
гляжу на февральский снежок.

И февральский снежок замечает
всё, что я оставляю легко.
И тебя, золотая,
замечает февральским снежком.
А у нас в самолёте спокойно,
ни ветров, ни страстей, ни снегов.
Стюардессы такие, что больно,
просто больно глядеть без очков.

Мой сосед (он же — мой собеседник)
мне про жизнь говорит без конца.
Он мне так расписал этот Север,
что на мне не осталось лица.
Из поддержанного разговора
я одно умудрился понять:
там, на Диксоне, все минус сорок,
а у нас в Красноярске — плюс пять.

Ну и что? В этом страха немного:
как-никак журналист я иль нет?
Отморожу там нос или ногу —
лишь бы руки остались при мне.
Говорливым соседом затискан,
я лечу, котелком шевеля...
Ну и что, ну подумаешь — Диксон!
Диксон тоже, представьте, земля.

***

На Среднем плохая погода.
По этой причине
участников трансперехода
съедает кручина.
И ходят они, неприкаянны,
и дико на прессу глядят.
А пресса сама промокает
в полуночных строчках дождя.

И парень из «Комсомолки»
с утра телефонит с Москвой.
В гостинице пьют втихомолку
спирт с диксонской рыжей водой.
Природа грозит саботажем,
и счёта ей — не предъявить.
В торосах гуляет отважно
задумчивый белый медведь...

Синоптики врут воровато,
спокойные, как доктора.
Канадцы пока слабоваты,
но есть и у них мастера,
которые, Север свежую,
проделили собственный путь.

И руку на пульсе держу я.
Мне Север не вреден ничуть.

НА БОРТУ АТОМОХОДА «РОССИЯ»

Океан, словно доктор, качает меня.
Ждёт нас утром завьюженный порт.
И гуляют ветра, от восторга звеня,
ударяя крылами в борт.

И сверкают вдали городов миражи,
этот свет — он и с Полюса виден.
Не скажу, будто вовсе нет в Арктике лжи —
есть, но в очень ослабленном виде.

Ходят сиянья синие.
Мне-то грустить о ком?
Адрес мой — «Россия»,
атомный ледокол.

Наш прославленный мастер¹ заслужен и сед,
он имеет Звезду на груди.
Он прошёл перекрестки громов и побед
ледовитых морей посреди.

Посреди островов и арктических льдов
мы проводим судов караваны.
Лишь на миг опускаемся в трюм городов,
чтобы снова — в полярные страны.

---

¹ На кораблях Северного флота капитана часто называют на английский манер «мастер».

Ждут нас сиянья синие.
Мне-то грустить о ком?
Адрес мой — «Россия»,
атомный ледокол.

Последнее стихотворение цикла нуждается в пояснении. В Диксоне в последнюю ночь перед возвращением в Красноярск мне подарили огромные олени рога. Чтобы меня пустили в Як-40, рога пришлось забинтовать, а место мне отвели самое первое, где можно было как-то их пристроить. Через проход и в нескольких креслах от меня сидел мой коллега Женя Латышев, тогда собственный корреспондент газеты «Воздушный транспорт», а рядом с ним — очаровательная девушка, которую звали Анжела. Несмотря на свои восемнадцать лет, была она парашютисткой со стажем, на счету около 400 прыжков, и к экспедиции Шпаро была причастна как инструктор по укладке парашюта (как известно, участникам экспедиции периодически сбрасывали необходимое с воздуха). Во время промежуточной посадки в Дудинке я попросил Женю Латышева познакомить меня с Анжелой: «Хочу про неё написать!» Тот замахал руками: «Старик, не мешай, я про неё уже пишу!» Тогда там же, в самолёте, я придумал стишок, который потом стал петь. Жене эта песня очень понравилась.

Позже Валерий Кузнецов, делая цикл телепередач о красноярских бардах, отыскал Анжелу, заставил нас с ней на съёмках прыгать с крыла самолета — якобы с парашютом. Сочинил про нас романтическую историю — сюжет того требовал.

...Сегодня нет уже на этом свете ни Жени, ни Анжелы. Спасатель-парашютист Анжела Фёдорова трагически погибла в 2002 году: скончалась от ожогов, полученных при падении самолёта с 12 парашютистами. На её могилу на Бадалыке я иногда приезжаю.

Журналист Евгений Латышев перенёс инсульт, болел, умер в ноябре 2008 года.

***

*Евгению Латышеву,
Анжеле Фёдоровой*

Самолётик наш летит — тужится,
и турбины по бокам вертятся.
Мне твоим не суждено мужем стать.
Нам вообще не суждено встретиться.

Солнце в рожу мне глядит, скалится,
а под крыльями земля стелется...
Что ж, твоя дорога пусть — скатертью,
а моя житуха пусть — мельницей.

А по виду ты совсем юная,
да и талья у тебя видная.
Мне гитару бы с шестью струнами —
я б сыграл тебе сейчас Визбора.

Бескорыстно бы сыграл, для души.
А душа моя сидит — скорчилась...
Только этот твой сосед, Латышев, —
он, конечно, человек конченный.

Он втиранья тебе в мозг делает,
он лапшу тебе всю вешает!
У него давно жена, дети есть,
ну, а я — в который раз не женат.

Парашют бы — мы б с тобой, Анжела,
вниз с шести с полтиной тыщ сбросились!..
Похудел бы журналист Латышев.
Улыбнулся б нам пилот Осипов.

В Игарке мы с женой были лишь однажды, когда путешествовали на дизель-электроходе «Александр Матросов» по Енисею. Город произвёл впечатление сильное, почти сокрушительное. Провалившиеся в мерзлоту дома, беззубый абориген — потомок ссыльных, поймавший нас на улице и с ходу развернувший перед нами всю панораму своей несчастной жизни, треснувшая по всей высоте и стянутая металлическими скобами кирпичная стена пятиэтажного дома — разруха, запустение... И здесь же — потрясающий Музей мерзлоты, опекаемый ЮНЕСКО, с доисторическими льдами.

В Игарке родился мой хороший приятель, архитектор Михаил Меркулов.

ИГАРКА

Михаилу Меркулову

Ну, здравствуй, Игарка! Ну, будем знакомы, Игарка.
Зимой морозно, а летом полярным — не жарко.
Ты нам головой деревянной своей покачай-ка.
Над чёрной волной — ослепительно белая чайка.

На берег взойдём по ступеням скрипучим и шатким.
Лохматая псина нам лапой изысканно шаркнет,
по должности гавкнет, а впрочем — вполне равнодушно.
Поманит Игарка неведомой северной глушью.

...Гудок корабельный поёт то трубой, то фаготом.
Здесь стены домов утонули по окна в болотах.
Зимой — в сугробах, а летом коротким, нежарким —
по окна в болотах, по крыши в болотах Игарка.

Пристанище ссыльных, обитель опасных поэтов,
которым твои мостовые привычней паркетов,
твоя мерзлота им надёжней асфальтов упругих,
а карта судеб на Полярном начертана круге.

Здесь прежде бывало: толпились суда у причала,
портовые краны усталостью к ночи качало.
Здесь русская речь иностранной случалась довеском
и за море шли караваны, гружённые лесом.

Теперь караваны короче и речи — пожиже.
Неужто, Игарка, тебя я другой не увижу?
Чтоб, право на руку и сердце твоё заявляя,
за десять морей Магелланы суда направляли?

...Но, право, не стоит. Всё будет, как было, и лучше.
Полярной весною проклонется солнечный лучик,
и озолотит, и до донца осушит болота.
И как ещё жить? Только делать простую работу!

Ну что же, Игарка. Пора нам прощаться, Игарка.
Зимой морозно, а летом полярным — не жарко...

Фото Виталия Иванова

Ещё впечатление из той же поездки — куда более сокрушительное, до оторопи: Ермаково, место бывших сталинских лагерей. 503-я стройка. Утонувшие в мерзлоте рельсы. Шагаешь по ржавчине, а кажется — по крови. Как фантастические животные — лежащие на боку паровозы. Чёрные вышки, мрачные низкие бараки. Мы вошли в один такой, Марина попросила взять её за руку. Я взял. Пульс — ударов 120, наверное. Самое страшное, что здесь сохранилось, — неслышимый вопль ужаса, от которого волосы начинают шевелиться. Жуткое место. Впечатление было настолько сильным, что в строчки отлить его удалось лишь спустя многие годы.

ПОЕЗД. ВОСПОМИНАНИЕ О ЕРМАКОВО

Вагон. Ненавязчивый сервис.
В стакане простуженный чай.
Мне снится дорога на север.
Колёса на стыках стучат.

Мне снится дорога и поезд.
Я еду к разломанным льдам,
в другой климатический пояс,
в иные широты — туда,

где чайчий крик над обрывом
и волчья тоска вдалеке,

где пляшут горбатые рыбы
в холодной, свинцовой реке.

Где холод до костного мозга
пронзает тщедушную плоть.
И всё! И уже невозможно
глухую тоску побороть.

Где сосны стоят вертикально
и в хвое хлопочет луна.
Где кратко, как сон вертухая,
взойдёт над бараком весна —

и в лето уйдёт рикошетом,
в кошмар комаров и мошки.
Но дышит болотами лето
в краю заскорузлой тоски.

Где вышки угрюмы и вечны
на чёрных листовяжких столбах.
Где мечется крик человечесий
в угрюмых бараках-гробах.

Войди в те бараки, рукою
коснись этой чёрной доски —
и сердце займётся тоскою,
и обручем стиснет виски.

Мне снится дорога. Я еду
туда, к этим чёрным столбам,
по ржаво-кровавому следу,
к угрюмым баракам-гробам.

По чёрной тайге, по дороге,
которой и в атласах нет.
И кто-то стоит на пороге
и яростно машет мне вслед.

...Я чай допиваю, рассеян.
Растает в стакане звезда.
Нет в картах дороги на север.
Не ходят туда поезда.

Но, страха и боли исполнен,
я, как в лихорадке, твержу:
«Я видел дорогу. Я помню.
Я был здесь.
Я здесь и лежу».

г. Киев, середина 90-х. Из архива автора

Киев — место волшебное. Впервые там побывала Марина, потом мы ездили вместе, провели несколько отпусков, исходили город вдоль и поперёк. До слёз обидно, что сегодня те приветливые и открытые киевляне, которых мы видели, куда-то исчезли, а на их месте — другие, заражённые вирусом русофобии. И кто виноват в том, что на пути добра и взаимопонимания внезапно вырастают баррикады злобы и отрицания друг друга?

Хотя, когда мы там оказались осенью 1991 года, атмосфера на Крещатике царил тоже тревожная, собирались митинги, по радио шла прямая трансляция с заседания Верховной Рады, Украина готовилась отсоединиться от СССР. У меня на лацкане красовался значок с израильской символикой. Мы собирались гулять по Крещатику. Знакомый киевлянин посоветовал значок снять: «Мало ли...»

Удивительным и, главное, пророческим образом Киев (Город — как у Булгакова, с заглавной буквы) ассоциировался у меня с Парижем. Много лет спустя мы были в Париже — там такая же брусчатка и много ещё родственного.

Стихотворения написаны в разное время, разным был и Киев, и здесь уместна датировка.

МЫ БЫЛИ В КИЕВЕ

Мы были в Киеве. Стоял сентябрь-октябрь —
пора исходов, урожаев и кончин.

Мы были в Киеве, и потому хотя бы
нам было грустно без особенных причин.

Шурша страницами «новейшего завета»,
припав к теории изглоданным сосцам,
терзались практики, совет держа с Советом
у стен вельможных Мариинского дворца.

Мы были в Киеве, а Киев шёл в загранку.
Разинув варежки, мы провожали клин.
Галдя по-птичьи, улетали эмигранты,
роняя перья преждевременных седин.

Стоял сентябрь-октябрь. Была непрочной вера.
Ленились дворники и улиц не мели.
И произнёс вдруг Ленин голосом Бандеры:
«Ласкаво просимо, кляти москали!»

И от Крещатика, от Ленина опального,
от старой Лавры не надолго — навсегда —
увёз троллейбус нас, шкатулка музыкальная,
рогами прочно подпирая провода.

Осень 1991

***

На кукурузные початки
похожа старая брусчатка.
Идём, початки те поклёвываем,
на расстояния поплёвываем.

1991

АНДРЕЕВСКИЙ СПУСК

На Андреевском художник
предложил нам пустячок.
Может, купим? Может, сможем.
Может, будем ни при чём.

Он и просит-то полушку,
а глядит на нас, как лорд.
Акварелька, безделушка...
Светлой музыки аккорд.

Сколько красок, сколько масок,
сколько тихих алкашей,
сколько профилей и фасов,
сколько ломаных грошей!

Глина, камни, серьги, кольца,
майки, зонтики, ларцы...
Гениальные пропойцы,
вольной гильдии купцы.

...Чёртик дёрнет — мы отступим,
сами будем ни при чём:
сэкономим, скопим, купим
за полушку пустячок.

Июль 1995

г. Киев, середина 90-х. Музей архитектуры и быта. Из архива автора

МУЗЕЙ АРХИТЕКТУРЫ И БЫТА. ДОЛИНА МЕЛЬНИЦ

Эти мельницы уж крыльями не машут.
Эти крылья прочно схвачены цепями,
точно руки великанов из романа
о рехнувшемся идальго Дон Кихоте.

Только ближе подойди — они расскажут,
положись на их нестарческую память,
прикоснись рукою к почерневшим брёвнам,
их тепло пускай ладонь твою щекочет.

Только ближе подойди, коснись рукою —
ты услышишь, как назад качнётся время,
как отбросят эти крылья эти цепи,
как завертятся, обрадовавшись ветру!

Жернова жевать зерно, как прежде, станут,
и зерно, как прежде, ссыплется мукою.
Выйдет мельник, перепачканный мукою,
и присядет на скрипучую ступеньку,

и запустит взгляд, как жаворонка, в небо,
и увидит в бледном мареве полудня,
как расплавленное солнце остывает,
как лучи его становятся короче.

Там, вдали, белеет избями деревня,
над дорогой облачками пыль витает;
там, колёсами скрипя, везут подводы
золотистое зерно в мешках холщовых.

Встанет мельник и поправит белый фартук.
Жернова опять подвинутся согласно.
И опять зерно мукою обернётся,
а работа обернётся к ночи — мукой.

Это было век назад, а может, больше.
Только ближе подойди — и ты услышишь...
Только лучше погляди — и ты увидишь...
Прикоснись рукой — и время бег замедлит...

Эти мельницы уж крыльями не машут.
Эти крылья прочно схвачены цепями.
Только ближе подойди — они расскажут,
положись на их нестарческую память...

Июль 1995

ПРОЩАНИЕ С ГОРОДОМ

Ах, как мы из Города уезжали!
Ах, как не хотелось нам уезжать!
Ах, как без Парижа нам, парижанам?
Ах, как же Парижу без парижан?

Как нам без его мостовых булыжных,
фонтанов, каштанами взятых в круг?
Без Города нам ни за что не выжить.
Не выживет Город без нас, мой друг.

Не стерпит, не перенесёт разлуки.
Погибнем и мы от него вдали.
Нет музыки в частом колёсном стуке,
нет счастья в бегстве за край земли.

Давай все дела на чужбине бросим,
без нас чужбина не загрустит.
Крылом повела, поманила осень:
прости-прощай! Не скучай. Пусти...

Фонтаны умерли, струи скрыли.
Каштанам дрожи не скрыть никак.
Мы в Городе этом не чтоб жили —
в нас этот Город пророс, как злак.

Пророс он и в сердце проделал рану,
и рана болит, и унять нельзя.
Весною снова начнут фонтаны
пыль водяную пускать в глаза.

Каштаны ударятся в цвет, как в пьянку,
и, головы больше не пряча в зонт,
мои горожане, твои горожанки
взглядами выскоблят горизонт —

и нас не увидят на горизонте,
и мы не отыщем их на своём.
Длинные пути, высоки резоны,
окна вагонного мал проём,

чтоб всё вместить, что ещё не скрылось,
на чьё описание не хватит букв —
тех, что Мефодием да Кириллом
однажды выдуманы, мой друг.

Ах, Город... А мы с тобой уезжали...
И так не хотелось нам уезжать!
Ну как без Парижа нам, парижанам?
И как же Парижу без парижан?

Зачем мы из Города уезжали?..

1995

На Дальнем Востоке я был раз в жизни. Меня, журналиста «Красноярского комсомольца», крайком комсомола командировал в посёлок Февральск, на БАМ. Туда, на строительство магистрали, уехала команда красноярских ребят, им пообещали по возвращении в Красноярск выделить жильё, сейчас уже точно не помню — что именно дало осечку, но моя командировка была связана именно с этой осечкой, я ехал проводить примитивное «расследование». В Хабаровск летел самолётом, оттуда меня вёз медленный и скучный полупустой поезд «Хабаровск — Февральск».

Сама командировка, посёлок как-то стёрлись в памяти. По возвращении из Февральска обнаружил, что поезд ходит в Красноярск не каждый день, нужно где-то ночевать. Хабаровск в результате подарил сюрпризы: сначала в гостинице на колёсах на станции меня ночью изрядно погрызла мошкара, которой там оказалось просто невероятное количество, а днём на пляже обгорел почти до волдырей.

Пляж запомнился, впрочем, не этим, а белыми прямоугольниками свежих центральных газет в руках каждого отдыхающего (почему-то в будний день их там оказалось много). У некоторых кроме газет были ещё и транзисторы. Всё просто. В Москве проходила 19-я партийная конференция — знаменитая, перестроечная, страна взхлёб слушала и читала выступления Ельцина, других лидеров новой формации. Народ учился демократии, пытаясь соотнести себя со временем.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Лето коричневой шишкою
кедры спешит убрать.
Тащит сюжеты шукшинские
поезд «Хабаровск — Февральск».
Просто они закручены,
эти сюжеты давние.
И по такому случаю
нужен глагол страдательный.

Там, за окном — угодия.
Здесь, у окна — моя
скучная, как пародия,
стёртая, как скамья,
личность сидит и хныкает,
доит талант непонятый.
Мало так в ней великого.
Много так в ней запойного.

Солнце за сопки прячется.
Делаем оборот.
То ли мы стали зрячими,
то ли наоборот.
Тают сюжеты быстрые,
кадры сиюминутные...
Наши надежды — чистые,
а ожиданья — смутные.

☞ ...А В НЕБЕ ТЕПЛИТСЯ ЗВЕЗДА

Этот небольшой цикл сложился спонтанно. Стихотворения написаны в разные годы, отражают они разное состояние души. Одно объединяет: неканоническая трактовка евангельских сюжетов. Однажды после сольного концерта ко мне подошёл один зритель и, заикаясь и волнуясь, сказал: «Со мной рядом сидел верующий человек — он сказал, что это кощунство, грех!» Я тоже верующий. Не очень религиозен, редко посещаю церковь и делаю для себя различие между церковью как институтом, с одной стороны, и, если так можно выразиться, «чистой» верой — с другой. Считаю, что у каждого творческого человека — свои отношения с Богом и — да не сочтут читающие меня это гордыней — здесь не всегда уместны посредники. Но — верую искренне. И без веры, пожалуй, уже многого в своей жизни не представляю. Что же касается интерпретации канонических событий, это ведь только история не терпит сослагательного наклонения. Поэзия исследует действительность (сущую и мнимую) иными способами, чем наука.

МАРИЯ

1

Простишь ли, Мария, мне звук опрометчивый тот,
который, два имени накрепко соединивши,
смятенного духа и плоти уродливый плод,
свободу однажды обрёл — о, Мария, простишь ли?

Простишь ли заплёванный пеной морскою причал,
куда я тебя провожать выходил на рассвете,
где после с восходом луны осторожно встречал,
где мокрый песок да рыбацкие дряхлые сети

висели на белых от высохшей соли столбах...
Ты каждую ночь приплывала на узенькой лодке.
И весело было — избавить тебя от рубах,
себя — от тоски и от страха!..
Звериной походкой,

точнее — побезжкой неслась за окошком луна.
В рыбацкой лачуге шарахались тени под лавки.
Простишь ли, Мария?.. Бокал азиатский вина
сильнее пьянил, чем тепершний спирт без разбавки.

Коптила свеча или лампа с плохим фитилём.
Под грязным стеклом рыжеватое морщилось пламя.
Лачуга казалась не то чтоб совсем кораблём —
скорлупкой рыбацкьей, замученной в море штормами.

А море и правда штормило. Мы слышали, как
ломаются волны о берег, просоленный, крепкий,
как ветер кряхтит, отрывая от гор облака,
швыряя с размаху их в белые хищные гребни.

И не было в мире греха, что считался б грехом,
поскольку хозяйничал дьявол от тверди до тверди.
И весело, весело было — единым глотком
бокал осушить, ожидая рассвета, как смерти!

Простишь ли, Мария?.. Рассвет был изящен и сух.
Уже не штормило, и берег блестел от ракушек.
И было расстаться легко.
Только, названный вслух,
тот звук опрометчивый крепче вязал наши души,

чем узел морской.
Щекотнула губами висок,
толкнулась легко, заскользила — всё дальше... всё ближе...
Причал опустевший, заплёванный пеной песок,
да волны ленивые берег просоленный лижут.

Мария, Мария! Бывает — шумит за окном,
то ливень шумит, то следы заметающий ветер, —
покажется вдруг: это море царапает дно,
совсем не фонарь, а луна одуревшая светит.

И я в подоконник упрусь, припадая к окну,
и вижу: на белых столбах — полусгнившие сети.
И узкая лодка плывёт, попирая волну.
Всё дальше от берега, всё — вдалеке — не приметней.

2

Шьёт Мария рубаху себе из холста.
Над Марией ночная висит темнота,
неподвижна. Лишь пламени чуткая тень
чуть качнётся порой — и поскачут со стен
тень Марии, холста, тень иголки в руке,
тень свечи, тень печи, тень кольца в потолке,
на которой качается тень колыбели.
Спит младенец. Ах, как ему все надоели!

Как вы, Господи, все надоели ему!
Он проснётся, уставится в тёплую тьму,
что висит над Марией, над хижиной, над
колыбелью, над миром, который не рад
ни Марии, ни новой рубахе её,

ни младенцу, над миром, что весь — забытьё.
Что ему этот сморщенный отпрыск недельный?
И заплачет в своей колыбели младенец.

И Мария, склонившись, отложит шитьё,
и качнёт колыбель, и на чадо своё
поглядит, как на чудо, увидеть стремясь
эту лёгкую нить, эту дивную связь
меж младенцем, что страхом полночным влеком, —
и холодного берега чёрным песком,
и заплёванным пеной прилива причалом,
у которого лодку волною качало...

А когда за окном задрожит темнота,
и Мария рубаху дошьёт из холста,
и послушные тени отпляшут своё, —
на мгновенье Марию возьмёт забытьё.
И она в небесах не увидит звезду
и волхвам не откроет. А те подойдут
и, тихонечко стукнув доскою дверною,
не услышав ответа, пройдут стороною...

СРЕТЕНЬЕ

Симеон не может умереть:
он Христа покудова не видел.
Дверь в его холодную обитель
смерть никак не может одолеть.

Что же за тревога Симеону?
Он хоть стар, пожить ещё не прочь,
аккуратно счёт ведёт поклонам,
молится и молится всю ночь.

И снедает тайная мечта
праведника в тишине обители:
вот бы никогда ему не видеть
этого блаженного Христа.

Так бы он и жил, другим на зависть,
и на убыль не пошли б года...
Но над Вифлеемом показалась
как-то ночью новая звезда.

Сделались и чётче, и ясней
очертанья пламени над свечкой.
Пастухи, забыв своих овечек,
принесли младенца из яслей.

Всё, что дальше будет, знал заранее
праведник усердный Симеон:
в Иерусалимском Божьем храме
нового Христа увидит он,

и тогда возьмёт его Господь
и зачтёт молитвы и поклоны...
Ах, как не хотелось Симеону
покидать дряхлеющую плоть!

Но когда к назначенному сроку
в храм внесли младенца, — пьян от слёз,
Симеон, назначенный пророком,
вслух ему осанну произнёс.

После вышел и не оглянулся,
промыслом Господним угнетён.
Той же ночью лёг и не проснулся
праведник усердный Симеон.

РОЖДЕСТВО. ИОСИФ

1

Ах, у любви свои резоны,
свои златые купола.
Опять, тепла не по сезону,
зима зимы не сберегла.
Снега становятся водицей,
к земле спешившею зазря.
И радость пьяная светится
на мокрой морде января.

И я бы выпил белой водки
или хоть красного вина...
Как перископ большой подлодки,
раздвинет облако луна.
Возьму и выпью, я не гордый.
В бокал литого хрустала
плесну — и чокнусь с мокрой мордой,
свою тревогу оголя.

И вновь. И разобью посуду!..
Ах, дорогой мой трезвый друг!
Ведь сколько ни готовься к чуду,
оно всегда приходит вдруг.
Оно всегда наступит сразу,
и горло сдавит немота.
И заготовленную фразу
не смогут вымолвить уста.

2

...Ну вот, ну вот: стезёй ведомы,
робки, возвышенны, тихи,
идут тропой, подходят к дому,
плащами скрыты, пастухи.
И — чу! — меняется погода.
Слеза застынет на бегу.

И белой стружкой с небосвода
прорехи скроет на снегу.

И мир, что нам казался бранным,
прозрачным станет, как слюда.
Светает. Пахнет свежим сеном.
А в небе

теплится
звезда.

...И РОЛИ ДОИГРАЕМ ДО КОНЦА

С театром меня связывает прежде всего то, что я, как и моя жена Марина, — из породы активных и благодарных зрителей. И взыскательных, конечно. Самая первая моя песня для театра прозвучала в спектакле Шарыповского театра — тогда народного, позже он стал муниципальным и получил название «Фаэтон». Я не писал её специально. Режиссёр Наталья Желтова ставила спектакль по пьесе Алексея Арбузова «Жестокие игры». Для начинающего режиссёра и любительской труппы это было серьёзной заявкой. Мы с Антоненко играли в этом спектакле. Понадобилась песня. У меня нашлась подходящая — на стихотворение Константина Симонова:

Если Бог нас своим могуществом
Перед смертью отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай!

И так далее. Пел её на сцене Андрей — для этого я специально научил его пяти гитарным аккордам. Ещё одну песню к тому же спектаклю я написал уже специально, на собственный текст — она в спектакль не вошла по причине несовершенства. Но работать для театра мне понравилось. Спустя несколько лет та же режиссёр ставила «Трактирщицу» по пьесе Карло Гольдони. Опять потребовались песни. Я в театре к тому времени уже не играл — актёрские мои опыты не были удачными, — но отношения поддерживал. Замечательно, что

◀ Сцена из спектакля «Сага о Лире» по мотивам пьесы Вильяма Шекспира «Король Лир» в постановке заслуженного деятеля искусств РФ Б. Саламчева. Монодрама в исполнении Владимира Ясинского. Художник — главный художник Красноярского театра кукол Наталья Николенко

песню на сцене под аккомпанемент моего приятеля Алексея Ширинкина исполнял Сергей Сумин, которому, по собственному его признанию, медведь наступил всеми четырьмя лапами на оба уха сразу. Все три куплета он допел до конца, ни разу не выбившись из тональности, — это была фантастика! Что искусство делает с людьми...

Потом были ещё песни к спектаклю по мольеровскому «Лекарю поневоле» — я иногда и сегодня исполняю их в сольных концертах. Текст одной из этих песен завершает настоящий раздел.

Но действительно серьёзная работа для театра началась у меня, когда познакомился с лесосибирским коллективом «Поиск», поэтом и (в то время) актёром этого театра Николаем Штромило и режиссёром Юрием Лобановым. Первый заказ — песни для спектакля по Булгакову, ни много ни мало — «Зойкина квартира». Я написал семь — в спектакль вошли три. Что-то режиссёр посчитал слишком прямо иллюстрирующим действие, где-то я просто не попал в его затею. Или затея изменилась — так часто бывает. Главная идея спектакля — нормальные люди играют чужие отношения, имея единственной целью как можно скорее уехать из охваченной революцией страны. Несмотря на то что большая часть песен в спектакль не вошла, я благодарен Юре за этот заказ: сами по себе они состоялись, и я их охотно пою на концертах.

После я ещё дважды принимал посильное участие в работе над спектаклями театра «Поиск». Это была странная пьеса Эжена Шедрина и Юрия Каменецкого «До самой смерти...» — четыре чёрных анекдота, которые нужно было «связать» какой-то музыкально-поэтической темой. Тема сложилась — правда, прозвучала в конце спектакля в сногшибательной эстрадной аранжировке. Вторая и последняя театральная работа — песни к спектаклю по повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Ни одна из них в постановку не вошла.

А потом у Юры Лобанова случился инсульт, и больше он спектаклей пока не ставит.

М. БУЛГАКОВ. «ЗОЙКИНА КВАРТИРА»
ПЕРВЫЙ РОМАНС АМЕТИСТОВА

Ах, mon ami, ах, cher maman!
Вся моя жизнь — такой роман,
Где рядом гуляют тюрьма и свобода,
Тугая мошна и дырявый карман.

Я жил на севере, жил на юге,
Балдел на водах, сидел на воде.
Мои покинутые супруги
Создали клуб рыдающих дев.

То я, как Карл, воровал кораллы,
То я, как Клара, их укрывал,
То я в роскошных живал кварталах,
То я последний сухарь жевал.

Я, как медуза, менял окраску,
То я бледнел, то — pardon! — краснел.
То покупал я чужую ласку,
То я собой украшал панель.

Я изменял именам, как дамам,
В чужие судьбы влезал, как в такси.
Я бы, наверно, погиб, когда бы
Не вы, mon deu. O, gran merci!

ПЕСЕНКА КИТАЙЦА ГАЗОЛИНА

На востоке есть Китай,
А в Китае есть Шанхай.
А Шанхае — мой родня,
Он скучает без меня.

Я живу Москве чумной,
Революцией больной.
Денег нету, хлеба нету,
Жизни нету никакой.

Чтоб Китай билет купить,
Надо денег накопить.
Мой пойдёт гулять туман,
Ножик спрячет на карман.

Ах, Шанхай, ты где же, где же?
Мой по улице пойдёт.
Или он кого зарежет,
Или кто его убьёт.

ПЕЧАЛЬНЫЙ РОМАНС ОБОЛЪЯНИНОВА, БЫВШЕГО ГРАФА

Станет ли кроликом бывший удав,
Бывшая курица — птицей?
Станет тапёром потомственный граф
Иль предпочтёт застрелиться?
Бросят тапёру ломаный грош,
Пальцы сорвутся с клавиш...
Хочешь — не хочешь, а запоешь,
Хочешь — не хочешь, сыграешь.

Мир безнадёжно похож на мираж,
В нём так легко заблудиться.
Станет судьбой чья-то старая блажь,
Родина — за границей.
Честь не спасти, да и жизнь не спасёшь,
Нас выбирает случай.
Бросят тапёру ломаный грош —
Он полечку отчебучит!

Жизнь развивается как-то не так
И не сулит веселья.
Будь то любовь или кабак —
Кончится всё похмельем.
Сквозь паутину похмельной мути,
В салат уронив лицо, —
«Ах, господа! Все мы — бывшие люди!» —
Услышишь в конце концов...

ВТОРОЙ РОМАНС АМЕТИСТОВА

Ни блеска, ни лоска,
Ни сна, ни рассвета,
Ни выпить, ни сесть, ни присесть.
«Пардоньте, мерсите!»,
Блондинки, брюнетки —
Да не на ком душу отвести.
Швей-мотористки,
Кокотки-модистки —
За что мне такая родня?!
Ах, оставьте, хотя бы на время
Оставьте меня!

Там, за ночными окнами,
Месяц, как нож, кривой.
Я вам не шут гороховый,
Я вам субъект живой!
Расправлю лицо, улыбку сотру,
Услышу, как листья шуршат на ветру,
Как фонари качаются...
Как что-то где-то случается
Ночною порой...
Увы — не со мной.

Ах, бросить бы карты
Рубашками книзу,
Козырную масть заказать,

И дать, кому надо,
И, выправив визу,
Куда — хоть куда! — умотать.
Гори он хоть белым,
Гори он хоть красным,
Родимый российский притон!
Пусть и там я не буду обласкан —
Свободен зато.

Там, над чужими крышами,
Как чаша, луна полна.
Не до конца я выжатый,
Выпитый не до дна!
Расправлю лицо, морщины сотру,
Услышу, как листья шуршат на ветру,
Как фонари качаются...
Такое под ними случается
Ночную порой...
Увы — не со мной.
Не со мной.
Увы.

РОМАНС АЛЛЫ ВАДИМОВНЫ

Ах, нет, я не буду, не буду
Ловить отраженье в стекле!
Моё белокрылое чудо,
Мой ангел живёт на земле.
Я крикну — он тотчас ответит,
Заплачу — и он прилетит.
И лёгкий, и быстрый, как ветер,
Уже он, должно быть, в пути.

Войдёт он — объятья раскроет
И чувства не станет беречь.
И мы с ним поминки устроим

По дням ожидания встреч.
Часы полетят, словно санки
По белому склону зимой...
Ну что же ты медлишь, мой ангел,
Единственный ангел земной?

Ну что же ты медлишь, о Боже!
Ну что ж не приходишь ко мне?
А может быть, нет тебя больше
На этой безумной земле?
Ты где-то кружишь надо мною...
Тебя — ни понять, ни обнять.
Должно быть, ночью порою
Опасно по небу летать...

Довольно. Не буду, не буду
О вечной любви на земле.
Склоняет к холодному блюду
Меня отражение в стекле.

КУПЛЕТЫ ЗОЙКИ И ОБОЛЪЯНИНОВА

Куда ни глянь — и тут и там
Хам водит дурака.
Страна — арена, балаган!
Хам водит дурака.
Дурак в дурацком колпаке,
А хам — без колпака.
Из года в год, рука к руке
Хам водит дурака.

Куда ни кинь — и тут и там
Бал правят подлецы.
Туда пятак, сюда пятак —
Всё те же подлецы.
Мздоимец по лицу — простак,

Да подлая душа.
Туда — пятак, сюда — пятак,
И вот уж ни гроша.

Куда свой взгляд ни положи —
Все требуют одно.
Ты в дверь им кукиш покажи —
Они спешат в окно.
Зайди с бубей, зайди с червей,
Монетой придави...
Все подлецы — одних кровей,
Как ты их ни зови.

ПРИТЧА О ВЕЛИКОМ АЛХИМИКЕ

За много веков до строительства БАМа,
До видеофильмов с Делоном Аленом
Господь наш из глины схимичил Адама
И первым алхимиком стал во Вселенной.
А из сэкономленного сырья
Томную Еву сваял.

Но, видимо, дрогнула где-то рука
Иль глина была нехорошей, —
Адам стал в Эдеме валять дурака,
И ангелам сделалось тошно.
То он райской птице крыло оборвёт,
Хлебнув дармового нектара,
То с дерева запретного плод украдёт,
То Бога ругнёт под гитару.
Господь поглядел, бороною тряхнул —
И вниз человеков спихнул.

С тех пор поменяли свой цвет небеса,
Века потонули в болоте.
Мы хлеб добываем свой в поте лица,
А хочется — чтобы не в поте.

И как-то один пожиратель молитв,
Нуждой, как подушкой, придушен,
Отчаявшись, Господа начал молить,
Хоть тот его мог и не слушать:
«Господь, — говорил, — научи хитреца,
Как золото лить из свинца?»

Господь посмеялся. Потом помолчал.
Раздумывал долго о чём-то.
И бороду дёрнул. И в Божьих очах
Запрыгал отчаянный чёртик.
И он человеку сказал: «Научу!
А после — похохочу».

Истории этой не будет конца,
Хоть новый уж век у порога.
Хитрец своё золото льёт из свинца —
Свинца человеческих пороков.
Сто раз небеса поменяли свой цвет,
Пророков сменили пророки.
Чем больше чеканит алхимик монет,
Тем в людях прочнее пороки.
Господь посмеялся, а нам до конца
Носить в себе тяжесть свинца.

Э. ЩЕДРИН, Ю. КАМЕНЕЦКИЙ.
«ДО САМОЙ СМЕРТИ...»

***

Мы ценим одиночество момента
и, кушая, не пачкаем манжет.
Но жизнь, как будто Мёбиуса лента,
нам то и дело путает сюжет.

На Бога ли, на классика надейся,
а у людей всё — так, как у людей:

не совместимы гений и злодейство,
но гением рождается злодей.

Любовь бежит измены, как отсрочки,
но от любви едва ли убежишь.
Куда б ни шёл — к одной приходишь точке,
поскольку лентой Мёбиуса жизнь.

Вот зелен лист, хоть осень на исходе,
зато весной желтеет без причин.
Вот женщина стремительно уходит,
уходом никого не огорчив.

Её уже никто не остановит.
Её уже как будто бы и нет.
Но поворот сюжета наготове,
и вот опять ломается сюжет.

Поверить ли, что новой страстью мучась,
мы будем жить, не опуская глаз?
Поверить ли, что ждёт иная участь
того, кто промахнулся в первый раз?

Вострим ли лыжи, смазываем санки,
как ни спеши, вернёшься к одному:
зелёный лист, желтеющий с изнанки,
и женщина, спешащая во тьму.

Мы всё же доберёмся до финала,
передохнём и пот сотрём с лица.
Вот он, финал... Но мышка пробежала —
и сказка начинается сначала
и будет продолжаться без конца.

М. БУЛГАКОВ. «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»
ПЕСНЯ ШАРИКА

Двуногие лишь тем и хороши,
что две ноги у них, а не четыре.
И много шкур. И на ветру не стынет
холёное вместилище души.

Их не ошпарит повар кипятком,
вороны, как над падалью, не кружат.
Их ждёт в просторном доме сытный ужин —
сидеть рядком и говорить ладком.

Двуногие уж тем нехороши,
что нет им дела до четвероногих.
Не различая сырых и убогих,
они спешат укрыться в шалаши.

Там на столах сверкает серебро,
ни холода, ни голода в помине.
И мы на брюхе ползаем пред ними,
надеясь на случайное добро.

Разомкнуты, не сходятся круги.
Собачья жизнь — не от хорошей жизни.
Сломать судьбу: покрепче зубы стиснуть —
и выйти в люди, встав на две ноги.

Но лишь одно сражает наповал:
как я в глаза взгляну, не подавая знака,
тем, перед кем я, будучи собакой,
на брюхе ёрзал и хвостом вилял?

ЧАСТУШКИ ШАРИКОВА

— Месяц склизкий,
темна ночь.
Снимешь сам клифт свой
или помочь?

— Ах ты да ох ты,
цена — пятак!
Кабы не сдох ты,
дала б тебе так!

— А наш-то Ивашка
в чужое обут.
Взяли в каталажку,
хором гребут.

— Вот те бражка,
вот те раз!
Был Ивашка,
стал — ...

— Курочка квохчет,
зёрен не клюет:
«Сам не топчет,
другим не даёт!»

— Вот тебе, кочет,
ку-ка-ре-ку!
Сам не хочет —
ступай к индюку.

— Ты мне верный,
а я не держу.
Больно ты нервный,
как я погляжу!

— Козыри крести,
заходи в бубя!
Нальёшь двести —
спою про тебя!

Ж. Б. МОЛЬЕР. «ЛЕКАРЬ ПОНЕВОЛЕ» (ФИНАЛ)

***

Простим друзьям обиды, простим коварство жёнам
И роли доиграем до конца.
Ах, как это прекрасно — в партере, на балконе
Найти черты знакомого лица!
Злодействуя и мучась, врачую и калеча,
Пренебрегая именем земным,
Ах, как это прекрасно — их видеть каждый вечер
И каждый вечер поклоняться им!

Наш благодарный зритель, наш критик беспощадный,
Что нам сегодня приготовит он,
Когда финал наступит комедии площадной
И мы устало выйдем на поклон?
Гвоздики в целлофане, хрустящем аппетитно,
Аплодисментов терпкое вино
Иль взгляды с укоризной, безмолвные, как титры
Прокрученного старого кино,
Забытого и скучного кино?

Наш драгоценный зритель! Наш завсегда милый!
Не торопись рассерженно уйти.
Мы сняжки и шишки замажем свежим мелом,
Передохнём, чтоб на помост взойти.
Чтобы по новой на помост взойти.

Юрий Попов. Особняк

СТИХИ ПО СЛУЧАЮ

Четырнадцать лет с нами жило замечательное существо: большая трёхцветная кошка Машка. Она была прекрасным собеседником, настоящим членом семьи. Когда мы куда-то уезжали надолго, просили наших знакомых и друзей пожить у нас. Маша очень недоверчиво относилась к чужим, порой терроризировала их — так, что приходилось прибегать к помощи веника. Однажды, когда после особенно длинной (по версии Маши) отлучки мы вернулись, она повела себя так, как ведут себя дети, когда из семьи уходит папа. Она стала мурлыкать от одного только взгляда в её сторону, непрерывно разговаривала с нами, как будто хотела сказать: «Я буду себя примерно вести, только не уезжайте больше!»

После того как у Маши обнаружили онкологию, она прожила ещё почти полгода и умерла тогда, когда уже ничего другого не оставалось...

НАЗИДАНИЕ КОШКЕ МАШКЕ В ТО ВРЕМЯ, КАК МЫ НАХОДИЛИСЬ В ТУРЦИИ, А ОНА, БУДУЧИ ДОМА, КУСАЛА ЕЛЕНУ ГУСЕВУ

Турецкие кошки, Маша, не то что наши:
и тело у них — не тело, и шерсти — клоч.
Живут где попало. Едят такое, что, Маша,
твой организм никогда б усвоить не смог.

Зато как изящны, Маша! Зато как томны!
Сколько свободы в движеньях хвостов и лап!
Так, как будто бы весь этот мир картонный
для них одних специально создал Аллах!

Они, снисходя, позволяют себя погладить.
Они говорят нам (кошачий язык един):
«Вы б лучше пожрать догадались чего наладить!
Мы хоть и изящны, но иногда едим».

Такое вот, Маша, дело — чужое тело.
Ты по сравнению с ними так велика,
что, захоти сравняться, не похудела б.
Не получилось бы. Не смогла бы никак.

Но это неважно. Что нужно от кошки людям,
пускай мала она или пусть велика?
«Мур-мур!» — и ладно. И мы тебя, Маша, любим
за то, что ты говоришь на всех языках.

Вот так-то, Маша.
Но мысль я продолжу далее.
Если ты будешь кусать наших гостей,
мы отправим тебя самолётом «КрасЭйр» в Анталию,
чтобы знала ты: мир состоит из разных частей.

Я много лет посвятил экономической и бизнес-журналистике — и та и другая идут рука об руку с политикой. Так что политической аналитикой я тоже занимался. Был непродолжительный период, когда я ежемесячно писал аналитические отчёты и прогнозы для руководителя одной довольно крупной красноярской компании. Как многие мои коллеги по журналистскому цеху, не раз работал на выборах, научился спокойно относиться к факту продажи ремесленнических своих способностей (работа копирайтером на выборах не имеет отношения к журналистике, это — ремесленничество). При этом политику я не люблю, хотя в среде политиков есть симпатичные мне персоны. Например, с бывшим губернатором края, ныне депутатом Госдумы Валерием Михайловичем Зубовым у нас самые тёплые отношения.

И всё же чем дальше, тем меньше обстоятельств связывает меня с политикой. Поэтому мой цинизм, с которым я отношусь к разным важным персонам, вполне оцениваю как здравый: я — не ангажирован. Я просто, как все, хочу жить хорошо и не люблю, когда мне врут и когда надо мной и близкими надругаются.

УДВОЕНИЮ ВВП ПОСВЯЩАЕТСЯ

Как футбольный мячик — футболиста,
как охотник — белых лебедей,
как израильтянин — террориста,
я боюсь
невыпивших людей.

Если у тебя больная печень
и от рюмки хочется блевать —
почему же печень ты не лечишь,
чтоб потом, как люди, выпивать?!

Если ты — не нашего покроя
и тебя от нашего мутит —
пей своё! Или умри героем!
Но не порти людям аппетит.

Лица их пугающе несмяты,
речи возмутительно ясны.
Нет, они не местные ребята!
Нет, они — не из моей страны!

Я не знаю, чьи они шпионы,
но меня пугает прецедент:
человек, с утра не похмельённый, —
вот уже российский президент!

Каждый брокер, каждый маклер знает,
знает и букмекер, и студент,
что страна в инфляцию сползает,
если правит трезвый президент.

У него какая физкультура:
В тире олигархов пострелять.
Кто же он — араб он или турок,
чтоб страной без рюмки управлять?

Пусть ему традиция — докука,
сквозь туман какой там путь блестит:
или подсидит какая сука,
или трансвестит его сместит.

Не поднять поверженное знамя,
не вернуть одержанных побед.
Что же будет с Родиной и с нами?
Дай ответа!..
Не даёт ответ.

Не даёт...
Но сущее — лукаво.
От народа близкого вдали
президент на завтрак пьёт какао,
запивая водкой «Журавли».

17 августа 2007

«Белая перчатка» — это посвящено первому митингу на Болотной. Если помните, оппозиция избрала своим символом белую ленту — премьер (тогда) Путин окрестил её контрацептивом. Странники Путина в качестве альтернативы выбрали белую перчатку. Самое удивительное, что незадолго до этого мне действительно снился Путин — он стоял передо мной примерно таким, как на портрете в кабинете моего друга, политолога Сергея Комарицына: в распахнутой рубашке, молодой, улыбающийся. Только передо мной он предстал ещё почему-то в старом, пузырящемся на коленях трико советского образца.

БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА

Вновь Россия на распутье.
Кто ведёт? Идти куда?
Мне сегодня снился Путин.
Что же это, господа?

Я стоял с премьером рядом.
Я смотрел в его глаза.
Он меня потрогал взглядом,
сдвинул брови и сказал:

— Всё пожал я, что посеял.
Всё я выжал из страны.
Я люблю свою Россию
больше собственной жены.

Мы идём, за нами сила.
Наше время. Наша власть.
Все — «Единая Россия»,
негде «Яблоку» упасть.

Мы для всех — оплот оплотов!..
Но влетается мотив:
кто-то ходит по Болотной,
нацепив контрацептив.

Кто ведущий? Кем ведомы?
Чьей оплачено ценой?
Развеваются гондоны,
словно флаги над страной.

Значит, я не там посеял?
Значит, я пожал не тут?
Все — «Единая Россия»,
чи ж там «яблоки» растут?

Если так — гашу лампаду.
Стану жизнь свою менять.
Не меня России надо,
миру надо — не меня.

Ухожу. Садись на должность.
Хватит песенки черкать.
Не политик, а художник
должен миром помыкать.

Власть возьмёшь пока презентом —
это наш с тобой интим.
В марте станешь президентом —
будет полный легитим».

Он закончил.
Я б возглавил,
дурака б не стал валять.
Стал бы я, как Вацлав Гавел,
и творить, и управлять.

Всех оппозиционеров
посадил бы на посты.
Я б Навального — в премьеры!
Я бы Чурова — в Кресты!

Я бы бизнесу — свободу!
Я б коррупцию согнул!..

Только вот в мои ли годы
убиваться за страну?

«Может, кто бы помоложе?
Чтобы — сила! Чтобы — стать!
Может, Прохоров поможет
со странною совладать?»

Я стоял с премьером рядом.
Как я думал — так и дал!..
Он меня померил взглядом,
вскинул бровь: «Не ожидал...»

Дальше было непечатно.
Я проснулся.
Ночь дрожит.
Чья-то белая перчатка,
позабытая, лежит...

22 декабря 2011

P.S.

ШЕСТЬ ИНТЕРВЬЮ

Эти тексты, газетные и журнальные, публиковались в разных изданиях и для разных нужд, по различным поводам или просто без всякого повода, как интервью с Виктором Петровичем Астафьевым или Валентином Яковлевичем Курбатовым. Или с бабушкой моей жены Евгенией Михайловной Стрельбицкой, человеком, чья судьба богата самыми неожиданными поворотами. Мне показалось, что и люди, и тексты эти могут вызвать интерес у тех, кто взял в руки эту книгу.

С Виктором Петровичем Астафьевым я встречался несколько раз. Это интервью — самое первое. Потом были другие — пожалуй, самая интересная встреча та, где я вёл публичное интервью с Мастером. Впрочем, интервью это было трудно назвать: я представил Виктора Петровича и попросил его рассказать о его отношениях с двумя заметными поэтами XX века: Николаем Рубцовым и Алексеем Прасоловым. На этом моя миссия ведущего закончилась. Примерно два часа Виктор Петрович говорил не переставая, а мы слушали его на одном дыхании.

Но и та, первая, встреча, отразившаяся в публикации в «Красноярском комсомольце», помнится до сих пор.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ: «ДЛЯ МЕНЯ ОЧЕНЬ ВАЖНО — ПРИКОСНУТЬСЯ К ЗЕМЛЕ»

Немного есть на свете людей, не подверженных или, точнее, не поддающихся суете. Почти не поддающихся. Конечно, нет-нет да и их заденет жизнь своим серым, будничным, ошипанным крылом, качнёт случайным порывом ветра. Но случайный ветер погоды не делает. Неспешно, незаметно для глаза они продолжают делать своё дело — строить ли дома, пахать ли землю. Книги ли писать.

Таков Виктор Астафьев. По наивности или недомыслию хотелось мне во всё время разговора «оторвать» его от земли, «столкнуть» с простых вопросов и тем на какие-то глобальные, общечеловеческие. Стереотип: величина — так и говорить, стало быть, положено о великом!.. Великое бывает и в малом, в самом простом. Достаточно внимательно прочитать-перечитать его книги, чтобы это понять.

О ЗЕМЛЕ

— Живу сейчас ожиданием весны и отдыха. Я очень хорошо себя чувствую, когда переезжаю в деревню, начинаю работать на земле. Ну, это громко сказано — земля. У меня шесть соток, посажен лес. Он так вырос за шестнадцать лет, что я здесь. Некоторые деревья посажены ещё до моего приезда. Уже ель выше дома... Осталось там маленько земли в серединке. Но мне хватает поковыряться. Своя морковка, свёкла, картошка. Там картошки-то полтора ведра садится, но всё свежая. Своё слаще. Крестьянский сын ведь...

Я всегда удивлялся, как тётушки мои покойницы дорожили картош-шоночкой, морковочкой невероятно. Хотя она и стоила тогда копейки.

Если кому-то отдавали — как ценность. Потому что свой труд. Сейчас участков много, дачами их называть, конечно, кощунство. Как к ним ни относиться — люди там работают. Журналисты, металлисты, транспортники, даже начальство маленько работает. Лес, правда, вырубают, жалко. Но выращивают свою морковь, и дети в этом участвуют. Это, быть может, самое ценное, что произошло в последнее время: таким, пусть карикатурным, извращённым способом наши бывшие крестьяне всё же возвращаются к земле, сделав экий крюк. Побросавши землю, деревни, покоптившись в городе. Утративши здоровье, перехоронивши и стариков, и детей. Сейчас уровень жизни русского мужика страшно низкий.

А на участках своих хоть свежим воздухом подышат, от гипотонии избавятся. А главное — научатся понимать, что картошка-морковка эта не на берёзе растёт, а в земле, что за ней ухаживать, поливать её надо.

Для меня это очень важно — прикоснуться к земле. Тем более что и годы такие, когда к весне, видимо, авитаминоз наступает, голова контуженная сильнее болит, выспаться надо. Здесь я плохо сплю, в бетонном доме. А там дом деревянный, и сон налаживается, и успокоение приходит.

О БОЛТОВНЕ

— Что беспокоит больше всего? Ребятишек дотянуть до того возраста, когда они на жизнь смогут спокойно зарабатывать. Но тебя, наверное, интересуют общечеловеческие вопросы? Устал я и слушать о них, и говорить устал. Так и напиши. Нас приучили к этой болтовне, к безудержной болтовне. Партийцы приучили. Они же больше не умели ничего, только болтать. К сожалению, часть нашего народа так и не может от неё отвыкнуть. От болтовни на писательских и прочих съездах меня, например, спасала уединённая работа. Я себе принадлежу. А часть нашего народа без болтовни, как без наркотика, не может. Если не слышит со стороны — сама начинает болтать. Пишут опровержения в газеты, письма... Вот пенсионер пишет про то, как к нему приехал гость, он его повёл в центр города, и ему, пенсионеру, стало стыдно за город. Никто не убирает — мэры, другие. И нигде — слова «мы». Почему так приучен народ: кто-то должен прийти, накормить, напоить, убрать город, убрать на лестнице?

Я был в гостях у одного художника на Предместной площади. Большой дом, загаженный, исписанный подъезд. Я говорю женщине: «Как среди такого хаоса, матерщины на стенах ещё лифт уцелел!» Она отвечает: «Да не уцелел, Виктор Петрович, недавно новый поставили. В старом сначала краску разлили, а потом вовсе сожгли».

Мы слова «культура» употребляем, «этикет»... Мы потеряли право на это.

...Всё недаром. Земля — она не терпит мусора. Или совсем ничего не рождает, или рождает какие-нибудь... кривые морковки. Вот эти наши грязные подъезды — они рожают кривых, изувеченных не только сердечной, духовно-физически изувеченных людей. Плохо выглядит наше «городское» поколение — аллергии всякие, парша.

О ТОМ, КТО ВИНОВАТ

— И всё мы на кого-то жалуемся. Спаивают нас проклятые интервенты, мы не хотим, а они нам насильно льют в горло. До сих пор не можем отказать себе в удовольствии ругнуть лишний раз тех, кто «понаставил» ларьков коммерческих. Однако в почти непьющей Германии, малопьющей Голландии, развратной, разгульной, как мы привыкли думать, Франции — везде на каждом углу стоят киоски. Как и у нас, платят большие налоги. Зато в любое время суток выходи, покупай всё, что нужно. Не хочешь выходить — позвони, на тележке прикатят. Но они ведь почему-то не спилились!

В Германии перед Рождеством, по-моему, проходит молодёжный праздник, я забыл, как он называется. Мы как-то решили с нашей переводчицей куда-нибудь зайти, где можно посидеть. Куда ни сунемся — дымина везде, топот, гулянье до утра, помещения маленькие, большие-то — они дорогие. Мы всё-таки посидели, выпили по рюмочке вина — там рюмочки у них 35 граммов. И я говорю: «Кристина, а я ведь понял, какая разница между русскими и немцами!» Она говорит: «Я, немка, не могу понять, а вы так быстро поняли?» А я, посмотрев на их праздник до утра, понял. Немец пропьёт два шиллинга — изображает из себя вдрызг отчаянного парня, пропойцу, орёт, прыгает, шатается, так ему хочется показать, какой он не скупой, как гуляет. А наш просадит всю получку, три дня дома не ночует, потом доказывает, что у него ни в одном глазу, ничего он не пропивал, а все три дня о семье заботился. Кристина смеётся: «Так, так!»

...Кто-то нас научил, выходит, заматавать мусор под чужую дверь, ноги о чужой коврик вытирать, взрослых материть по телефону детскими голосами, не уступать дорогу «скорой помощи», отвинчивать колёса у машины, потерпевшей аварию, когда люди истекают кровью... И воровать с пожара. Наверное, единственная страна, где воруют с пожара.

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПАДЕНИИ НРАВОВ

— Недавно издана книжка князя Щербатова «О повреждении нравов в России». Вместе с ней под одной обложкой — впервые полное «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, и то и другое — факсимильно. Наша советская цензура считала, видимо, Радищева недостаточно революционным, позволявшим себе какие-то вещи, которые надо было вычёркивать.

Так вот, о Щербатове. Книжка написана двести лет назад. Изумительный, кстати, язык. Она не случайно долго к нам шла. Мы всё время хотим выглядеть получше. И русскую литературу к этому приучили. Нет такой литературы, кроме русской, которая бы так заискивала перед своим народом. И есть причина тому. Все барчуки, все дворяне, все богатые люди, которые плодили писателей, все они чувствовали себя виноватыми перед народом. Они не могли себе позволить по отношению к нему каких-то выпадов.

Открытую неприязнь к своему народу я впервые увидел в Германии. Итальянцы, французы, американцы — они в основном иронизируют. Это первый признак народа раскованного. Уж как итальянцы любят над собой поиздеваться! У нас бы Феллини просто не был возможен. В советское время, при советской цензуре — тем более. Сразу: «На чью мельницу воду льёшь?»

...Мы так веками жили, всё время стараясь выглядеть получше. Бунина хвалили, но стоило ему написать свою беспощаднейшую «Деревню», как на него напустилась вся демократическая общественность. Та же демократическая общественность громила Лескова, который писал правду про русский народ. А уж в советское время боже тебя упаси написать о том, что русский человек оправился в лифте. Это не он, это буржуи нам в лифт наложили.

И ещё евреи. Вот за последнее время уехало 500 тысяч евреев. Было их полтора миллиона. Оставшийся миллион нам жить спокойно не даёт. Я в последнее время к ним всё с большим уважением отношусь. За то, что этот маленький народ в этой антисемитской стране, в этой орде антисемитской не только сохранился — он не даёт себя унизить.

О «КРАСНОЯРСКОЙ ГАЗЕТЕ»

— Я очень долго не отвечал на выпады этой газетёнки и этого деятеля. Его апломб совершенно не соответствует способностям, талантам. Никаких там особых талантов нет. Надо было очень много работать над

собой, чтобы себя как-то преобразовать. Но есть другие пути — он ими воспользовался.

Молчал я по двум причинам. Я считал и считаю, что с коммунистами никто так успешно не боролся, как они сами с собой. Газетёнка эта в том виде, в каком она существует, с её уровнем публикаций наносит им больше вреда, чем пользы. Я был и остаюсь антикоммунистом. И если уж они связались с таким примитивным, убогим изданием — их воля.

Вторая причина — главная. Когда у меня умерла дочь в Вологде, я брал его с собой в помощники. Он помогал при перевозке, на похоронах. Тень покойной дочери, её дух не давали мне опуститься, отвечать ему так же. Но такое слово, как благородство, для него давно потеряло значение...

Ещё элементарный рефлекс работал: от дерьма подальше — не воняет. Но так стала себя вести вся интеллигенция. А он стал ещё развязнее, обзывать уже начал. Нет таких порядочных людей в Красноярске, которых бы он не оскорбил. В последнее время он решил, что всех он запугал, все боятся, как бы и правда не перевешали. Извините, но я и немец с автоматами видел, всё-таки трижды ранен на фронте, доживаю свою какую-то жизнь, ничем, кстати, не запятнанную: ни тюрьмой, ни алкоголем, ни другим, что они за меня сочиняют. Меня уж очень стало угнетать молчание интеллигенции. Но, слава богу, ошибся. Интеллигенция поднялась, надрала ему уши, как мальчику напраказившему, поставила в угол — этого пока с него достаточно.

Мне советовали в суд на него подавать — не хватало мне судиться. Он и так прославится на века. Я Богу душу отдам, буду в Овсянке покоиться, а на его детей и внуков будут показывать пальцами: «Вот дети и внуки того, кто травил Астафьева».

Это конфликт не двух личностей. Хотя ему очень хочется свести всё к какой-то вражде.

О СВОБОДЕ И РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ

— Пришли мы к свободе, а воспользоваться ею не сумели. Не готовы мы жить свободно, маленькая часть только готова. Обходиться тем, что она зарабатывает. Как говорил герой Диккенса Маккобер в «Дэвиде Копперфилде», пропивший всё, включая наследство мальчика, которого он опекал: «Не повторяй моих ошибок. Не расходуй больше того, что у тебя есть». А мы всё время пытаемся сделать именно это. Нам всё кажется, что у нас бесконечные недра, бескрайние леса.

Японцы дробят камень в песок, добавляют удобрений и на этой смеси выращивают цветы и прочее. Так плохо с землёй. Я однажды и скажи им, дурачок: «Вам бы наши просторы, нашу землю!» У японца глаза ещё уже стали, он засмеялся и говорит: «Были бы такие зе ленивые, как вы!»

О ТОМ, ЧТО ДЕЛАТЬ

— Вижу я спасение в том только, чтобы научиться за собой собственное дерьмо убирать. Как это в Америке: вывел собачку погулять — в кармане бумажка припасена. Собачка сходила — он тут же в газетку и забирает. Потому что иначе штраф 500 долларов. В Германии, Чехословакии на дороги выходят косули, никого не боятся. У нас что-то в лесу зашевелилось — тут же завалят. В Чехословакии за убитую косулю браконьер должен был заплатить месячный оклад. А мы всё уговариваем...

Валентин Яковлевич Курбатов произвёл на меня яркое впечатление своей старомодной интеллигентностью, неторопливостью, взвешенностью суждений и их точностью. Он из тех людей, которыми откровенно любишься и которым по-хорошему завидуешь. Ибо сам так не можешь.

ЭТО ТОЛЬКО НЕБО ДЕРЖАТ АТЛАНТЫ, А ЗЕМЛЮ — ЛЮДИ

Разговор с Валентином Курбатовым состоялся, когда он приезжал погостить к Виктору Астафьеву. Курбатов, Астафьев и художник Тойво Ряннель собрались тогда за одним столом в художественной мастерской Валерия Кудринского. Там и удалось побеседовать с одним из виднейших критиков, автором множества статей и нескольких книг о творчестве российских писателей.

— Валентин Яковлевич, помнится, в прежние времена была такая расхожая рубрика в средствах массовой информации: «Писатель и время». Каждый, наверное, под этим понимал что-то своё — хотя много ли тут возможно толкований? Сегодня над писателем никто сверху не стоит, никто не диктует ему, насколько надо соответствовать времени. Как эта формула изменилась сегодня?

— К сожалению, умерло издательство, которое выпускало сборники серии «Писатель и время». Теперь оно называется «Современный писатель», хотя современного в его продукции мало. Между тем именно сегодня имели бы смысл эти сборники. Раньше мы притворялись, что мы такие вот преображающиеся, меняющиеся всё время, на самом деле книжка на книжку походили. Сегодня же художник действительно поставлен в зависимость от времени.

К сожалению, многие художники старой школы не смогли выдержать это испытание, оказались не готовы к этому чудовищному обновлению. Даже Виктор Петрович не всегда попадает в створ времени. Я уж не говорю о Василии Ивановиче Белове, чьё творчество осталось (по мнению в том числе Астафьева) на прежнем уровне.

От души рад, что Валентин Григорьевич Распутин, перемолчав, перемучавшись, вляпавшись во всё, во что только можно, наконец вернулся к творчеству. Написал несколько рассказов, которые были как бы разминкой, прикидкой, выпытыванием у жизни, когда ещё коснеющая рука начинает расписываться только. И вот недавно я прочёл в рукописи его

сорокастраничный рассказ — грешный человек, выпустил из памяти название, да и каково оно ещё будет в окончательном варианте... Правильнее всего назвать это возвращением в литературу, причём на уровне, достойном «Прощания с Матёрой» и других лучших его вещей.

Литература наша сегодня тонка, изысканна, мы не отстали, а опережаем Европу по всем позициям. Но очень редко, читая, испытываешь то мучительное потрясение, когда, внезапно похолодев, говоришь: «Вот оно!» У Валентина Григорьевича в этом рассказе есть чувство смятенного ужаса.

— Где это будет?

— Очевидно, в «Нашем современнике». Журнал этот умнее и тоньше самого себя. Сегодня нет уже устойчиво правых, устойчиво левых журналов. Все они печатают разные вещи, все делают поворот от политики и начинают постепенно выходить на общелитературные темы.

— Недавно прочёл очередной список претендентов на премию Букера — и с ужасом обнаружил, что больше половины имён просто не знаю, впервые слышу. Хотя, кажется, по мере возможности слежу за литературой, читаю. Может быть, редко читаю толстые журналы, но стараюсь хотя бы отдельные издания новые как-то отслеживать. Проще всего следить за поэзией. Но и относительно поэзии, и относительно прозы новой не покидает ощущение, что зачастую это не столько литература, сколько игра в неё. Умная, изощрённая, но игра.

— Наверное. Предпоследнюю Пушкинскую премию (не нашу, учреждённую президентом, а ту, что вручали немцы) в прошлом году получили Дмитрий Пригов и Тимур Кибиров. Почитав Кибирова, легко убедиться: это не что иное, как паразитирование на прежней реальности. Он пишет родную ему прежде, 50—60-х годов реальность, только с этакой высокомерной брезгливостью переставляя знаки. Закапывание собственного детства, собственной юности... В моём понимании это — соцреализм, вывернутый наизнанку. Он уже не может ничего другого, он в этом и с этим вырос, поэтому ему только и остаётся — переставлять знаки. А немцы дают за этот мстительный поворот награду, и не какую-нибудь — Пушкинскую! Почему, например, не Гётевскую, Гейневскую?..

То же — с Букером. Выдвигается, к примеру, фигура уже почти комическая: Владимир Сорокин. Впервые он сам выдвигал себя на эту премию. Писатель, способный воспроизвести тончайшую набоковскую узорчатую прозу, но следующая страница будет идти чистейшего мата, а третья —

в стиле, например, Анатолия Софронова или Владимира Кочетова... Сумма приёмов, и только. Сам он перед Богом — не есть.

— **Жёсткое прежнее деление на «деревенщиков» и «урбанистов» или по другим каким-то признакам вместе с тем давало определённые плюсы: рождались традиции, звучали собственные, не заёмные, мощные голоса. Сейчас грань стирается — но исчезают и традиции. Литература усредняется. Хорошо ли это?**

— Мы доказали, что можем всё, есть у нас свои Джойсы, Гессе и прочие. Это хорошо. Но отсутствие традиции неизбежно скажется. Я почти наверное могу сказать, что всё равно мы потянемся в сторону традиции. Ещё раз напомню: вернулся в литературу Распутин, продолжает писать — может, уже чуть старомодно — Виктор Петрович. Они и могут служить тем камертоном, от отсутствия которого мы страдаем.

Все мы сейчас научились видеть свою державу сверху, живём на воздушной подушке. А эти люди сохраняют, держат почвенный слой, говорят: «Вы пока побегайте — ничего, мы подержим! Мы, конечно, отстанем, мы бросовый народ, уже почти назём. Но на этом назье вы произрастёте...»

Имя Александра Семёновича Бердникова хорошо знакомо красноярским телевизионным и особенно радиожурналистам — не молодым, конечно, а прежнего поколения, рождённого в 50—60-х годах прошлого столетия. Работая диктором на радио, он вёл авторскую программу на телевидении, записывал в собственном исполнении стихи разных поэтов, щедро давал советы тем, кто начинал работать в эфире.

Он умел не только говорить — умел рассказывать.

КАК РОСТРОПОВИЧ ВРАЧУ ИЛИ ЗАРОВУ КЛИНИКУ СТРОИЛ

Двадцать семь лет перед тобой — микрофон и ты — перед микрофоном.

Двадцать семь лет перед тобой — зритель, слушатель и ты — перед ним.

Двадцать семь лет он тебя видит или хотя бы слышит, а ты его — нет.

И ты перед ним — безоружен, беспомощен, как ребёнок — двадцать семь лет.

Больше четверти века — наверное, это много. Но не только в том дело, что много, что связь у вас, любовь или нелюбовь — односторонняя. В том ещё дело, что ты — не самостоятелен, не волен в своих желаниях, не вправе вмешаться в творческий процесс, как-то повлиять на него. Ты — не автор, не ведущий даже. Ты — «говорящая голова», диктор, передаточный механизм. Механизм, передающий движение авторской мысли слушателю или зрителю. Разве не так?

Или вот ещё вопрос: почти три десятка лет — это ведь практически две разных эпохи, коммунистическая и посткоммунистическая. Чем они отличаются с точки зрения диктора телевидения и радио?

Моего собеседника, диктора краевого радио Александра Бердникова, красноярцы, хочется верить, знают. Это он сообщает по утрам о погоде и о программе передач на день, он читает новости. Его низкий красивый голос внушает доверие и создаёт настроение. К нему с уважением относятся и старые журналисты, и молодые.

— Так чем же, Александр Семёнович, отличаются две эпохи с точки зрения диктора?

— Сейчас работать свободнее, конечно. Но свободой надо ещё научиться пользоваться. Когда тебе и твоёму начальству всё равно, как ты выглядишь в кадре или как говоришь в микрофон, насколько грамотна твоя речь, хороша дикция, — это тоже своего рода свобода. Так ли уж она ценна? Понятно, раньше диктора, перепутавшего звание или регалии важной персоны, могли уволить с работы тут же — выходит, точ-

ными быть заставлял страх. Это как бы плохо. Ну а путать те же регалии или — хуже — фамилии, имена пусть и не очень важных персон — это что, хорошо? Или, может, хорошо, когда у диктора во рту каша, когда не сразу поймёшь, что он говорит?

— **Мне кажется, в наше время сама профессия диктора уходит в прошлое. Есть автор, журналист — он же, как правило, и ведущий.**

— Мы вообще в угоду моде или ещё чему-то легко расстаёмся с нажитым за годы. Объявили: «Дикторы — анахронизм, отработанный продукт! Посадим в кадр журналиста, назовём его комментатором, пусть несёт нам новое...» Но много ли подготовленных журналистов? Пришли молоденькие мальчики, девочки, назвали себя почему-то журналистами — и понесли! Новое...

Ни на одном радио или телеканале я не знаю ни одного комментатора из числа новых имён. Кто такой комментатор? Это Александр Каверзнев, Юрий Фокин, Бовин, Дунаев, покойничек Овсянников, который знал 26 языков... Они могли выйти в эфир и без бумажки рассказать о политических событиях в любой точке Земли, включая Советский Союз. Сейчас таких нет. Те, что есть, — это журналисты, плохо выполняющие дикторскую работу.

Вы можете подумать, что только так я и оцениваю людей — есть дикция или нет... Не так, конечно. И на радио, и на телевидении для меня всё же главное — личность. Я могу не обратить внимания на плохую дикцию, на не очень ладный внешний вид, если человек мне интересен, если то, с чем он ко мне обращается, содержательно и способно заинтриговать. Кстати, радиопрограммы «От первого лица», «Начало» ведут дикторы — и как прекрасно это делают!

У нас с профессией диктора связаны воспоминания о чём-то официальном, пафосном.

— **Ну, как же: Левитан...**

— Да, конечно. Время такое было, когда именно эти качества требовались. Но при этом диктор, как клоун в цирке, должен уметь всё. Я не хочу хвастаться, но подтверждение тому — моя работа. Я могу прочесть стихи, написать и прочесть рассказ, зарисовку, станцевать, спеть...

— **Я знаю, что в своё время вы на краевом телевидении сделали цикл передач-воспоминаний.**

— Четырнадцать передач, назывались они «Вы помните...». О времени, о детстве, о себе.

Когда началась перестройка, мы, как водится, очень резво стали отказываться от прошлого, слишком запросто его обгаживать. И сложилось такое

представление: люди раньше только и думали с утра до ночи о культе личности, о том, большевик отец или не большевик... А у меня сохранилось такое вот воспоминание детства. Как-то на протяжении года мать — истовая коммунистка, — приходя с партийных собраний, постоянно рассказывала отчиму (отец у меня погиб на фронте) о расколе, который произошёл на втором съезде партии. В конце концов он стал над ней издеваться: она приходит с собрания, а он ехидно: «Ну как, не раскололись ещё?»

Не только культ личности был. Была ещё просто жизнь, очень трудная, невероятно трудная. И в то же время радостная. Мы тогда почему-то очень много пели, танцевали. И очень много работали. Вот об этом мне и захотелось тогда рассказать в передаче. О том, какие песни пели, какие танцы танцевали.

Недавно пригласили меня в одну школу на последний классный час. Я засомневался: будет ли им интересно то, что я могу рассказать? Но пошёл. Стал рассказывать, как я оканчивал десять классов, как у нас выпускной бал проходил, какие люди меня окружали... Я рассказывал им часа полтора. В конце концов они пригласили меня на последний звонок. А когда уже спускался к машине, молодой человек из этого класса догнал и попросил разрешения пожать мне руку. Значит, интересно им?

— Из области воспоминаний: как вы стали диктором?

— Я работал в школе-интернате учителем в Кургане, преподавал русский язык, литературу, историю, танцы. Директор попросил позвонить на телевидение, пригласить их снять «Зарницу». Я позвонил и по какому-то наитию вдруг взял и спросил: «А вам дикторы нужны?» Они говорят: «Нужны. А кого вы хотите предложить?» Я говорю: «Себя!» — «А вы кто?» Я говорю: «Саша из Рябкова!» — «Ну давайте, Саша из Рябкова, приезжайте!» Я приехал.

Тогда отбирали не так, как сейчас. Была большая комиссия, человек пятнадцать, даже из обкома профсоюза были — что они, интересно, там делали? Они меня послушали, велели переменить рубаху — я получал всего 80 рублей в школе, поэтому рубаха была не на уровне, — и тем же вечером, а был это понедельник, я уже читал программу передач. И вот там, на телевидении, я проработал в общей сложности четырнадцать с половиной лет. В то время ещё не было видеозаписи, всё — прямой эфир.

Потом приехал в Красноярск, стало на телевидении уже тяжело вату форму держать, что-то вдруг решил, что я уже старый, — ушёл на радио.

— Александр Семёнович, были ли какие-то казусы, накладки в прямом эфире?

— А как же! Телевидение казусами и интересно. Мне кажется, зрители только этого и ждут.

Однажды я уже заканчивал выпуск новостей, мне кричат: «Погоду!» А я вдруг вижу, что у меня её нет. Ну подевалась куда-то! И я решил уйти из кадра. Взял весь выпуск, показал зрителям язык и пошёл. И в мониторе увидел себя. На второй день схлопотал выговор.

Ещё был случай. В студии пел Борис Штоколов. Стоял жуткий мороз. Я был в валенках и в двубортном темно-зелёном пиджаке. А Штоколов, который вдвое выше меня, — во фраке. Он стоял под лампой. И вот он поёт романс «Гори, гори, моя звезда» — и в этот момент звезда, то есть лампа, лопаётся. По всей студии разлетелись мельчайшие осколки. Штоколов чуть-чуть вздрогнул, но камеру, тем не менее, сразу же перевели — и перед зрителями во весь экран оказались мои валенки. Я мог после этого гордиться: после лица Бориса Штоколова вся Курганская область видела мои валенки.

— **Часто ли приходилось встречаться со знаменитостями?**

— Я могу гордиться, что мы с режиссёром Толей Удачным первыми снимали знаменитого потом врача Гавриила Абрамовича Илизарова. Он тогда только начинал, у него в военном госпитале было всего шесть коек. Нам сказали: «Там какой-то врач делает чудеса — поезжайте!» Мы были потрясены увиденным, сняли пятиминутный сюжет. А много позже я вёл прямой репортаж из его кабинета в день присуждения ему Ленинской премии.

Могу гордиться и тем, что видел и даже общался с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, который лежал в клинике у молодого Илизарова. Тогда я узнал, что такое музыкальное братство. Кто только не побывал у нас за это время! Знаменитые певцы, музыканты, композиторы... Запомнился Мстислав Леопольдович Ростропович. И не только тем, что играл в студии со Свердловским оркестром. На субботнике по строительству клиники для Илизарова он первым надел варежки: «Я готов!» — и пошёл класть кирпичи. Я снимал его на этом субботнике.

— **Плётка-то сохранилась?**

— Что вы! Столько лет прошло...

— **Жаль. Потомуки, небось, не поверят.**

С музыковедом Евгением Андреевичем Лозинским нам посчастливилось дружить. Мы не просто приходили на его потрясающие камерные вечера, где он рассказывал нам о мировой музыкальной сокровищнице и показывал настоящие шедевры, — мы бывали у него дома (благо, жили неподалёку друг от друга), однажды были приглашены на день рождения. Однажды — потому что дружба эта была счастливой, но недолгой. Евгений Андреевич умер внезапно, хотя о том, что у него большое сердце, было известно и раньше. Он переволновался за несколько дней до гастрольных концертов Дмитрия Хворостовского, умер на рассвете. Интервью было записано и опубликовано примерно за полтора года до этого.

Лозинский, безусловно, был явлением в красноярской культуре. Его монологи, предваряющие выступления Красноярского симфонического оркестра, сами по себе заслуживали того, чтобы их записывать и хранить. Его любовь к классической музыке (и не только классической — к настоящей музыке) была предельно искренней, он чувствовал музыку так, как дано немногим. Когда он показывал нам редкую видеозапись 40-й симфонии Моцарта в исполнении оркестра под управлением Артуро Тосканини, у него самого на глазах блеснули слёзы. Чуть больше, чем за две недели до своей смерти, в 20-х числах июня, он позвонил нам и сказал: «Ребята, несмотря на каникулы, давайте опять соберёмся: я раскопал такую запись «Золушки» — вы обалдеете!» Мы пришли — и обалдели.

ЕСЛИ ЛЮДЯМ ПОКАЗЫВАТЬ СКЕЛЕТ, ОНИ РАЗБЕГУТСЯ

Осмелюсь думать, что среди красноярских меломанов нет тех, кто не знает Евгения Лозинского. На протяжении многих лет не обходился без него ни один концерт Красноярского симфонического оркестра, где он был ведущим. Знают его и студенты Красноярского университета, которым он рассказывает о мировой музыкальной культуре. В Доме учителя на Кирова по субботам собираются любители классической музыки, чтобы послушать сначала Лозинского, а потом — аудио- или видеозапись того произведения, исполнителя, композитора, которого он в этот вечер представляет. Наверное, в Красноярске (может, не только в Красноярске) трудно найти человека, который сделал бы это лучше.

— Евгений Андреевич, легко ли сегодня быть музыковедом? Есть ли уверенность в том, что ваше дело не только правое, но и нужное?

— Давайте сразу уточним. Я не люблю, когда меня называют музыковедом. Музыковед в моём понимании — это что-то такое... пишущее

научные работы. Вещь в себе, кабинетный работник. Для меня структура музыки, её генетический анализ имеют значение, но это вторично. Главное — зачем она людям? Моим идеалом стал, когда я о нём прочитал, Иван Иванович Соллертинский, великая личность. Его трудно было называть музыковедом в обычном понимании.

Меня по тому, что я делаю, лучше назвать таким не очень эффективным словом: разъяснитель музыки.

— А если — популяризатор?

— Да нет. Популяризатор — тот, кто стремится сложное сделать простым, простое — примитивным. Я никогда не делаю скидок на отсутствие у человека музыкального образования. Я ищу пути, которые позволили бы дать человеку возможность понять, не унижая его достоинства: дескать, вы ничего не понимаете, но попробуем. Нет. Я глубоко убеждён, что в каждом сидит страстный поклонник хотя бы одного из десятков гигантов мировой музыки.

Попытка помочь каждому найти своего может выглядеть в наше время утопией — это не утопия. Пример — моя работа в университете. Не скажу, что за пятнадцать лет из тысяч студентов, прошедших «через меня», все стали поклонниками музыки. Но процентов 60 — убеждён. Так что, отвечая на первый вопрос, работу свою считаю необходимой. Не считите за высокопарность, но я не говорю «хожу на работу», говорю «хожу на службу». Для меня, воспитанного в коммунистическом обществе, понятие «работа» связано с принуждением. Служение — другое дело.

Приходят студенты на лекции, на улице весна, размаривающая теплынь, им трудно с ходу вникнуть в концепции Бетховена, меня это злит порой. Но я понимаю, им семнадцать лет.. И наступает момент, когда они слушают — слушают, я вижу по их мордулениям! Не кусочки — никаких скидок! — целые произведения. 17-ю сонату, 3-ю симфонию Бетховена... Если бы у меня была скрытая камера, я бы снимал их лица — как они преображаются! Это лица тех же людей, которые только что жевали жвачку и часто и неумело использовали мат.

— Вы говорите — без скидок. Но есть же понятия «молодёжная мода», «молодёжная музыка»...

— Независимо от государственного строя происходит чудовищная вещь: кому-то выгодно, чтобы большая часть молодёжи была тупой. Все эти понятия искусственны. Бог с ним, когда дело касается одежды, хотя мне, человеку с каким-то элементарным художественным вкусом,

кажется, что одежда должна быть просто к лицу. Это я объясняю своей двадцатилетней дочери.

Но это ладно, с музыкой сложнее. Повсюду — лавина чего-то на одну и ту же тему. Музыкой это назвать нельзя, музыка подразумевает хоть какую-то концепцию. Пусть даже она сводится к простому: «Мне хорошо, оттого что на улице солнце». Здесь же нет ничего. Прimitив страшный. Мне обидно за молодых людей. А когда для них открываешь что-то другое, им становится обидно самим за себя.

Третий год у нас форма зачёта такая: студенты пишут работу о своих впечатлениях от какого-то произведения. Мы с женой прочитываем горы работ. Они меня потрясли. Последний год они стали писать о том, что слышали в концерте, на студенческом абонементе. С точки зрения педагогики произведения, которые иногда давал Иван Всеволодович (*И. В. Шпиллер — художественный руководитель и главный дирижёр Красноярского симфонического оркестра. Бывший, увы. — Г. В.*), давать студентам нельзя ни в коем случае. Стравинский, Барток, Шенберг — что вы! Любой председатель методического совета консерватории скажет: «Это антипедагогично!» Что же происходит? Те произведения, которые мы считали для них самыми сложными, оказываются самыми близкими. Мне такие работы писали по поводу концерта Бартока для струнных, ударных и челесты, «Просветлённой ночи» Шенберга, что у меня слёзы выступали.

Может, покажется нескромным, но мне на днях исполнится 61 год, уже не до скромности. Так вот, если бы то, что я делаю, делал хотя бы каждый сотый человек с высшим музыкальным образованием... Пусть не с музыкально-ведческим. Я оканчивал институт искусств по двум специальностям — музыковеда и дирижёра-хоровика. Деятельность дирижёра-хоровика прекратил через 25 лет работы.

— Почему прекратили?

— Сломался. Во времена Хрущёва, в первые годы брежневского правления проводились конкурсы хоровых коллективов. Был смысл готовить программу в двух отделениях, с разножанровой, разностилевой музыкой. У нас был приличный камерный хор на заводе телевизоров, женщины от 22 до 42 лет, 17 человек. Клянусь вам, пели неплохо. Мы сделали часовую программу. Пели Баха, Шуберга, Чайковского, Танеева. И два года бились, чтобы хоть где-нибудь её спеть. Нам сделали одолжение — дали спеть три произведения в гала-концерте в ДК «Комбайностроитель». Один раз собралась пригласить воинская часть, женщины причепурились, пришли

нарядные... Приехал офицер, сказал: назначили учения, концерт отменяется. После этого я ушёл. Мне стыдно было смотреть им в глаза.

— **С кем из великих музыкантов довелось встречаться?**

— В этом отношении я очень счастливый человек. В моей прежней квартире на Можайского перебивали Лазарь Берман, Дмитрий Башкиров, Дмитрий Алексеев, изумительный скрипач Эдуард Грач, виолончелист Валентин Фейгин, обаятельнейший человек Лев Николаевич Власенко — я тоже был у него в Москве, у него квартира в Спасо-Наликовском переулке, мне страшно понравилось название... В новой квартире была пока только Ирина Плотникова.

Мне везло. Как потом я понял, это был в значительной степени способ моего самоутверждения. Оказалось, что эти великие музыканты во время гастролей, будучи в одном отделе концерта свободными, ходили в зал и слушали, что я говорю. Когда они, не сговариваясь, утверждали, что я могу о сложном рассказать так, чтобы это стало доступным, — для меня это равнялось вручению Нобелевской премии. Тогда, лет десять-двенадцать назад, я и почувствовал, что делаю нужное дело.

Я нашёл золотую середину по наитию. Поначалу следовал тому, чему учили: главная партия героического характера сменяется побочной партией, происходит модуляция туда-то... Кому это нужно? Тем, кто занимается скелетом. А если людям всё время выставлять скелеты, они быстро разбегутся. Их не интересует, как всё устроено, их интересует конечный продукт. Мой конечный продукт — сделать, чтобы симфония Брукнера была понятна так же, как полонез Огинского.

— **Как многим, вам наверняка редко теперь приходится бывать в столицах. Как удаётся следить за музыкальными новинками?**

— Очень трудно. Связующим звеном были артисты, которые приезжали к нам на гастроли. Приедет Коля Луганский — что-то расскажет, Ира Плотникова, Леночка Кузнецова... Иван Всеволодович ездил в Москву, тоже привозил что-то. Так держался. А на поездку денег, конечно, нет. Университет — пожалуйста, отправляет в командировку. Только поездом и с такими «шуточными», что хорошо бы иметь своих пару миллионов. А у меня их, представьте, нет.

Убеждён, что мы сегодня живём намного лучше, чем раньше: раньше я бы не смог покупать такое большое количество кассет, прочего. Но перекос в ценах на транспорт... Самое чудовищное явление времени — то, что мы не можем повидать своих близких. Не должен билет туда-обратно стоить две зарплаты.

— **Всё же какие-то другие музыкальные жанры почитаете?**

— Очень люблю джаз. Понимаете, я люблю МУЗЫКУ. Музыка для меня — это, как говорил академик Асафьев, три составляющих: композитор, исполнитель, слушатель. Исполнителем может быть и сам композитор, как в джазе, но в любом случае — мастер. Если так, то я в его власти.

И эстраду я настоящую люблю. Млею от Эдит Пиаф, обожаю многие песни Шарля Азнавура — то, где есть настоящее. В нашей эстраде сейчас не вижу ни одной личности, кроме Елены Камбуровой. Раньше были — Шульженко, например. Это не ностальгия, это констатация факта. Будут ещё, наверное.

Электронику не воспринимаю. Мне никто не смог вразумительно ответить, что такое рок. Когда появились «Битлз», они пленили сначала исполнением аранжированных старинных английских баллад. Ранние «Битлз» — моя любовь. То, что делают сейчас оставшиеся в живых, меня трогает за левую пятку, это коммерческая музыка. Профессионально, эффектно, но это попса.

Рок как проявление бешенства, агрессивного начала в человеке отрицая полностью. Музыка должна будить доброе, а не низменное. Назначение музыки — духовное очищение.

— **Литературы, видимо, тоже. Но в литературе сейчас развиваются странные процессы: за некую новую эстетику выдаётся то, что лежит за гранью любой эстетики. Примеров можно привести много. Есть ли аналогии в музыке?**

— Появилась тенденция создания музыки саморазрушения. Пример — столь чтимый сейчас во всём мире Альфред Шнитке. Его называют гением, я с этим не могу согласиться, у меня свои критерии. Но дело не в этом. Его произведения мастерски сделаны, он может в музыке всё. Но он перестал хотеть писать о добре. Я понимаю, он был очень обижен режимом, при советской власти он был запрещён, прорывался только в музыке к мультфильмам. Как крупнейший композитор, он родился на Западе. Его изумительное по мастерству Конcerto grosso № 3: слушаешь — и к концу произведения появляется мысль: «Господи, а зачем я живу? Не оборвать ли всё это к чёртовой матери?» Раздавленным себя чувствуешь. И я, восхищаясь мастерством композитора, не могу понять его эстетической установки — усугублять и без того трагическую жизнь. Это мастерски, но это страшно. У Шостаковича, Чайковского есть трагедийнейшие произведения, напереживаешься, страдаешься, но когда кончится — наступает катарсис, очищение. А здесь — безысходность.

Так что кризис есть, и на этом фоне солнце — Свиридов. Прожил 80 лет, и дай Бог, чтобы ещё лет 20 прожил. Я бы ещё отметил изумительную духовную силу не очень, к сожалению, чтимого профессионалами композитора Валерия Гаврилина. Он мне очень близок.

— Профессионалы, как правило, пренебрежительно относятся к дилетантам. Между тем публика на 90 процентов состоит из дилетантов. Как вы к дилетантам относитесь?

— Я процитирую великого французского композитора Мориса Равеля. Рецензируя концерт, когда один знаменитый пианист играл Шопена, он написал следующее: «Музыка для музыкантов... Не для тех, кто имеет диплом о музыкальном образовании, а для тех, у кого при звуках музыки изменяется пульс, сжимается сердце и подступают слёзы».

Сравнительно недавно в ресторане «Хозяин тайги» мы праздновали юбилей Евгении Георгиевны Кузнецовой. Нам с Мариной лет двадцать назад посчастливилось попасть в «титulusный» список друзей этой удивительной женщины. Годы не убавляют уважения к ней — только прибавляют. Сейчас Евгения Георгиевна живёт большей частью в Испании. Но когда бывает в Красноярске — встретиться, как правило, удаётся.

Это интервью было опубликовано в журнале «Миллион», ныне не существующем. Повод — презентация книги «Акулина в бизнесе».

Но говорили мы большей частью всё-таки не о книге, потому я и решил его включить.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПОРЯДОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

Презентацию книги Евгении Кузнецовой «Акулина в бизнесе, или Три жизни...» смело можно отнести к одному из центральных событий апреля. «Театр уж полон, ложи блещут...» — так и было. Пушкинский был полон. Учитывая, что пригласительные раздавались если и не под личным контролем бенефицианта, то всё равно по нужным адресам, тем, кто имеет хотя бы отдалённое отношение к происходящему, такой интерес заслуживает определения «ажитаж». Между тем происходящее на сцене, да и вне сцены — на брифинге перед началом и в фойе во время антракта — не отличалось казённой пафосностью. Душевный, тёплый настрой не смог сбить даже ударившийся в провинциальное жеманство Александр Градский, всё время норовивший назвать Кузнецову «юбиляром» и ни разу не произнесший имени.

Здесь, впрочем, не о книге: об авторе.

ЗАЧЕМ В ИМЕНИ «ЕВГЕНИЯ» ТВЁРДЫЙ ЗНАК?

Евгения Георгиевна Кузнецова из той редкой, почти заповедной уже породы людей, которых с полным правом можно назвать русскими интеллигентами. Не заковычивая и не делая поправок. Не потому, что она любит и знает Пастернака, Ахматову, Гумилёва, читала лекции о Цветаевой, цитирует Бродского, ценит и знает театр. Можно любить высокое — и быть подонком. Один из бандитов, много лет назад предлагавший ей раз в неделю выгонять за заводские ворота грузовик пива без документального оформления, иначе говоря — предлагавший участвовать в воровстве, до этого забегал просто так, поговорить «за литературу». Знание литературы не избавило его от бандитской биографии. Не потому даже она русский интеллигент, что сама написала книгу, как русскому интел-

лигенту и положено. Хотя что ж я: как раз книга и отвечает на вопрос — почему она, «железная леди», «мадам Пикра», «сибирская тигрица» (сначала) и «сибирская легенда» (потом), «акула» или «Акулина капитализма» — такая. Как живёт русский интеллигент? Мучается чужой мукой, страдает чужим страданием, а над своим, скорее, подшучивает. Порой — горько. Так и книга Евгении Кузнецовой «Акулина в бизнесе» написана. Она — горьковато-солончатая. Как слеза. И крепкая и ядрёная, как рассол с похмелья. В ней — то, что называется правдой жизни. В ней — судьба человека, и если сквозь эту книгу, сквозь судьбу одной «Акулины» поглядеть обратно, как в бинокль с обратной стороны, — увидишь много таких судеб, таких «Акулин», которые о себе не написали и о которых не написал никто. Это — история рождения, становления и выживания российского среднего класса. «У нас середина девяностых прошлого века в сознании отложилась так: с одной стороны — бандиты, которые убивают друг друга за государственную собственность, с другой — бедные несчастные пенсионеры, — говорит Евгения Георгиевна. — Но ведь было и другое, и были другие — те, кто просто хотел жить иначе и начинал строить эту — иную — жизнь. Я — из таких».

В предисловии к книге она написала: «Я из тех немногих людей своего поколения, которые не только пережили социализм и дожили до капитализма, но ещё и выжили при нём. Почему мой путь был успешным и сделал меня состоявшейся и состоятельной, однозначного ответа найти не могу. Своей природе я, надеюсь, не изменила. Думаю, меня спасли генетика и Бог».

А на презентации в Театре им. Пушкина книгу назвали «декларацией порядочного человека».

Но сейчас — не о книге: об авторе.

Вообще-то в деловой журналистике не принято писать от первого лица. Но в данном случае я не могу не сделать отступления от этого — верного, конечно — правила. О Кузнецовой могу только от первого лица. Неравнодушие к этой потрясающей женщине — давнее и устойчивое, явное и нескрываемое, отношение к ней — исключительно субъективное. При таком отношении можно только от первого лица.

Во время презентации книги в Театре им. Пушкина как-то само собой внимание обратилось на сценический задник, где воспроизведена была обложка «Акулины...». Толкаю жену в бок: «Смотри, у неё автограф какой: первая буква — вовсе не «Е», а «твёрдый знак» будто!» Не бывает в природе и жизни ничего случайного. Или уж тогда всё — случайность, кому счастливая, кому — наоборот. И «твёрдый знак» вместо первой буквы имени — неслучайная случайность. Выражение

характера, без которого ни бизнес, ни жизнь, такая яркая и убедительная, не состоялись бы. Общее место сегодня — рассказывать о том, как именно пришла Евгения Кузнецова на Красноярский пивзавод и на какой именно завод пришла — с крысами и пьяницами. Такое же общее место — цитировать Джека Траута, восхищённого тем, как не известная миру сибирская «Пикра» на своём поле с разгромным счётом обыграла транснациональных монстров «Коку» и «Пепси», создав собственную «Крейзи-колу», или рассказывать о том, как прилетал в Красноярск униженный топ-менеджер «Пепсико» и, как влюблённый жених, просил президента «Пикры» не покидать его. Общие места... Но в этих «общих местах» — момент сравнения, в том временном отрезке, что их разделяет, — сумасшедшая по напряжению, грандиозная по содержанию и невероятная по ограниченности в сроках работа, принёсшая фантастический результат. Оттого и хочется возвращаться к недавней, новейшей, но всё-таки уже истории края, «Пикры» и её бывшего президента. Без «твёрдого знака» в характере, во всей натуре не смогла бы Кузнецова ни бандитам противостоять (государственным в том числе), ни сопротивление «снизу» преодолеть. Не смогла бы получить первое в крае приватизационное свидетельство.

Историю перерождения, точнее — второго рождения, становления и развития ОАО «Пикра» как бизнеса, построенного по лучшим мировым стандартам, опустим. Об этом написано много. Ещё два слова — о «твёрдом знаке».

Когда три года назад во время очередного приезда Кузнецовой в Красноярск я делал с ней интервью для другого издания, она настоятельно попросила убрать из текста описание предательства со стороны её бывших партнёров: «Не время ещё, потом расскажу...» Рассказать можно было уже и тогда, наверное. Просто уже в то время писалась книга, и хотелось рассказать первой, так я понимаю. От первого лица.

Из книги:

«Последние новости из области «не ждали!». Вчера, в день дурака, старые директора подали Даниилу (*Даниилу Бриману, который сменил Е. Г. Кузнецову на посту президента «Пикры».* — **Г. В.**) заявления об увольнении!!! Они ещё в прошлом году продали акции ВВН! 6 марта они были у меня в гостях, я что-то с ними планировала, а они всё давно оформили и ждали деньги на счета в банке. Ели, пили, правда, не пели в этот раз. Ощущение собственного идиотизма! Крыша едет, как на встрече с первыми ракетирями. Не раз-де-ля-ли, не по-ни-ма-ли, начиная с пер-

вого совещания по названию «Пикра». «Пикры» — нет! Зато тётки с пивзавода теперь миллионерши!

* * *

Я не первый раз слышу о губительности моей доброты и расточительности по отношению к дуракам и сволочам. Они не больше сволочи, чем наши партнёры. Не судите! Лучше пожалейте, с кем и на кого мне пришлось в эти годы работать, и оцените, как мне удалось всё, что удалось при этом. Это моя жизнь. У них своя. И Бог им судья!»

Стоп. А где «твёрдый знак»? Здесь — уж скорее «мягкий». С другой стороны — ведь выжила, пережила — и счастлива. Значит, всё-таки не такой уж мягкий?

Книга — и о предательстве.

Впрочем, мы ведь — об авторе, не о книге.

«ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ...»

Мы сидим с Евгенией Георгиевной за столом в «люксовом» номере гостиницы «Октябрьская». Перед этим я видел её почти три года назад. За это время она если и изменилась, то вот как: глядя на неё, хочется как-то приосаниться, всё то, что давит на плечи пресловутым «житейским грузом», оставить за порогом номера. Жизнь — не груз, она дарована, а не вменена в обязанность. Это очень хорошо ощущается в разговоре.

— Честно говоря, я не ожидала такого интереса к своей «Акулине...». Ажиотаж, который подняли телевизионщики, не соответствует действительности. А действительности соответствует предисловие писателя Евгения Попова. Он написал, что это — книга о шестидесятниках. Я отправляла ему книгу в электронном виде. Мне хотелось знать мнение профессионала. Одно дело — мнение друзей, другое — взгляд профессионала. Я вообще-то человек успеха и не люблю проколов. Он сказал: «Пришли электронный вариант, я между делом покурю, прочитаю...» А через день прислал письмо: «Закончил читать в 6.30 утра». Эта книга — не разоблачительная, как дали в телевизионном интервью и промоматериалах. Там нет ни «жёлтого», ни «жареного». Эта книга — о времени, поколении, о жизни и о себе.

— **И о предательстве?**

— И о предательстве, конечно. Откровенно и честно. Книга субъективна, я сразу предупредила: я — не писатель, я — рассказчик. Тем не менее

это — художественная книга, хоть и написана «по живому». Это книга простого советского инженера, ставшего миллионером. Я считаю, что такие книги больше нужны были, и сейчас нужны больше, чем детективы, где режут, убивают, добываясь главным образом места на кладбище. Мы знаем о деловых людях — о тех, что в Краснокаменске шьют рукавицы, или о тех, что выходят на яхте из устья Темзы. А ведь существует огромный средний класс предпринимателей, к которым и я отношусь. Я — простой советский человек. Как он оказался в этой ситуации, как он жил? Там эпитафией — строки Александра Кушнера: «Времена не выбирают, в них живут...». «Умирают» я убрала. Пусть живут.

В мои времена люди жили по-разному и предприниматели вели себя по-разному. А я вот вела себя так.

— **Когда и как родилась идея книги?**

— Я не умею не работать. Мне же нужно было что-то делать, уйдя из бизнеса. Остановиться на полном ходу и не делать ничего — я так не умею. Это одна сторона дела. Другая — я вообще часто пописывала. В книге очень много писем, дневниковых записей. От этого она кажется совершенно реальной.

— **Это не сведение счётов?**

— Ни боже мой! Никакого сведения счётов в книге нет, ни с кем. Есть желание высказать своё представление о жизни, о бизнесе, о поколении. Книга состоит из трёх жизней: жизнь первая — социализм, жизнь вторая — дикий капитализм и жизнь третья — моя свобода. А сейчас я начинаю четвёртую жизнь. Что это — пока не знаю. У каждого человека жизнь — это не написанная книга. Даже если у тебя в ежедневнике расписано всё от начала до конца, ты всё равно каждый день начинаешь с чистого листа бумаги. Всё может перевернуться нечаянно. Когда-то, сидя в очередном застолье — моё поколение было очень застольным, и об этом я пишу тоже, — мы говорили: деды — революция и Гражданская война, отцы — Отечественная, а с нами ничего не происходит. И вот вдруг произошло, да ещё в самое неподходящее время. Те, кто помоложе, выжили легче. Те, кто постарше, в полной растерянности, поскольку их жизнь определялась не ими. Когда говорят о перестройке, вспоминают бандитов, олигархов и пенсионеров. А где остальные-то? Остальные — это я.

— **Вы сказали, книга — и о шестидесятниках...**

— Да. Они тоже были разными. Я пишу о том, что шестидесятники — это ещё одно «потрёпанное поколение», которому показали кусочек сво-

боды, а потом снова спрятали. После этого они, собираясь на кухне, выпивая и закусывая, чувствовали себя свободными, ничего не делая часто.

— У вас сохранились какие-то отношения с бывшими партнёрами по бизнесу?

— У меня сохранились очень хорошие отношения со всей молодёжью, которую я вырастила. Многие из них сегодня заняли другие, более высокие посты. Во главе завода стоит Елена Александровна Криволапова, которая двадцать лет назад, 13 апреля, девочкой пришла на завод после техникума. Сегодня я ею люблю. Она держит корпоративную культуру «Пикры» на заводе, и меня это очень радует. Бывший технический директор — сейчас директор нового строящегося завода в Новосибирске. Кто-то работает в Санкт-Петербурге. Кто-то остался здесь, и когда я приезжаю в Красноярск, мы собираемся. Из старых акционеров, кроме директора по производству Натальи Поповой, ни с кем отношений не поддерживаю. Они мне не звонят, я им тоже. Нет предмета для разговора.

— Что для вас бизнес вчера и сегодня? Менялось ли как-то со временем содержание этого понятия?

— Если честно говорить, бизнес для меня был интересной игрой на результат. Это довольно азартное занятие. Когда ты, мало что зная, из ничего делаешь что-то заметное, это очень увлекает. Мне именно это было интересно — новая психология, новая философия, отношения... Новая экономика. Было безумно тяжело, всё время приходилось и работать, и учиться. Каждый день! Каждый день ставил такие задачи, которые мне раньше никогда не приходилось решать. В социалистические времена лозунгом было: «Отсутствие сырья — не повод для невыполнения плана!». Я-то — оттуда. И вот — совершенно новые обстоятельства, когда всё зависит от тебя. Как ни трудно — это было интересно.

Сегодня у меня спрашивают: «Не хотите организовать бизнес-школу?» Не хочу. Мне бизнес давался нелегко, я руководствовалась теми знаниями, которые «отхватывала» на ходу. Бизнес-школы создают профессионалы, они это делают красиво. Я с удовольствием слушаю молодых менеджеров. У них другой масштаб работы.

— Если бы сегодня пришлось снова руководить заводом, каких ошибок постарались бы избежать?

— Если бы сегодня снова на завод, всё было бы совсем по-другому. Обо мне говорили, что я железная, злая и невыносимая, — сегодня я, наверное, была бы жестокой. Я бы не тащила за уши непрофессио-

налов к их светлому будущему и большому богатству. Я бы покупала профессионалов. Но мы жили на таком кадровом голоде, что деться было некуда.

— **«Кадровый голод» — наш вечный лейтмотив? Сегодня, кого бы ни спросил, особенно из производственников, — всё то же.**

— Наши потребности в кадрах не соответствуют предложению, уровню подготовки тех, кого предлагает рынок. Система и уровень подготовки бизнес-кадров сегодня всё равно ещё находятся в зачаточном состоянии. Слишком много в наших людях совка. Как сказал Евгений Попов, совок — как вошь, он переживёт даже её, которая в египетских мумиях была найдена. Его слишком много. Его нужно пережить. Но это будет длиться долго.

— **У вас нет опасений, что эта «вошь» в случае смены государственного курса «поможет» нам откатиться на позиции, о которых мы уже забыли?**

— Ответ на ваш вопрос — на экранах наших телевизоров. Когда-то Андрей Караулов спросил у академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «Вы верите в Бога?» Он сказал: «Да, конечно». Караулов спросил: «И в Апокалипсис тоже?» Лихачёв ответил: «А что, разве он ещё не начался?» Этот было лет пятнадцать назад. Я была ошеломлена.

— **В этой связи не возникает желания уехать отсюда совсем?**

— Нет, ни в коем случае! Я часто бываю за границей, подолгу там живу, но ни разу не возникало желания остаться там навсегда. Существует привязанность к тому месту, где ты живёшь. Существуют корни. Мы там всегда чужие люди. У них своя культура, она красивая, на неё очень хорошо смотреть со стороны. В отличие от нас, где лица хмурые, порой злые, — у них все улыбаются. Но лица-то всё равно чужие. У меня в молодости была стычка с одним товарищем из райкома партии, который оказался на наших посиделках случайным человеком. Обозлившись на наши несоветские речи, он сказал: «Убирайтесь все отсюда в Израиль!» Тогда был большой отток в Израиль. Я сказала ему: «Я не хочу в Израиль, я хочу, чтобы здесь было хорошо». Там тоже масса своих проблем. В каждом государстве есть свои проблемы. Но это — их проблемы. А у нас — свои.

— Ходорковскому незадолго до того, как его посадили, все советовали: «Уезжай!» Он говорил: «Хочу жить в нормальной стране. Но здесь».

— Мне не нравится ситуация с Ходорковским. По нескольким причинам. Он не сам себе выписывал отчёты по налоговым проверкам. Привлеките к суду международный аудит, который давал ему заключения о его хозяйственной деятельности. С другой стороны, он наивный человек. Я прочла книгу американского журналиста «Олигархи». До этого как-то не задумывалась — откуда у кого деньги взялись. А тут задумалась. Власть-то Ходорковскому помогала. Он и решил: если она ему помогала — значит, она его отпустит на вольные хлеба? Так не бывает. Она дала — так она и возьмёт по полной.

«ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — ЭТО СЕМЬЯ»

Из книги:

«У меня и сейчас нет свободного времени. Большая часть его планируется исходя из интересов семьи, конечно. Каникулы Маши — это святое. Когда-то ей в 7 лет я подарила Стокгольм с поездкой по знаменитому архипелагу и замечательным музеем Астрид Линдгрэн. Мне самой было любопытно в вагончике проехать по всем её сказкам, а огромную крысу, выглядывающую из-за угла, забыть не могу до сих пор, так же, как двор домика Пеппи Длинный Чулок, где моей Марусе нарисовали на лице роскошную бабочку, и мы с таким лицом пошли в Луна-парк. Она бы и спать с ним легла, если б не поплакала и не размазала всю красоту».

— Вы достигли в предыдущей жизни всего, что было возможно?

— Мне этот вопрос обычно иначе задают: «Добились ли вы всего, о чём мечтали?» В годы дикого капитализма я ни о чём не мечтала. Каждый день надо было решать задачи, мечтать было некогда. Да и после... Я ничего не добивалась, я жила свою жизнь. Ту, которая мне определена генетикой или свыше. И старалась жить не по «понятиям», а по правилам.

— Уехав из Красноярска, вы сначала жили в Москве, теперь переехали в Петербург. Где комфортнее?

— Москву я никогда не любила и не люблю. Но и живя там, я всё-таки жила не совсем в Москве: на Рублёвке. Кстати, к книге Робски настоящая Рублёвка не имеет никакого отношения. Это очередной какой-то вновь найденный стиль, миф, чушь собачья. У меня там остались соседи, с которыми я общаюсь. Конечно, они все живут зажиточно, назовём это

так. Но с мозгами у них всё в порядке. Абсолютно нормальные люди, кто-то работает, кто-то живёт другими интересами. Но их интересы не сведены, как у этой дамы в книге, к бутикам и гламурным девицам.

А Питер — это мой город. У меня сохранились отношения с моими однокурсниками, там есть друзья, с которыми мы дружим — страшно сказать — сорок лет. Друзья, близкие по интеллекту. С возрастом это очень важно. Но самое главное — там дети.

— Чем сегодня наполнена жизнь? Вы по-прежнему ходите в театр, так же читаете книги?

— Конечно! Хожу, читаю. Но читаю не «так же» — совсем по-другому. В последние годы я всё больше читала для получения информации. О чём-то мне говорили новом в литературе, но читать не успевала. Теперь время есть, информация осталась, читаю то, что не могла читать раньше из-за отсутствия времени. Но кое-что так и осталось за пределами внимания: «Голубое сало» Сорокина, например, я так и не смогла прочесть. А вот Пелевина почитала... Первые два года после того, как стала свободной, я училась читать. В своей первой жизни я привыкла получать от чтения какое-то удовольствие, эмоции. Это ко мне вернулось, и это — большое счастье. Я с восторгом прочла «Даниэль Штайн, переводчик» Улицкой. По-моему, это её главная книга. С удовольствием читаю Диму Быкова.

Но самое главное — в третьей жизни я узнала, что такое радость семьи. Кто бы мог подумать: дочь получила сертификат многодетной матери! У неё трое детей. Старшей Маше будет четырнадцать, Маркушке (Марку) уже год, средней девочке семь. Они растут, и я вижу, как они растут. Свою я не видела: работала. Со старшей девочкой мы просто подружки, она меня Женей зовёт. Младшая подрастает. Обе любят Красноярск, для них это — самые светлые воспоминания. Не знаю, что уж они там вспоминают. Но всё время хотят сюда.

— Как поменялись жизненные приоритеты?

— Главное в жизни — семья. Это — абсолют. Сколько ты ей отдашь, столько тебе и вернётся. Если дети тебя воспринимают и у тебя нет с ними конфликта, а есть контакт, — это большое счастье. Я сама этого не имела. С мамой были конфликты всегда. А с моими детьми у нас контакт. Их нужно уважать. Конечно, меня страшно терзает, что моя старшая внучка не любит читать, а если и читает, то только по программе и по-английски. Я её жалею: она многое теряет. Но биться головой о стену и говорить, что

«не буду с тобой дружить», я никогда не стану. Самое главное в семье — уважать взгляды и интересы друг друга.

* * *

На презентации книги я не сумел получить у Евгении Георгиевны автограф. Слишком много было желающих унести с собой не только «Акулину...», но и живую подпись с «твёрдым знаком» вместо буквы «Е». Я знал, что потом буду жалеть об этом, буду, может, даже завидовать тем, у кого автограф есть.

В фойе Театра им. Пушкина звучала авторская песня. Сергей Никитин пел строки Александра Кушнера: «Время — кожа, а не платье. Не завидуй никому».

Да мы ведь и не о книге вовсе: об авторе.

«Судьба играет человеком, а человек играет на трубе». Бабушка моей жены Марины не была человеком публичным, выдающимся. Но, может быть, именно поэтому она — наиболее верное зеркало эпохи, хитро-сплетений времени. Самый надёжный свидетель. Большая удача, что мне пришла в голову идея — записать её рассказ на плёнку и сделать интервью. Бабушки уж нет, а эпоха — вот она.

НЕ НУЖЕН НАМ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ, АВСТРАЛИЯ НАМ НЕ НУЖНА!

Бабушка моей жены, Евгения Михайловна Стрельбицкая, родилась в Китае, в Хайларе. И прожила в Китае до 1955 года. Попадали туда по-разному. Дед её по матери, Иван Верхотуров — георгиевский кавалер, солдат Первой мировой, — в Гражданскую воевал у Колчака, потом ушёл за границу с войском атамана Семёнова. Другой дед, Денис Савватеев, из забайкальских казаков, в 1904-м приехал в Китай на заработки — строить КВЖД. Привёз и двух сыновей с собой. Один из них, Михаил, за год примерно до революционных потрясений в России отправился в Читу, к дяде — военному ветеринару — учиться ветеринарному делу. Там вступил в Забайкальское казачество. А когда отучился, мутная революционная волна докатилась и до Читы. Хоть и был он самой мирной профессии, а поди ж ты — казак, да ещё из Китая. Добрая душа предупредила: «Не сбежишь — убьют!» Сбежал — на почтовых лошадях, в ночь. Через границу — в Китай, к своим.

В Хайларе и встретились Мария Верхотурова, дочка георгиевского кавалера, и Михаил Савватеев. Там и Женя родилась.

Мотало их по Китаю немало. Лет семь прожили в Циндао. Михаил Денисович работал у Мордаховича, который держал большой конский двор. В Циндао Женя ходила в школу, некоторое время провела в приюте — жили трудно, вот и отдала её мать в русский приют. «Да я сама туда хотела, — говорит бабушка, — очень мне там нравилось...» Потом из Циндао пришлось уехать — дела у Мордаховича пошатнулись, работы не стало. Поехали в Чаньчунь — город, где жил император цинской династии Пу И. Тот самый, который в тридцатых годах, когда Маньчжурию оккупировали японцы, был провозглашён императором Маньчжурской империи.

Но и из Чаньчуна вскоре пришлось уехать — скотина у нового хозяина «сгорела» от чумы. Так и кочевали по стране. Однако куда бы ни ездили, где бы ни жили, — не миновать было Харбина. Город русской эмигра-

ции, один из культурнейших её центров, он собирал под своими крышами всех, кто потерял «свою Россию». Или, как Евгения Михайловна, ещё не имел её. О Харбине она рассказывает, пожалуй, больше и охотнее всего. Впрочем, рассказывает много о многом.

— В Чаньчуне был зоопарк, но не обычный, а птичий. Там у входа в клетке сидел попугай. Мы прошли — вдруг попугай как закричит: «Бакайро!» — «дурак» — по-японски. Мы удивились и дальше идём. А он сзади всё надрывается, злобно так, готов из клетки выскочить: «Бакайро! Бакайро!» Надо же, какой невежливый попугай, возмущились мы. А служители нам говорят: «Это не он — вы невежливые. Пока не поздоровайтесь, так и будет орать». Мы вернулись, поздоровались. Он нам в ответ: «Куничева, куничева!» — здравствуйте, значит. И успокоился сразу!

...Когда жили в Цицикаре, я училась не в школе, а на дому у дьякона. У него стояло пианино. Слух у меня был, я «Чижика-пыжика» подбирала — миг один! Он всё говорил мне: «Тебе, Женя, надо в музыкальную школу». И голос был. В двенадцатые праздники дьякон приходил за мной, и я солировала у него в церковном хоре. Там нужен был детский голос. А я, как пойду в церковь, — считала, отдыхаю: небитая...

Дед Иван, мамин отец, выпить любил. А мама не давала. Мне его жалко было. Я ему подарки делала: мелкие деньги, от мороженого сэкономленные, соберу, положу в коробочку, бумажкой оберну — и дарю.

...Не помню, в каком это году и почему, шла через город Гоминьдановская армия. Как дюны подняла — пылища! Там пески и ветра всё время. А армия — на ишаках, на ослах то есть. Один маленький ослик отстал. Мы подобрали: Стоцких Нина — где бы она мне встретилась, её девичья фамилия Зуева, у них часовая мастерская была; Хомейчук Люся, у которой папа работал, они богатые были, но она к нам тянулась; Инна Буянова, по мужу Пономарёва, она сейчас в Сан-Франциско. И выкормили мы этого осла! Кормили по очереди, неделями. Потом катались на нём. Там была площадь, на которой японцы выгуливали лошадей. Они лошадей — а мы своего ишака рядом! Около нас зрителей всегда больше собиралось... Потом Хомейчуки нас стали ругать — ишак корм жрёт. Мы решили его продать. Пошли на базар, продали. И купили велосипед.

...В 35-м году, когда КВЖД продали японцам, оттуда стали многие наши выезжать. Наши дальние родственники, Ларины, тоже поехали. Они были богатые, держали пекарню. У них вагона два только багажа было. Собирались в Союз, к красным — нашли красные рубахи!.. Нам визы выдали позже. Мы с Лариными договорились: они приезжают — и пишут нам письмо, как и что. Они и написали: «Мы живём хорошо,

а дед Ташлыков ещё лучше». А дед Ташлыков-то, мы знали, давно умер... Потом уже, когда мы и сами приехали сюда, пытались найти Лариных — не нашли. И не их одних. Сгинули...

После такой «весточки» о возвращении речи быть не могло. Семья поехала в Чол, отец опять работал ветеринаром, мать в прислугах, дед Иван — по чёрным работам. В Чол приехали и Стрельбицкие. Были они из ссыльных поляков. Отец будущего мужа Евгении Михайловны гонял почтовых лошадей из Борзи в Нерчинск, держал мясной заводик. Жили они богато. Власть поменялась; сестра Ивана Стрельбицкого вышла замуж за красного; белые убили её, не пощадили и малого сына. А самого Ивана красные приговорили к расстрелу. Вместе с одним золотопромышленником бежали они от расстрела. Иван плавать не умел, а через Аргунь надо было переправляться. Сняли кальсоны, надули — переплыли... Потом знакомые какими-то путями переправили в Китай трёхлетнего сына, Гошу.

А ещё много лет спустя, в Чоле, судьбы Гоши — Георгия Стрельбицкого — и Евгении Савватеевой перекрестились. Евгения Михайловна стала Стрельбицкой.

— Жили в Харбине, Гоша работал продавцом в магазине. После войны, как прогнали японцев, нам дали хорошую квартиру, с мебелью. Потом, в 1949 году, началась безработица. Нам опять повезло: Гошу с отцом пригласили восстанавливать шахты в Джалайнор. Дали там казённую квартиру, тоже хорошую. Я, хоть и без образования, работала в маркшейдерском бюро. У меня фактически четыре класса, а мне везде писали семь, хоть я и против была.

Году в 53-м, когда инвентаризацию на шахте проводили после японцев, из Харбина специально приезжал человек возглавить комиссию. Меня назначили чертёжницей — а я не знала, что такое рейсфедер! Правда, в школе ещё когда училась, срисовала с календаря портрет атамана Семёнова и на выставке заработала приз. Мне глобус подарили и зеркало с ящичком — на комод.

Дали мне поручение — вычертить механический цех. Я вычертила. Потом поручили бассейн. Я и его сделала. Директор шахты и главный инженер приехали из Советского Союза. Главный инженер — фамилия его была Скорычев — сказал мне: «Ну, Женя, когда приедешь в Советский Союз (мы-то ещё не знали, что нам разрешат вернуться), ты должна обязательно окончить десять классов!» А потом, пока я ходила на обед,

у меня мухи чертёж съели. Не знаю, как нынешнюю, а прежнюю тушь мухи ели за милую душу! Вот и съели. А что не съели — потоптали, размазали. Чертёж срочный, я думала, чокнусь. Три дня бритвочкой чистила. Скорычев даже не заметил. Зато в спецификации я написала: «Бассэйн» — именно так, с буквой «э»!

Главный инженер мне тогда материала подарил двадцать метров, на два одеяла. Дети были...

Как хорошо мы жили в Джалайноре! На Октябрьские нас приглашали в советское посольство в Маньчжурию. У нас была самодеятельность, ставили и «Весёлую вдову», и «Бедность — не порок», и «Ивана Сусанина». Я играла на гитаре, на балалайке в оркестре, пела. В посольстве нам только колбасы разной копчёной на праздники килограммов по пять давали.

Директор шахты Мачуляк, когда из Китая уезжал, дал нам адреса в Донбассе — он там работал: «Будете в Союзе — приезжайте, помогу!» Мы-то не поехали к нему, у нас родственники были здесь, в Донбасс поехали другие — он всех устроил. Это было в 54-м году. А мы уехали в 55-м. На шахте оставили китайцев и наших специалистов, а остальных разом сократили, без предоставления другого места. Мы поехали в наше посольство в Маньчжурии. Нам сказали: «Ищите работу — дорогу оплатим». Я написала Воронцову, у которого раньше успела поработать в Харбине. Воронцов дал мне работу инкассатора.

Тогда и появились в Китае вербовщики — звали в Австралию, в другие распрекрасные места. И в Союз уже было можно. Стрельбицкие выбрали Союз...

Всех историй не расскажешь. Даже в эмиграции — а может, именно потому, что в эмиграции — патриотическая накачка была сильна. Своеобразная, конечно, накачка. Наряду с русскими народными песнями, наряду с «Боже, царя храни!» пело поколение Евгении Михайловны и песни о Сталине. Был там и свой союз молодёжи с законами, куда более суровыми, чем в Союзе. Например, за несдержанное слово в присутственном месте на год можно было лишиться права считаться членом союза. Такие вот строгости... Когда после, работая уже в Красноярске на заводе химволокна, она услышала, как матерятся женщины, — плакала.

Жизнь в Союзе мало отличалась от жизни других, таких же семей. Сначала они попали в Казахстан, на целину, работали в колхозе. Евгения Михайловна зарабатывала шитьём — не только там, везде и всегда. И сейчас ещё, несмотря на возраст и зрение, нет-нет да кому-то что-то шьёт.

Потом перебрались в Красноярск. Про это тоже есть история, да нет места. Потом было разное. Умерла мать, потом муж, потом отец... Сама бабушка, слава богу, жива, рассказывает нам истории и потчует по воскресеньям пельменями. Новое время, несмотря на не самую большую пенсию, не ругает.

А вот президента¹ в последнее время не одобряет. «Надо, — говорит, — молодых выбирать. Эти старые перечницы ни на что уже не способны...»

---

¹ Когда это интервью писалось, президентом страны был Борис Ельцин.

<i>Савиных М. О.</i> Под надёжным покровом любви	3	«Нет ни тёплого дня, ни перины пуховой...»	60
«И память становится слабой...»	4	Кольбельная	61
<i>От автора</i>	5	Ночное такси	62
Я вновь вспоминаю родные места	7	Романс	63
«Я вновь вспоминаю родные места...»	8	«Долгие провода — лишние слёзы...»	64
Наброски автобиографии	10	«Прощай, Колокольчик, и — многая лета!»	65
«Вы, греки древние! Вы, славные этруски!»	11	«Мой телефон молчит, как сука...»	66
«Как расточительно живём...»	13	«Разбоем пахла ночка...»	67
Чтоб других папанов уберечь от войны...	15	Сонет	68
Горячие многоточия	15	«...И я сказал: «Храни тебя Господь!»	69
Дудочка	18	«Живу я, ногу на ногу закинув...»	69
Серая скотинка	19	«Страницы странные, ветра не вымолив...»	71
Чечня. 1995 г.	20	«Снег падает и тает...»	72
Аборигены планеты Обцага	23	Забытая старая песня	74
А диск кружится	24	«Вот осени холодное отчаянье...»	75
«Мы — аборигены планеты Обцага...»	26	«Белый снег за окном. Метелица...»	76
КАТЭК	27	«Когда бы я знала, что ты уже был у меня...»	78
«Ну, пора. Не поминайте лихом...»	28	Любовь или просто судьба?	80
«Я позвоню тебе. Крутну привычно диск...»	29	«Старую? Пожалуй, старую...»	81
Декларативное	29	Июньский снег	83
«Всё б ничего, да кот на печи...»	31	Останется музыка с нами...	85
«Огороды, огороды...»	32	Сонет	86
«Кривые фонари да в осени погрязшая дорога...»	33	«Приятель-пилигрим! Когда вернёшься...»	87
«Влажный блеск зелёной чешуи...»	34	Романс	88
Дорожное	35	Памяти Булата Окуджавы	89
«У нас на востоке случилась зима...»	36	Памяти Леонида Семакова	91
Тронулся лёд, господа!	37	Осенняя песня	92
Вот так и бывает: притащится поезд зелёный...	39	«Один поэт уехал за границу...»	95
«Вот так и бывает: притащится поезд зелёный...»	42	Памяти Юрия Визбора	96
«Был у меня друг...»	43	Памяти Владимира Ланцберга	99
Про соседа	44	А часики всё тикают и тикают...	101
Грустная песня о весне	45	Не пишется	101
Ходжа Насреддин	46	«Не Дон Кихот, не Муромец Илья...»	104
И стало странно жить...	49	Гитаре	105
Ноябрь	49	14 октября 2011 г. Покров	107
Письмо другу	50	Патетическое	108
Памяти Сергея Гандкина	51	Робинзон	109
«Что б я делал без тебя? Что бы делал?»	52	Тишина	110
«Перевая ручка пишет плохо...»	53	«Осень. Воспаление природы...»	111
Не плачь, мой ангел!	55	«Ну куда же ты, куда же ты, куда же ты?»	112
«Шатаюсь грабителем по ночи рябой...»	56	«Умерла. Отмучилась. Отпела...»	113
Осень	57	Погода	114
Новогоднее	58	Как всё меняется на свете...	117
		«Норштейн похож на Смоктуновского...»	118
		Окраина	119
		Диалектическое	120
		«И — голос! И — в сторону книга...»	121
		«...Но есть простые имена...»	122
		Весенняя песня скворца	123
		«Весенний ветер пахнет молоком...»	127

«И не быть нам когда-то на этой земле...»	128	Второй романс Аметистова	169
«Жить в стране неизвестно какой...»	129	Романс Аллы Вадимовны	170
«Безморозный ноябрь. Гололёд на дорогах...»	130	Куплеты Зойки и Обольянинова	171
Колыбельная в пятиницу	130	Притча о Великом Алхимике	172
Амнезия	132	<i>Э. Шедрин, Ю. Каменецкий.</i>	
«Ничто не предвещает неудач...»	133	<i>«До самой смерти...» .....</i>	173
Письмо никому никуда	134	«Мы ценим одиночество момента...»	173
Я был здесь	137	<i>М. Булгаков. «Собачье сердце» .....</i>	174
Диксон	138	Песня Шарика	175
«На Среднем плохая погода...»	139	Частушки Шарикова	176
На борту автомобиля «Россия»	140	<i>Ж. Б. Мольер. «Лекарь поневоле» (финал) .....</i>	177
«Самолётник наш летит — тужится...»	142	«Простим друзьям обиды, простим измены жёнам...»	177
Игарка	143	Стихи по случаю	179
Поезд. Воспоминание о Ермакове	145	Назидание кошке Машке в то время, как мы находи- лись в Турции, а она, будучи дома, кусала Елену Гусеву	179
Мы были в Киеве	148	Удвоению ВВП посвящается	180
«На кукурузные початки...»	149	Белая перчатка	183
Андреевский спуск	149	Р. С. Шесть интервью	187
Музей архитектуры и быта. Долина мельниц	150	Виктор Астафьев: «Для меня очень важно — прикоснуться к земле»	188
Прощание с Городом	152	Это только небо держат атланты, а Землю — люди	194
Дальний Восток	155	Как Ростропович врачу Илизарову клинику строил	197
...А в небе теплится звезда	157	Если людям показывать скелет, они разбегутся	201
Мария	158	Декларация порядочного человека	207
Сретенье	160	Не нужен нам берег турецкий, Австралия нам не нужна!	217
Рождество. Иосиф	162	...И роли доиграем до конца	165
...И роли доиграем до конца	165	<i>М. Булгаков «Зойкина квартира» .....</i>	167
<i>М. Булгаков «Зойкина квартира» .....</i>	167	Первый романс Аметистова	167
Первый романс Аметистова	167	Песенка китайца Газолина	167
Песенка китайца Газолина	167	Печальный романс Обольянинова, бывшего графа	168
Печальный романс Обольянинова, бывшего графа	168		

Геннадий Васильев • Весенняя песня скворца

Автор благодарит за бескорыстную помощь в создании этой книги художников Юрия Попова (обложка и иллюстрации к стихам), Румяну Внукову, Константина Войнова, Ольгу Боевко, Елену Петрушину (Воронову), фотографов Альгирдаса Пуоджюнаса, Виталия Иванова, Илью Матушкина.

В авторской редакции.
Компьютерная вёрстка – Ольга Шваб.
Корректор Елена Уварова.

Подписано в печать ??????. Бумага матовая. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № ????